АКАДЕМИЯ НАУК
СОЮЗА СОВЕТСКИХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ РЕСПУБЛИК

СБОРНИК ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ И СЛОВЕСНОСТИ

ТОМ I ВЫПУСК 2

Л. Л. ВАСИЛЬЕВ

О ЗНАЧЕНИИ КАМОРЫ В НЕКОТОРЫХ ДРЕВНЕРУССКИХ ПАМЯТНИКАХ XVI—XVII ВЕКОВ

К ВОПРОСУ О ПРОИЗНОШЕНИИ ЗВУКА *О* В ВЕЛИКОРУССКОМ НАРЕЧИИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
ЛЕНИНГРАД 1929

Напечатано по распоряжению Академии Наук СССР
Январь 1929 г.
Непременный Секретарь академик *С. Ольденбург*

Редактор выпуска акад. *Е. Ф. Карский*

Начато набором в апреле 1928 г. — Окончено печатанием в январе 1929 г.

Тит. л. + X + 164 стр.

Ленинградский Областлит № 15112. — 11 2/16 печ. л. — Тираж 650
Государственная Академическая Типография. В. О., 9 линия 12

ОТ РЕДАКТОРА.

Приват-доцент Петербургского Университета Леонид Лазаревич Васильев 16 августа 1913 г. обратился ко мне, издававшему тогда «Русский Филологический Вестник», с письмом, в котором между прочим писал: «Я окончил довольно большое исследование о значении каморы (ˆ) в некоторых древнерусских памятниках XVI в.; камора эта стоит над *о*, которое может быть сближено с напряженным *о* русских говоров (великорусских), с одной стороны, и с *ǫ* (по Плетершнику) словинского языка. Вот я очень бы просил Вас не отказать поместить это исследование на страницах Вашего глубокоуважаемого журнала... Возможно, что это исследование представлю на соискание степени магистра русского языка». Я ответил согласием напечатать названную работу. Однако рукопись Л. Л. Васильева ко мне не поступала. Из приписки его в письме ко мне я узнал, что он в то время находился в больнице по нервным болезням.[1] Из «Отчета о деятельности ОРЯС АН за 1916 г.» (стр. 11) я узнал, что названная работа Л. Л. Васильева (в рукописи), согласно отзыва А. И. Соболевского и А. А. Шахматова, удостоена большой премии имени М. Н. Ахматова. После этого в 1917 г. рукопись, наконец, поступила ко мне, с написанной карандашем на одной из страниц ее рукой Васильева просьбой напечатать работу в РФВ. Приступлено было немедленно к печати, и часть ее появилась в 78 томе журнала (см. ниже вын. на стр. 1). Но за недостатком средств издание РФВ прекратилось. Пробывши около десяти лет

[1] История писания работы о значении каморы рассказана Н. Н. Дурново в некрологе Васильева, напечатанном в Slavia, IV, 1926, № 4, стр. 858—860.

в психическом расстройстве, умер и автор сочинения. Между тем от разных лиц, занимающихся славянской акцентологией, поступали неоднократные запросы о судьбе ценного труда Л. Л. Васильева. Принимая во внимание, что названная диссертация не утратила своего значения до сих пор, хотя одновременно с нею и после явилось по вопросу об ударении в славянских языках несколько статей за границей и у нас, II Отделение АН СССР признало необходимым напечатать ее в Сборнике по русскому языку.

Так как тем же предметом и отчасти по тому же материалу одновременно с Л. Л. Васильевым занимался и А. А. Шахматов, то является желательным здесь же напечатать и отзыв о ней последнего, сохранившийся в бумагах незабвенного академика, глубокого знатока русского языка.

Е. Карский.

ОТЗЫВ А. А. ШАХМАТОВА О ТРУДЕ Л. Л. ВАСИЛЬЕВА.

Этот труд представлен на Соискание премии М. Н. Ахматова не самим автором, а согласно его желанию его родными. Сам автор тяжко болен. Болезнь помешала ему довести труд до конца и сдать его в печать. Но из приписки, сделанной 22 октября 1913 г. на листке, содержащем предисловие, видно, что автор, чуствовавший приближение тяжкой болезни, считал свой труд оконченным и надеялся увидеть его напечатанным. Впрочем, труд автора прервался еще в марте 1913 года.

Задачей своего труда автор в Предисловии ставит определение значения каморы (знака ˆ) в некоторых древне-русских памятниках XVI века. Автор остановился на следующих двух памятниках: Псалтыри XVI в. И. П. Б. F I, № 7 и Сборнике Софийской Библиотеки XVI в. № 1460. Оба эти памятника остановили на себе давно внимание автора своими ударениями; он «увидел в них однородную систему употребления каморы и догадывался, что камора стоит в них над буквой *о*, означая звук *о* из древнего *о* (не *ъ*) в таких словах, которые имеют неподвижное ударение» (ср. *вôля*, но *гóру, пóлно*). Но далее этого он итти не мог до того момента, как познакомился с трудом Олафа Брока «Описание говоров Тотемского уезда». «Я сразу понял, — продолжает автор, — что нашел ключ к интересовавшей меня загадке: случаи *ô* с каморою вполне соответствовали случаям с напряженным *ô* из Вологодск. говора, тогда как *ó* без каморы соответствовало обыкновенному *о*. В это же время я определил точные условия, при которых является первое и второе: *ô* из древнего *о* было обусловлено старым восходящим ударением *(вôля)*, а открытое *о* из древнего *о* нисходящим ударением *(гóру)*». Повторным толчком к обработке сделанных наблюдений было знакомство автора с описанием О. М. Тоньшина говора с. Ново-

сёлки Ряз. уезда, помещенным в Трудах Моск. Диалектологической Комиссии (РФВ, 1912, № 3), где различены те же два *о* при тех же условиях. Дальнейшие разыскания дали возможность автору привлечь однородные наблюдения и из других русских говоров, как-то: Даля для Задесенья Черниговского края, М. Разумовской для Нолинск. уезда Вятской губ., В. Лебедева для Грязов. уезда Волог. губ., анонимного автора для Кологрив. уезда Костр. губ., П. Н. Виноградова для Шунгенск. вол. Костр. уезда, В. Мансикки для Грязов. уезда Волог. губ. Кроме того: *ô* было указано еще в следующих доступных автору материалах: в наблюдениях А. А. Шахматова в Ельнинских и Мосальских говорах, в описании говора с. Рудинки Скопинского у. Рязанск. губ., помещенном в Трудах Диалектологической Комиссии, в описании говора с. Починки Егорьевского у. Рязанск. губ., в описании говора с. Васютина Петровск. вол. Рязанск. губ., в наблюдениях Ев. Ф. Будде по говорам Белевск. и Крапив. у., в его же наблюдениях по Касим. говорам. Установив таким образом свои материалы и справедливо отводя главное место между ними наблюдениям О. Брока в О. М. Тоньшина (последний дополнил напечатанное им в РФВ многочисленными ценными сообщениями, адресованными Л. Л. Васильеву), автор указывает затем на параллельные явления других славянских языков, при чем отмечает совпадение условий появления, напр., *о* в русском и словинском языке. Впрочем, такого совпадения на самом деле нет, а есть определенная параллель между наличностью в русских говорах *ô* напряженного под ударением не в корне слова и словинским *ó* (т. е. *"о* под восходящим ударением). Вот смысл вводных замечаний автора, изложенных на стр. 1—15 рукописи.[1]

Дальнейшее содержание представляет уже самое исследование, разбитое на главы и параграфы. Я кратко изложу содержание каждой главы. В I главе автор замечает, что камора в Псалтыри и Сборнике употребляется почти исключительно над *о;* отметив затем в обеих рукописях замену *о* через ѡ, автор дает краткие указания на употребление каморы в других случаях, вообще редких и в Псалтыри, вызванных, быть может, влиянием ее оригинала. Во II главе автор отмечает и объясняет те редкие случаи, где *ô* стоит на месте древнего ъ. В III главе рассматри-

[1] 5—17 печатн. Ниже страницы везде поправлены мною применительно к печатному тексту. *Е. К.*

ваются случаи, где звук *о* стоит в абсолютном начале слова. В IV главе (23—24) случаи, где *ô* стоит на месте древних *е, ъ*. В V главе (24—58) говорится о случаях с открытым *о* (в памятниках *ô*): «открытое *о*, — замечает автор, — обусловлено, как выше сказано, старым нисходящим ударением, которое устанавливается отчасти путем сравнения с сербским и словинским языками, а отчасти перенесением ударения на предлоги и приставки в русском языке». Гл. VI (58—88) рассматривает напряженное *ô* в срединном открытом слоге. Глава VII (88—109) приводит случаи с *ô* в закрытом срединном слоге. Глава VIII (109—125) приводит случаи напряженного *ô* в закрытом конечном слоге. Глава IX (125—133) приводит случаи с *ô* в конечном открытом слоге. Глава X (133—139) рассматривает случаи, где *ô* является в окончании членных имен прилагательных, а также местоимений и в творительном падеже единств. числа имен существительных женск. рода и местоимений. Глава XI (139—141) рассматривает звук *о* в глаголах на *-ovati*. Глава XII (141—143) исследует звук *о* в именах собственных и книжных заимствованных словах. Глава XIII, дополнительная (стр. 143—145), содержит некоторые общие выводы из наблюдений над русским ударением. К исследованию присоединено приложение, в котором под № 1 дается краткая характеристика письма Псалтыри F I № 7 и отражение в нем звуковых и формальных особенностей писца этой Псалтыри; под № 2 краткая характеристика письма Сборника Соф. № 1460 и отражение в этом письме звуковых и формальных особенностей писца этого памятника. Под № 3 (151—152) говорится об употреблении каморы над напряженным *ô* не в связи с системой обозначения ударений, подобною современной системе ударения: дело идет о рукописи XVI—XVII в. Архива св. синода № 3874. В приложении № 4 (153—159) говорится об употреблении в Сборн. Соф. № 1460 надстрочных значков: значка ˈ, значка ˋ, значка ˘. В приложении № 5 (160—161) говорится о возможном заносе употребления каморы над напряженным *ô* с юга славянства. В приложении № 6 (162) дан образец говора с. Новосёлки Рязанск. губ. по записи Ф. М. Тоньшина (сказка). В приложении № 7 (221—230 рук.) дан образец письма Сборн. Соф. № 1460.[1]

---

[1] В книге не напечатано. *Е. К.*

Таким образом, автор весь свой объемистый труд посвятил доказательству выставленного им положения, по которому звук *о* в русском языке диалектически различался и продолжает различаться до сих пор в зависимости от стоявшего на нем исконного ударения: под исконным нисходящим ударением *о* было и остается до сих пор открытым, под исконным восходящим ударением *о* было и остается до сих пор закрытым напряженным; эта диалектическая особенность сказалась в рассматриваемых автором двух памятниках, которые ударенное *о* открытое изображают через *б*, а ударенное *о* напряженное через *б̂*. В основу работы положены явления указанных памятников; они согласованы с явлениями современных говоров; и вместе с последними объяснены соответствующими явлениями древнего ударения, насколько последние обнаруживаются из текстов русского, сербского и словинского языков. Мне кажется, что автор справился со своей сложной задачей и действительно доказал те главные положения, которые легли в основание его исследования. В этом заслуга автора. Он обогатил науку русского языка ценнейшими соображениями. Правда одновременно с Л. Л. Васильевым пишущий эти строки пришел к тем же выводам, что автор названного исследования, по вопросу именно об отношении современных *о* и *б̂* ударенных в некоторых великорусских говорах к двоякой природе стоявших над *о* ударений (нисходящего и восходящего); о моих выводах знал Л. Л. Васильев, как он сам об этом говорит на стр. 12 и 15. Но я не мог даже помыслить о том, что в рукописи XVI в. можно отыскать различение *о* и *б̂*, столь поразившее меня, также как и Л. Л. Васильева, впервые в описании Тотемского говора, данном проф. О. Броком. И вот в этом привлечении рукописных данных является новая и существенная заслуга Л. Л. Васильева. Можно с уверенностью сказать, что без его труда не скоро бы дошли исследователи до отождествления графических явлений рукописи XVI в. в отношении к двум видам ударяемого *о* с фактами современного великорусского областного языка. Приходится удивляться наблюдательности и научному таланту автора и вместе с тем самым искренним образом пожалеть о том, что его нет среди нас, что он не продолжает своих работ, и что уже нет надежды увидеть в его будущих произведениях такие выдающиеся вклады, каков настоящий труд и какова одна из известных его работ, напечатанная в Известиях

Отделения Русского Языка и Словесности под заглавием: «Гласные в слоге под ударением в момент возникновения аканья в Обоянском говоре» (т. IX, кн. 1).

Свои критические замечания я ограничу лишь немногими возражениями; излагая их, я руководствуюсь прежде всего надеждой, что автор прочтет их и быть может воспользуется некоторыми из них, в случае если болезнь позволит ему приняться вновь за работу.

Во-первых, в отношении использованных автором материалов мы замечаем странный, непонятный пропуск. Л. Л. Васильев не догадался связать блестящего открытия, сделанного им в только-что названном исследовании об Обоянском говоре, с тем, что он говорил о двух *о* в современных и др.-русских говорах. Исследование Л. Л. Васильева доказало наличность в древнейшую эпоху жизни Обоянского говора *ô* под ударением, восходящего к исконному *о,* и *о* открытого под ударением, восходящего к исконному *ъ;* из колебаний, как *сяло* — *силом* ясно следует, что в *сяло о* было некогда *ô* напряженным; а *о* в *силом* открытое. Понятно, как важно было бы для автора привлечь к своему исследованию факты, хорошо известные ему по записям Н. Машкина Обоянского говора. Ведь в § 75 по вопросу о напряженном и ненапр. *-го* в род. находим у Л. Л. Васильева ссылку на Обоянский говор. Также на стр. 123 по поводу твор. над. В отношении материала замечу еще, что автор с недостаточной критикой отнесся к некоторым из них, напр. к наблюдениям точной Н. Н. Виноградова.

Во-вторых, мне кажется, что автор упустил из вида следующее основное и вместе с тем простое положение. Открытое *о* в русских говорах, различающих *о* и *ô,* может находиться только в начале слова, ибо нисходящее ударение в общеславянском праязыке, так же как позже в отдельных славянских языках (срвн. современный сербский и энклизу в русском), могло сохраняться только на начальном слоге, переносясь с других слогов на начальный. В виду этого Л. Л. Васильеву с самого начала исследования надлежало уяснить, что колебание между *о* и *ô* возможно только на начальном слоге, в середине же на слогах закрытых и открытых возможно только напряженное *ô.* Исходя из этого положения автор значительно сократил бы свое исследование, не разбил бы все имевшиеся в его распоряжении случаи на грамма-

тические категории, а рассмотрел бы, во-первых, напряженное ли или нет *о* в начальном слоге того или другого слова, во-вторых, все случаи, где в неначальном слоге явится *о* ненапряженное. Кроме того уяснение указанных главных оснований предостерегло бы Л. Л. Васильева от ряда ошибочных заключений и предположений: так он на стр. 137 и след. рассматривает колебание между тв. ед. *-ôю* исследуемых им памятников, *-ôй* в Рязанск. говоре и *-ой* в Тотемск. говоре по Броку и приходит к следующему заключению (на стр. 138): «Я присоединяюсь к мысли О. Брока, имевшего, правда, данные лишь одного говора, что открытое *о* для этой формы древнее, ибо стать из напряженного открытым для него не было особых данных в этой форме, между тем как оно могло легко приобрести напряженность по аналогии от членных имен прилагательных, где оно было законно». Ниже увидим дальнейшее развитие приведенного заключения, а пока утверждаем, что в таком заключении методологическая ошибка: *рукóю* было невозможно с нисходящим ударением на *о*, ибо нисходящее ударение перенеслось бы на предшествующий слог; следовательно, исконное произношение было *рукôю;* произношение же *рукóй* с открытым *о* скорее всего объясняется влиянием прилагательных, где рядом с *-ôй* из *-ôю* и *ôй* (дат. п.) было известно и *-ой* (из *-оь* в род. п.), при чем *-ой* вытеснило *-ôй* по аналогии (ср. вытеснение в некоторых говорах исконного *-ôй* через *-эй* в случаях как *хромэй,* дат. и местн., *хромэй, женэй, мнэй,* твор.). Равным образом наличность *ó* в дат. мн. в случаях как *делóм, зубóм, облакóм, сынóм, врагóм,* дат. дв. *крылóма, въкóма* (стр. 123) требовали бы настойчивого признания *ó* вм. ожидаемого *ô;* Л. Л. Васильев понимал, что *ó* здесь новое, но обнаруживает все-таки такое колебание, которому не может быть места, если иметь в виду основное положение о неисконности *ó* в неначальном слоге.

В-третьих, автору, несмотря на его блестящее открытие на основании различения значков ´ и ˆ в исследованных им двух памятниках, можно все-таки поставить в вину его слишком большое доверие к графике. Между прочим, как мне кажется, он не уясняет себе в достаточной степени, что знак ` нельзя признавать знаком ударения; это какой-то графический прием, применявшийся во многих рукописях для обозначения конечной гласной. Между тем в двух местах своего исследования Л. Л. Ва-

сильев придает знаку ` и значкам ᷃ на конце слова значение знаков ударения и впадает вследствие этого в досадную ошибку. На стр. 133 читаем: «Но самое интересное в этой Псалтыри заключается в знаке ударения над *о* при основном ударении: о́би́да̀щаго̀, изгѡна́щаго̀, пра́веднаго̀, вы́шнаго̀ и однажды при отсутствии основного ударения: въста́ю̀щаго̀. Последнее явление, если только здесь не случайный пропуск главного ударения на *-ста*, следует сравнивать с великорусскими фамилиями на *-во*: *Дурново́, Благово́, Сухово́*. Следовательно, хотя *о* у имен прилагательных в окончании на *-го* в общей массе и не имело на слоге ударения, но оно могло притягивать на себя таковое, если имя прилагательное выходило из категории имен прилагательных, которые своей акцентовкой других падежей препятствовали перенесению ударения на окончание (срвн. сербск. диалектические staregà, staremȕ, starimȉ)». Решительно возражаю Л. Л. Васильеву и нахожу, что ᷃ в Псалтыри, как и во многих рукописях XVI—XVII в., имеет значение простого надстрочного значка, а не ударения. На стр. 138 видим сходное утверждение; на основании написаний, как *оуздою̀, гроубою̀, землею̀, со мно̀ю̀*, к которым присоединяются очень не много случаев с ´ вм. ` *(роукою́, пред тобою́, со мно́ю, предо мно́ю́)*, делается вывод об исконности наконечной акцентовки твор. падежа.

Напротив, в заслугу автору ставлю его всестороннее освещение ударения отдельных слов и грамматических категорий; он дал нам ряд ценных экскурсов в область ударения русского и других славянских языков, обогатив их вместе с тем и исключительными сообщениями, касающимися звуковых явлений русского языка. Как указано в предисловии, автор задумал составить «грамматику древне-русского ударения по великорусским памятникам XVI—XVII и начала XVIII в.»; в настоящем исследовании помещены содержательные отрывки из этого неоконченного автором труда.

Несмотря на указанные недостатки исследования Л. Л. Васильева, я еще раз выскажу свое восхищение по поводу сделанного им блестящего открытия; заслуга автора, однако, не только в его остроумной догадке, явившейся в результате правильно поставленных наблюдений; он подтвердил ее научными доказательствами, свидетельствующими о глубоком понимании и фонетики и акцентологии славянских языков. В предложенных

научных доказательствах находим вдумчивые и важные исследования как о природе русских звуков, так и о месте ударения в целом ряде грамматических и лексических категорий.

Приняв во внимание все вышесказанное, я прихожу к заключению, что автор своим трудом существенно обогатил науку о русском языке: широко поставив вопрос о соответствии великор. областного напряженного *о* и ненапряженного *о* древнему характеру двух ударений над звуком *о*, автор первый из исследователей решился проследить характер *о* напряженного и ненапряженного в рукописях и доказал исчерпывающим и блестящим образом, что такое различие проведено в двух рукописях XVI в.

Признавая труд Л. Л. Васильева весьма выдающимся явлением в области русского и славянских языков, выражая надежду увидеть его напечатанным, я высказываюсь за присуждение большой премии имени М. Н. Ахматова.

О ЗНАЧЕНИИ КАМОРЫ В НЕКОТОРЫХ ДРЕВНЕРУССКИХ ПАМЯТНИКАХ XVI—XVII ВЕКОВ.

К ВОПРОСУ О ПРОИЗНОШЕНИИ ЗВУКА *О* В ВЕЛИКОРУССКОМ НАРЕЧИИ.

Предисловие.[1]

Хотя предлагаемая работа и касается одного вполне определенного вопроса о значении каморы в некоторых древнерусских памятниках XVI века, но в виду того, что этот вопрос предполагалось поместить, как особый отдел, в давно задуманную мною грамматику древнерусского ударения по великорусским памятникам XVI—XVII и начала XVIII в., из которой было бы вполне ясно, почему то или другое слово относится мною к тому или другому типу ударения, в виду этого обстоятельства мне пришлось в настоящую работу ввести, как необходимое освещение, некоторые главы или части их из помянутой грамматики, которые являются для этой работы как бы балластом и отклонением в сторону, а между тем без них мне было бы трудно убедить читателя в том или другом своем положении. Кроме того, боязнь, что означенная грамматика когда-либо будет окончена, заставила меня вводить некоторые ее обобщения и без особенно тесной связи с изложением; между тем я считаю таковые обобщения важными и нелишними для русской науки по уда-

[1] Начало работы (предисловие, введение и главы I — IV) являются перепечаткой из «Русск. Филолог. Вестника», т. LXXVIII (Казань, 1918 г.), погибшей в большинстве экземпляров во время пересылки по железной дороге в Петроград.

рению при недостатке каких-либо серьезных работ по этому отделу русской грамматики: это — те вехи, по которым можно будет легче другому исследователю строить обобщения фактов по ударению из древнерусских памятников: я знаю по горькому опыту, что таковые обобщения даются нелегко, а потому умолчать об них было бы с моей стороны грешно, не надеясь окончить свой труд (грамматику) в полном объеме.

Объяснение сокращений.

Рукописи:

Алф. — Алфавит, XVII в., А. Н. 33. 9. 1.
Арифм. (А. Н.) — Арифметика, XVII в., А. Н. 17. 8. 32.
Арифм (Г. П. Б.) — » » Г. П. Б., Q. IX. № 43.
Журн. Шерем. — Журнал Б. П. Шереметева, нач. XVIII в., Погод. № 1743.
Злат. — Златоуст, XVII в., А. Н. 33. 16. 10.
Кн. Степ. — Книга Степенная, до 1672 г., А. Н. 32. 8. 4.
Косм. — Космография XVII в., Г. П. Б., Q. IV. 270.
Лет. — Летопись XVII в , Погод. № 1406.
Новг Лет. — Новгородская Летопись, XVI — XVII в., А. Н. 34. 4. 32 (с 384 л.).
Нов. Зав XIV в. — Перевод Нового Завета, сделанный, по преданию, митр. Алексием (по фототипическому изд. митр. Моск. Леонтия).
Обих. К.-Б. — Обиход Кирилло-Белозерского монастыря, 1628—1629 гг., Тверской Музей, № 81.
Пал. XVI в. — Палея, XVI в., Соф. № 1464 (до 200 л.).
Пат. Скитск. — Патерик Скитский, XVII в., А. Н.
Подл. — Подлинник, XVII в., Погод. № 1928.
Псалт. — Псалтырь, XVI в., Г. П. Б , F. I. № 7.
Пс. Брюн. — Псалтырь Брюнона Вюрцембергского, А. Н. 16. 12. 7.
Сборн. — Софийский Сборник, XVI в., № 1460.
Сим. Лет. — Симеоновская Летопись, XVI в., А. Н.
Сказ. о срачице Госп. — Сказание о срачице Господней, XVII в., Погод. № 1590.
Торж. XVI в. — Торжественник, XVI в., Г. П. Б., приобретения 1907 г., № 96.
Триф. Кор. — Путешествие Трифона Коробейникова, XVII в., Погод. № 1590.
Хрон. — Хронограф XVI—XVII в., А. Н. 34. 4. 32. (до 384 л.).
Hort. Am. — Перевод книги Hortus Amoenus, сделанный в 1672 году земского приказа подъячим Андреем Никифоровым, рук. XVII—XVIII в., Погод. № 1683.

Старопечатные московские книги:[1]

Ап. 1564 г. — Апостол, 1564 г.[2]
Тр. П. 1589 г. — Триодь Постная, 1589 г.
Охт. 1594 г. — Охтаик, 1594 г.

---

[1] Мы пользовались экземплярами означенных старинных книг, принадлежащими Госуд. Публичной Библиотеке и Академии Наук.

[2] Римская цифра перед арабскою означает, в какой пагинации следует искать отмеченную форму: I — в первой, II — во второй.

Час. 1598 г. — Часовник, 1598 г.
Служ. 1602 г. — Служебник, 1602 г.
Ев. 1606 г. — Евангелие, 1606 г.
Мин. 1608 г. — Минея, октябрь, 1608 г.
Тр. 1623 г. — Требник, 1623 г.
Ратн. — Книга о ратном строении, 1647 г.
Сб. 1647 г. — Сборник, 1647 г.
Гр. Смотр. 1648 г. — Грамматика Мелетия Смотрицкого, 1648 г.
Улож. — Уложение царя Алексея Михайловича, 1649 г.
Кормч. 1650 г. — Кормчая, 1649—1653 гг.

Введение.

Обыкновенно в древнерусских рукописях и старопечатных книгах XVI—XVII веков *камо́ра* или *каму́ра* (греч. καμάρα) наблюдается над односложными словами вроде м҃а, с҃е, т҃о, мн҃ѣ и т. п. Такое ее употребление подтверждается и примерами старых грамматических рассуждений.[1]

Однако, кроме этого обычного употребления каморы, в рукописях и старопечатных книгах можно усмотреть и другие. Она отожествляется иногда со знаком ′ и указывает место ударения в слове.[2] Как на образцы, я укажу на старопечатные: московскую Кормчую 1649—1653 г. (ѿ е҆ретѝкъ 17, дѣ́ло 77 об., пи҃ра р. п. 83, молѝте 608) и киевский Анфологион 1619 г. (конц҃ 546, пожи́лъ 741, молю́сѧ 63); иногда при этом замечается тенденция обозначать каморой последний *закрытый* ударенный слог (Евангелие 1616 г., напечатанное «въ Евю»: гостѧ́тъ 28, принесе́тъ 32, на стѣна́хъ 40 об., кожа́хъ 156 и т. п.; реже; ѕтова́ришми 28). Из других употреблений каморы обращает на себя внимание, когда ею обозначается последний *открытый* ударенный слог: к этому типу относится, напр., Сборник Софийской Библиотеки XVI в. № 1464 (жена́ 4, ко мнѣ́ 7 об., теплоу́ 36 об., съ ѡ҃трокы́ 33), а также памятник XIV века — Чудовский Новый Завет, писанный, по преданию,

---

[1] И. В. Ягич. Рассуждение южнославянской и русской старины о церковнославянском языке (= Исследования по русскому языку, т. I), СПб., см. по «Указателю предметов» под словом «камора» соответствующие страницы.

[2] См. стр. 731 и 744 op. cit., где камора древними книжниками причисляется к просодиям, но ее употребление, однако, и здесь ограничивается односложными словами.

митрополитом Алексием (лоуна̑ 59 об., до|ждѧ̑ 144 об., бѣ̑ды̑ 93 об., рожени̑ 59 об., насоудѣ̑ 81 об., могоу̑ 64, хро|мцю̑ 60, число̑ 104, изведѣ̑ 20 об.; все эти, вернее, подобные им, формы возможны с ̀: трава̀ 8 об. и т. д.). Впрочем, в последнем памятнике камора нередка, особенно на первых 54 листах (более 150 случаев), и на срединных слогах (напр.: нѣ̑водъ̑ 8 об., лю̑ди 146, ѿ кра̑ѧ до кра̑ѧ 23 об.; чаще других букв, над *о:* го̑ре 7 об., в сно̑мище 16 об., хо̑дите 109).[1] Иногда камора употребляется совместно со знаком ́ (напр., в Торжественнике XVI в. Гос. П. Б. приобретения 1907 г. № 96: ты́же 198 об., вн̑ѣ́ погреба 565 об., ї тѯ̑ мно̑́|ги 273), но редко; в других случаях камора на односложных словах: что̑ 219, мѧ̑ 274, и въ своѧсі̑ 388 об. и др.[2]

Однако не вышеприведенные употребления каморы в древнерусских памятниках составят предмет настоящей работы; она

---

[1] В этом памятнике нередко замечается при обычной акцентовке параллельная ей, не совсем обычная наконечная, напр., пра̑ведно 84 об. и праведно̀ 100 об; и́стинни 157 и истиннѝ 155 об.; вре́мѧ 62 об. и времѧ̑ 66 об., до̀времени 121 об. и довременѝ 142 об.; во́имѧ 49 об. и воимѧ̑ 49, во́лю 156 и волю̀ 18, ѿ зако́на 121 об. и ѿ закона̀ ib., подобно каменѝ драгому̑ ꙗко ка́мени і аспидоу 158 и нек. др. (срвн. двойные ударения: пра̑веднѝ 13, би́|серъмѝ 156 об., хи́трьцѝ 72 об., оу̑гото́витѐ 76, обличаю́щѧ̀ 124 об.); рядом с этим в параллельных формах с наконечною акцентовкою ударение обозначается через ̂: ѿ сѣ̑мени 67 об. и не ѿ сѣ|менѝ 84; и́скрьно 128 об. и и̑скрено̂ 121 об.; потре́бни 130 и потре|бно̀ 131 об., бра̑шно 106 об. и брашно̂ 44, по́чиноу̑ 144 и починоу̑ ib., сїѡна 65 об. и сїѡна̑ 65 и нек. др. (срвн.: по дѣ̑иствоу̑ 134, проповѣ̑дано̑у 130 об.). В виду сего и принимая во внимание вышеизложенное, можно допустить, что открытый последний слог в говоре писца Нового Завета обладал какою-то особенностью притягивать на себя ударение, и эта особенность, повидимому, и обозначалась через камору.

[2] Из других употреблений каморы укажу на особенное, не поддающееся прямому определению, в Прологе XVI в. (А. Н. 21. 3. 1), орфография которого, в частности и по отношению к ударению, в отличие от всех вышеуказанных памятников, находится под *очень сильным* южно-славянским влиянием. Повидимому, здесь она не отожествляется с местом ударения и не является заместительницей знака ударения, напр.: на̑ селѡ̀ 115 об., вѣ̑кро́вь 90 об., на̑ѳ̑ѧстїлъ 99, во̑врещи́ 24 об., на̑ча́ло 102 (часто на неударенных предлогах, приставках и отрицании *не*); кроме того: ска̑за̀ 91, кѡ̑ли́ко 25 об., нѡ̑ша́ше 123, хѡ̑дѧ́щемѫ 204, рѡ̑ди́сѧ 102 об. Часто соединяется со знаком ′ и тогда, повидимому, стоит на ударенном слоге: кѡ̑′рми̑ 37, не̑′ти 153, на̑′ тѫ 159, на̑′ земли 110.

имеет целью выяснить особое употребление этого значка, а именно — постановку его то одного, то в соединении с ´ и `, над буквою *о*. Такая постановка ˆ в связи с расстановкою значков, которые можно без особых затруднений счесть за обозначение ударений, известна мне из двух памятников XVI века: 1) Псалтыри F. I. № 7 и 2) Сборника Софийской Библиотеки № 1460[1] (краткие характеристики письма этих памятников см. в приложениях № 1 и № 2); кроме того, мне известен один памятник, в котором употребление каморы на напряженном *о* находится не в связи с системою обозначения ударений (см. приложение № 3); об интересном употреблении иных значков в *Сборнике* см. приложение № 4.

Считая расстановку ударений означенных Псалтыри и Сборника[2] русскою, спешу оговориться, что настоящая работа отнюдь не имеет исчерпывающим образом рассмотреть расстановку ударений в этих памятниках, а потому к ней нельзя предъявлять этих или подобных требований. Я тем не менее не отрицаю, что среди русских акцентов могли проскочить южнославянские; особенно я склонен заподозревать в этом отношении Псалтырь и вижу, напр., южнославянские акцентовки в следующих случаях: вб̀ главу 164 при главѣ̀ 114, 49 об., вб̀ врата 135 об., вб̀ вратѣхъ 11 об., 181 об., возвра́тятсѧ 7 об., 10 об., 43, 53 об., но и возврати́тсѧ 44, 101 об., в мерзо̀стехъ 208 об., пре-

---

[1] В последнем памятнике камора употребляется не во всех почерках, а лишь в почерке, обнимающем листы с 4 по 49 об., с 69 об. по 76 об. и с 100 по 328 об. этим же почерком вписаны киноварные надписи на листах 50 по 69 и 77 по 99 об. Данные из этого почерка введены полностью в исследование. Кроме того, камора встречается на листах 50 по 69 и 77 по 99 об. В виду того, что писец этих листов был мало искусен, на них замечено порядочно отступлений в употреблении каморы, а потому данные последнего почерка нами выделены в приложение № 4 (читать приложение рекомендуется по прочтении самого исследования), в котором также приведены соображения о проникновении такого употребления каморы над *о* с юга славянства.

[2] Следует отметить, что в *Сборник* вошли многие русские статьи; напр.: Просветитель Иосифа Волоцкого (см. Абрамович. Рукописи Софийской библиотеки. Сборники).

моудрѡ́|сти 158, ꙗ́рбстїю 213,[1] не гбспѡдь ли 52 и др.; по энклизу при союзе *и*, ныне неизвестную в русском языке:[2] и́ в вѣки 223, нб̄о и́ землю 199 об. (впрочем, в случае кб̄нь и́менъ 39, где перед и́ вставлено второе и, я допускаю переписку из оригинала), я склонен считать за русскую, срвн. в русских частях Сборника и́ да не ѡста́виши 244 об. (см. еще 187), кроме того: и́ да неоу́с8|мни́писа 103 об., да́ та оу́кора́ютъ 43 об.; особенно обычна такая энклиза в Нов. Зав. XIV в.: роу́цѣ и́ нозѣ 41, съ страхомъ и́ трепето́ 128 об., и́ оуча 132 и много других. В Сбор. встретилась однажды еще энклиза при частице ѡ: ѡ́ гѡре 71 об. (срвн. обычно: ѡ́ члвче́ 262 об., ѡ́ мни́ше 187 об., ѡ́ бра́те 158 об., ѡ́ бл̄же́нна 108); подобная энклиза мне известна из Нов. Зав. XIV в.: ѡ́ роде певѣ́рныи 10, 31 об., и из Олон. губ.: о́горе начать, не знаешь как кончить (Георгиевский).

Оба эти памятника остановили мое внимание очень давно (лет 10 тому назад, если не более); я видел в них однородную систему употребления каморы, догадывался, что камора стоит над *о* из древнего *о* (не *ъ*) и притом в таких словах, которые имеют неподвижное ударение (во́ля, но: го́ру, срвн. на́ гору, по́лна), но далее этого идти я не мог.

Весной 1910 года я ознакомился с трудом Олафа Брока: «Описание одного говора из югозападной части Тотемского уезда» (в дальнейшем делаются ссылки на эту работу под сокращением: «Тотемск.» с указанием страницы описания) и я сразу понял, что нашел ключ к интересовавшей меня загадке: случаи *о́* с каморою вполне соответствовали случаям с напряженным *о́* из Вологодского говора, тогда как *о́* без каморы соответствовало

---

[1] Впрочем подобная акцентовка возможна и для русского языка: в белорусском наречии встречается: «молодо́сць = буйно́сць». Носович, Посл. 79; от тепло́сци не боля́ць косци ib.,123.

[2] Остатки подобного явления наблюдаются в современном сербском языке: да̑н и̑ но̑h (название цветка) — T. Maretić, Gramatika i stilistika hrvatskoga ili srpskoga književnog jezika, 1899, стр. 129; и̑ гла́ву и̑ ногу Schriften der Balkancommission. Linguistische Abtheilung, I, 1900 г., стр. 210.

открытому *о*. В это же время я определил точнее условия, при которых являлось первое и второе: *о̂* из др. *о* было обусловлено старым восходящим ударением (вôля),[1] а открытое *о* из др. *о* — нисходящим ударением (гбру).

Весной того же 1910 года я вторично прочел Псалтырь и Сборник[2] и приступил было к писанию работы, но магистерские экзамены прервали мою работу, а затем житейские волнения заставили надолго отложить ее окончание.

Новым толчком к возбуждению интереса к заброшенной работе было появление в «Трудах Московской Диалектологической Комиссии» (Р. Ф. В. 1912 г., №№ 3, 9—12) описания говора Рязанской губ. и у., Новосельской вол., с. Новосёлки, сделанное Ф. М. Тонышиным.

До этого описания я ограничивал употребление напряженного *о̂* и дальнейших его заместителей *ŭо, уо, у,* наблюдающихся в определенных категориях слов, северновеликорусским наречием: кроме описания Тотемского говора, сделанного О. Броком, мне были известны: 1) драгоценное наблюдение незабвенного Даля (О наречиях и пр. 27), что вятское *о* произносится местами *уо* или *уы,* почти как в задеснинском черниговском крае: *ничевуо, спруос, собуолья;*[3] эти примеры, как и при-

---

[1] Как здесь, так и далее во «Введении» я не привожу данных, подтверждающих восходящее ударение; таковые приведены в самом исследовании, к которому я и отсылаю читателя.

[2] Пользуюсь случаем выразить свою глубокую благодарность проф. Н. Глубоковскому, при содействии которого было получено разрешение доставить означенный Сборник из библиотеки С.-Петербургской Духовной Академии в архив М. Н. Пр., о чем ходатайствовал начальник Архива К. А. Воинский, которому считаю своим долгом также изъявить искреннюю благодарность за живое участие в деле доставления рукописи.

[3] Покойный Колосов не нашел дифтонгов в Вятской губ. на месте *о* (Заметки, 218—219). Также и проф. Е. Будде, специально ездившему разыскивать дифтонги в Вятском крае, таковых слыхать не удалось (Изв Общ. Арх., Ист. и Этн. при Каз. Унив., т. XIV_2, 194). Наблюдения Н. Васнецова (Материалы для объяснительного словаря Вятского говора., 1907 г., стр. 6) и Д. Зеленина (Отчет о диалектологической поездке в Вятскую губернию, стр. 7) хотя и подтвердили существование дифтонгов на месте *о* в Вятской губернии, однако характер дифтонгов (*оу* у Васнецова вместо *уо*) и пределы их распространения

водимые ниже, целиком подходят под рубрики с напряженным *о́*, т. е. наблюдаются под старым восходящим ударением; 2) ответ № 52 на программу Академии Наук для собирания особенностей великорусских говоров М. Разумовской из Вятской губ., Нолинск. у., села Колобова, где отмечено: «В некоторых словах звук *о* несколько походит на *у*. Такие слова: *воля, сто, Господь, Христос*. Но так говорят некоторые. Вообще, такое произношение встречается редко»; 3) ответ № 36 на ту же программу В. Лебедева из Вологодск. губ., Грязовецкого уезда, где указано: «В Спащине и в Спасо-Нуромском приходе Ростиловской волости Грязовецкого уезда вм. *о* слышится *уо, оу*, в словах как *пол, хорошо*»;[1] 4) ответ № 61 на ту же программу из села Халбуж, Кологривского у., Костромск. губ., где отмечено, что, помимо перехода неударенного *о* в *у (пуйду, вузьму, схужу)*,

---

в словах (*поулё* у Васнецова) заставляют быть осторожными в отнесении описываемых говоров к типу говоров, имеющих дифтонги и напряженное *о́* в слоге под древним восходящим ударением. Н. Васнецов в качестве примеров на дифтонг приводит следующие слова: *поуле, поупъ. оноу, поуйдемъ* (кроме того, в слоге без ударения *хоуроушо*, может быть, сюда следует отнести и *поуйдёмъ*) и с переходом в *у: нужикъ, уй* (в слоге без ударения *худулы*). Д. Зеленин по поводу *о* говорит: «Что до природы местного *о*, то очень закрытый, переходящий в *у* звук слышится сравнительно не часто». Опуская случаи, приводимые Д. Зелениным в слоге без ударения, отметим лишь: *уоспудь* (=господь), *широки раздулья* (=раздолья), где мы ожидали бы действительно *о́* или его заместителей. «На почве протяжения (что здесь нередко) этого закрытого звука является *уо*: *куонь* (=конь), *хуорошо́*». Случаи, отмечаемые Д. Зелениным, дают бо́льшее право на отнесение говора к типу говоров, имеющих *о́* в слоге под старым восходящим ударением. Что касается до дифтонгов в Яранском уезде (Д. Зеленин. Отчет о поездке в Яранский уезд... Уч. Зап. Юрьевского Унив., 1902 г., стр. 11), то здесь удлинение разных гласных и в слоге под ударением, и в слоге без ударения наблюдается *в последнем слоге*, где иногда долгое *о* переходит в *уо. уо́й, вуотъ* (в полосе ц.-санчурского говора) и *оу: батюшкоу* (зват. над. в говоре кукарском), срвн. еще ответ № 2 на программу Академии Наук, в котором указано в Кукарке: *Мироунъ*.

[1] Дифтонги, слышанные Колосовым в Тотемск. и Кадник. уездах Вологодской губ. («Заметки» .. 318), труось, спруосить, не позволяют отнести говоры, в которых слышал их Колосов, к типу говоров, имеющих *о́* под древним восходящим ударением. Также к этому типу затруднительно отнести говор Кадниковского уезда, описанный в Жив. Стар. 1895 г. III—IV, где при *туолько пуомню, куони* имеются *куоро́ва, дуома*.

встречающегося, впрочем, нечасто, «точно также и в таких словах, как *воля, смотрит* и др., в произношении некоторых крестьян звук *о* похож на *у;* но это исключение; у большинства он выходит чисто», и 5) наконец, работа Н. Виноградова: «О народном говоре Шунгенской волости Костромского уезда», 1904 г. В этой работе следует различать две части: материалы, собранные и записанные до поездки Н. Виноградова в 1904 г. в Шунгенскую волость, и материалы, собранные во время этой поездки и помещенные в особом, в виду отпечатания бо́льшей части работы, прибавлении (стр. 81—97). В материалах, собранных до поездки, Н. Виноградов отметил более сотни раз дифтонг *у͡о* в слоге под ударением на месте *о* и удивительным образом только в 5 случаях этот дифтонг отмечен не там, где его мы ожидали бы (*дубо́лгой* 21, где *уо* на месте др. ъ, затем *буог* 78, *слава бубгу* 77, *коло дубо́ма, два кубо́на* 7; о последних 4 случаях см. § 5, где указана причина появления этого неожиданного *уо*), между тем в материалах, собранных во время поездки, *уо* отмечено нередко и очень часто не там, где его следовало бы ожидать (напр.: *слу͡бо́во* 82, *золу͡бо́ука* 82 и др.). Объясняется это обстоятельство тем, что наблюдателем ранее отмечалось только вполне ясное *у* при *о*. («В тексте работы чуть слышное *у* не всегда указано», 100). Не желая подвергать сомнению сделанное наблюдателем post factum наблюдение, что «подъударное *о* всегда слышится, как дифтонг *у͡о,* хотя часто *у* чуть слышно» ib. 100 (срвн. категорическое утверждение на стр. 7, что «со́вы, угбдник, камбд — выговариваются, как пишутся»), мы признаем, что в говоре Шунгенской волости вполне ясно слышимый дифтонг *у͡о* наблюдается в слоге под древним восходящим ударением (данные из первой части работы введены в исследование; после них стоит сокращение Шунг. с указанием страницы). К вышеперечисленным описаниям говоров должно присоединить появившееся в прошлом году описание «Говора Грязовецкого уезда Вологодской губернии», сделанное В. Мансиккою (Р. Ф. В. 1912 г., № 4), где на стр. 274 приведен ряд примеров на за-

крытое *о* (= *о* с призвуком перед ним *у*: ᵘо); это *ô* слышится в восточной половине уезда, в местностях, граничащих с Тотемским уездом. Из 84 примеров на *ô* только 2 *(рукомôйник, нутрôм)* противоречат общему правилу. Все примеры введены в исследование с отметкою: Грязов.

Вышеупомянутое обстоятельное описание Ф. М. Тоньшина[1] с противопоставлением примерам с закрытым *ô* примеров с открытым *о* заставило меня переменить взгляд на район распространения *ô*, обусловленного древним восходящим ударением, и искать таковое *ô* также и в южновеликорусских говорах. В результате поисков оказалось, что *о* с закрытым оттенком слышится в южной части Мосальского уезда, соседящей с Жиздринским уездом, и отчасти в восточных окраинах уезда, граничащих с Мещовским уездом (А. А. Шахматов. Звуковые особенности Ельнинских и Мосальских говоров, стр. 60—61); приведем здесь примеры из этого говора: *слôпал*,[2] *мнôга*, *нôкак*, *шырôк*, *карôва*, *нездарôва*, *бисталкôвая*, *мужикôй*, а также: *мужикô*, *далôйжи*, *далôй*, *Праскôйя*, *дубрôй* (= дуброву), *тарôля*, *прôч'*, *варôч'аешься*, *харôш*, *нôсит'*, *вôдит'*, кроме того: *любôй;* противоречат общему наблюдению случаи: *плôх* и *jôс'* (= есть); к сожалению, акад. А. А. Шахматов, в противоположность Ф. М. Тоньшину, не привел случаев с открытым *о*. Далее, нам удалось отметить ряд южновеликорусских говоров, примеры из коих на *ô* и его заместителей как раз подходят под категории слов, где этому *ô* подобает быть: 1) Курск. губ., Старооск. у., дер. Курская и село Лапышино: *куôт*, *нуôвый* («у некоторых»),

---

[1] Весною прошлого года я вступил с Ф. М. Тоньшиным в переписку, результатом коей явился значительный материал на употребление *ô* и *о* в новосельском говоре Рязанской губ Весь этот материал введен в исследование с отметкою: Ряз. Кроме того, в приложении № 5 напечатана сказка, записанная Ф. М. Тоньшиным на новосельском говоре Пользуюсь случаем принести глубочайшую благодарность Федору Мироновичу за его любезное и внимательное отношение к моим, а также научным, интересам.

[2] Заменяем обозначение, примененное в этой работе для закрытого *о* (*о*ᵎ), обозначением *ô*.

Труды Московской Диалектологич. Комиссии, вып. 1, 1908, стр. 81; 2) Ряз. губ., Скопинск. у., с. Рудинка: *мнуого куонь*, впрочем, со знаком вопроса (?), ib. 113; 3) Рязанск. губ., Егорьевск. у., село Починки, в 50 верстах к югу от села Васютина: *харубо́ший, ширубо́кий, старубо́жка*, Р. Ф. В. 1911 г., № 3 и 4, стр. 193; 4) Рязанск. губ., Петровской вол., село Васютино и соседние деревни: *пирйо́г, сорйо́ка, котйо́рый, корйо́ва, хорйо́ший*, из письменного ответа на программу Акад. Наук С. Орлина № 133; 5) проф. Е. Будде в своем отчете о поездке в Тульскую и Калужскую губернии (Изв. III, 1898 г., 823—904 и 1273—1330) в говоре села Манае́нки, Белевского уезда, Тульской губ., отметил «дифтонг *йо* с очень малым растяжением, так что в говоре некоторых лиц этого села (в особенности у молодых девушек) я уже не мог подметить в этих словах дифтонга, хотя и слышалась какая-то особенность произношения. (Местный священник при этом сказал: «виш, как вывара́чивают»! Но уже это не был чистый дифтонг, а какая-то долгота звука скорее)», стр. 827. Из приведенных здесь примеров и почерпнутых из сделанных проф. Е. Будде записей бо́льшая часть безусловно подтверждает выводы нашей работы: *дэвить слабуо́д, сьвирабуо́й* (= зверобой, лечебная трава), *с табуо́ю* 840, *хуо́дим, -ть* 840, из других один: *басуо́й* 827, за необозначением падежа, должен быть отстранен из исследования и только два противоречат нашему наблюдению: *бальнуо́й* 836 им. п. ед. ч. м. р. и *суо́ли* р. п. 839. Примеры из других мест подходят под наши категории: *куонык* 844; *пашуть сахуо́ю* — с. Драгуны, Кранив. у., *схуо́диш туда́* — дер. Даниловка, Кратев. у., стр. 1281.

Что касается дифтонгов на месте *о*, слышанных проф. Е. Будде в Парахинской и Китовской волостях Касимовского у., Рязанской губ., а также в селе Ярыгине (Уч. Зап. Каз. Ун. 1896 г., май, 220—221), то эти случаи не дают возможности причислить говоры означенных мест к типу разбираемых в настоящей работе (*гуо́т* им. п. ед. ч., *хтаруо́й* (над.?), *дамуо́й*,

руб͡о́г им. п. ед. ч. и род. п. мн. ч., *за таб͡у́й, зим͡у́й, с͡о́уорāк, ͡у́оба, хамин͡у́о, дълякͅу́, адн͡у́, ницау́*, м. б. = ницавó). Характерные для типа наших говоров примеры, сообщенные профессору Е. Будде старожилами из прежнего говора («лет 30 тому назад») деревни Забелина, Погостинской волости: *кͅу́нь, Ахͅу́ня́в* 207.

Повидимому, рядом с говорами, в которых *о́* и его заместители слышатся в слогах, произносившихся в древности с восходящим ударением, существуют говоры, в которых таким *о* вытесняется открытое *о*. Может быть, этим и объясняется, что старожилы Ряз. губ. приводили примеры *о́* в словах со старым восходящим ударением, а проф. Е. Будде уже слышал дифтонги и в словах со старым нисходящим ударением. Срвн. отмеченный акад. А. А. Шахматовым (Исследования в области русской фонетики, Варш., 1893 г., 296—297) переход ударенного *о* в *о*, склонное к *у*, в говорах южной и средней части Пегрозаводского уезда; не только в *комната, пожня* и т. п., но и *золовка, ночь, соцкий* и др. (диалектически иногда появляется *у*: не только *вугю, куни* и т. п., но и: *двух су́ть, к нучи, груб* и т. п.); кроме того Лужск. *мōс* вм. мост.

Возможно, что некоторые говоры, как северновеликорусские, так равно и южнорусские, признаны нами имеющими *о́* лишь в слогах, произносившихся в древности с восходящим ударением, ошибочно, ибо те немногочисленные примеры (часто три — четыре), на которых основано это признание, могли случайно относиться к словам с древним восходящим ударением и в этих говорах *о́* слышится и в словах с древним нисходящим ударением. В виду сего, мы и ввели в свое дальнейшее исследование главным образом говоры, в которых слова с *о́* противополагаются словам с открытым *о* (Тотемск. и Ряз.); Шунгенский говор, описанный Н. Виноградовым, введен нами в исследование, ибо интересующая нас особенность отмечалась в записях, в которых рядом встречались слова с нисходящим ударением, не отмеченные этою особенностью; грязовецкий же говор, описан-

ный В. Мансиккою, мы не игнорировали в виду большого количества приведенных примеров.

Осенью прошлого года (в ноябре 1912 г.) я получил письмо от Ф. М. Тоньшина с известием, что новосельским говором интересуется также и акад. А. А. Шахматов, с которым я тотчас же переговорил и узнал, что интерес его также сосредоточен на звуке *о* и его заместителях. Когда я сообщил ему результат своих наблюдений (что открытость и закрытость *о* из др. *о* обусловлена разного рода древними ударениями), то он, к величайшей моей радости, разделил мой взгляд, и хотя он уже сдал свое исследование об этом явлении в набор, но по моей просьбе согласился обождать с печатанием своего труда до появления в свет моей работы.[1] В разговоре со мною он, между прочим, упомянул, что диалектологическое явление русского языка (об отражении его в памятниках он не знал) у него сравнено с аналогичным явлением других славянских языков. Может быть, мне не следовало из уважения к чужому труду разыскивать этой параллели славянских языков, но бес исследования мне не давал покою, и я без особенного труда уже вскоре после разговора с акад. А. А. Шахматовым знал, в каком славянском языке наблюдается аналогичное явление).[2] Это — словинский язык, в котором, по замечательному наблюдению М. Валявца (M. Valjavec. Glavne točke o naglasu kńiževne slovenštine, Rad CXXXII, 120), гласный *о* под старым восходящим ударением в неконечном слоге суживается в ǫ[3] (ǫ — знак, введенный М. Плетершником для обозначения узкого *о* с призвуком перед ним слабого *u*: Sloven-

[1] Пользуюсь случаем принести акад. А. А. Шахматову свою искреннюю благодарность как за это, так и за многое другое.

[2] Прошу извинения у акад. А. А. Шахматова за этот почти против воли совершившийся поступок.

[3] Что касается конечного слога, то он произносится в большинстве случаев (но не всегда) с кратким ударением, под которым ǫ не наблюдается. Трудно сказать, имеем ли мы в этом случае остаток старины или новое явление (т. е., что и здесь было также о, перешедшее в открытое *о*). Валявец, повидимому, склонен к последнему мнению, я же в виду фактов русского языка более склоняюсь к первому.

sko-nemški slovar izdan na troške rajnega knezoškofa ljubljanskega A. A. Wolfa, uredil M. Pleteršnik, 1894, I—II). Для своего исследования мы пользуемся, по преимуществу, данными словаря Плетершника; данные из работы М. Валявца, а также из «Словинско-русского словаря и грамматики словинского языка, составленных М. М. Хостником, 1900—1901 гг.» нами обыкновенно оговариваются.[1]

Из других славянских языков *ů* чешского и *ô* словацкого наиболее подходят под условия появления их под древним восходящим ударением, и мы, несмотря на порядочное число уклонений, данные этих языков ввели в исследование, памятуя, что такие уклонения могли быть вызваны позднейшею аналогией, как равно и уклонения в противоположную сторону, т. е. отсутствие ожидаемых *ů* и *ô*.

Мало того, появление *ó* в польском языке в открытом слоге часто падает на слова, в которых *o* было под старым восходящим ударением (диал. и лит. próba, rózga, róza, skóra, wóla, któ́ry, но: góra, gróza); примеры заимствованы у проф. С. М. Кульбакина: К истории и диалектологии польского языка, 1903, 149—150).

Интересно, что одним из исключений из общего правила в верхнелужицком языке появления узкого *ó* является глагол móžu, móžë, móhl, móhli (открытый слог, в котором *ó* обыкновенно не наблюдается), который и в нижнелужицком языке также уклоняется от общих правил: mógu, mógl, mógli (следует за *o* заднеязычный, перед которым *ó* не бывает). К. Мукке (Historische und vergleichende Laut- und Formenlehre der niedersorbischen (niederlausitzisch-wendischen) Sprache. 1891, 100),

[1] При определении старого восходящего ударения имеют часто решающее значение показания сербского языка. Мы пользовались в своей работе, кроме данных словаря В. Караджича, главным образом еще данными из прекрасной грамматики сербского языка Т. Маретича (T. Maretić. Gramatika i stilistika hrvatskoga ili srpskoga književnog jezika, 1899), а для чакавского наречия данными из статьи А. И. Белича: «Заметки по чакавским говорам», Изв. XIV$_2$; другие источники для сербского ударения оговорены в тексте работы полностью.

у которого мы заимствуем эти данные, объясняет появление *ó* аналогией. Мы же напомним, что в древности в этом глаголе *о*, если на него падало ударение, имело восходящее ударение.

В виду совпадения условий появления напряженного *ó* в русском и словинском языках, а, при известном желании, возможности видеть следы однородного явления и в других славянских языках (чешском, польском и лужицких), зачатки этого явления следует относить к обще-славянскому языку.

Прежде чем перейти к обозрению собранного нами материала, отметим, что для Тотемского говора О. Броком указан, правда с оговорками, еще тон в сочетаниях *ôo* и *uo,* заместителях *ô*. По Броку (стр. 48), в Паньковском говоре обыкновенный тип этих сочетаний с восходящим тоном: kuôot. Объясняется это Броком тем, что хотя голосовые связки выдерживают один и тот же тон с начала до конца, но для слушающего в виду того, что у *о* выше «собственный тон», чем *ô,* а у последней выше, чем *у,* получается впечатление восходящего тона. Возможно, что в этом сохранились остатки древнего восходящего ударения. Впрочем, Брок тут же замечает, что Ихалицкая старушка чаще пользовалась обратным движением тона, нисходящим. В виду сего необходимы еще наблюдения над этим явлением и при том незамедлительные, ибо старина вымирает быстро и через некоторое время, может быть, не придется уже услыхать чего-нибудь подобного.

ГЛАВА I.

§ 1. Камора ˆ и в Псалтыри, и в Сборнике употребляется почти исключительно над *о;* над заместителем *о* — буквою ѡ, которая в этих памятниках встречается часто, камора стоит в виде исключения; вот все замеченные мною случаи: во|спѡ́ите Псалт. 227 (где ѡ исправлено, впрочем, из другой буквы); — поклѡ́новъ Сборн. 19 об. — 2, долъжнѡ́є 205 об., бгѡ́слѡ́ва 54 об. (последний случай в киновари).

Весьма интересно, что употребление *о* и ѡ во всех остальных случаях, т. е. там, где над *о* не стоит каморы, может быть под-

ведено под следующее правило: после одной согласной пишется *о*, а после двух и более согласных ѡ; напр.: хожд҃ Псалт. 56 об., но: вхѡжа́ше ib. 54 об.; бо́гоу ib. 188 об., но: к бѡгъ҃ ib. 35 об.; — живото́мъ тв. п. Сборн. 8 об., но: добрѡ́мъ тв. п. ib. 46 и т. п. Однако нередки исключения: предомноѥ҃ Псалт. 17, премоу́дрости ib. 48 (срвн. премоу́дрѡсть 63 об., — ѡсти 67 об.), сквозѣ҃ ib. 84 об. и др., словеса Сборн. 4, о҆ оу҆трошнѣ҃ ib. 27 об.[1] и др., и обратно: ѫ҆рѡсть Псалт. 108 об., 120 об., (при ѫ҆рость 116 об., не ѫ҆ростїю 7). В виду того, что после предлога ѿ обычно пишется *о*, хотя оно следует после двух согласных *звуков*: ѿ҃ рова Псалт. 52 об., ѿ҃ рода ib. 12 об., ѿ҃ сонма́ ib. 53 об., ѿ҃ горы҆ ib. 4 об., ѿ҃ морѧ ib. 95 (срвн. еще твою́ ib. 45, 111), сътво|ри́ти 53, а в словах под титлом, где группа согласных является лишь на письме, ставится ѡ: нб҃ѡ Сборн. 5 об., хв҃ѡ ib. 6 об., дх҃ѡвно ib. 16, я думаю, что для писцов наших памятников означенный прием письма был не отражением каких-либо звуковых особенностей их говоров, а лишь внешним графическим приемом, усвоенным из других рукописей, в которых, может быть, он и отражал какую-нибудь особенность произношения, ибо, кроме положения после нескольких согласных, ѡ пишется и после одной согласной, но тогда, когда перед нею стоит неударенная гласная, долженствующая *одна* составлять слог: и҆сѡ́та Псалт. 24, и҆рѡ́дъ ib. 125, 139, 200; — оу҆гѡтво́ванїѡе Сборн. 25 об., и҆дѡлъ҃ ib. 72 и т. п., но часто превращающаяся в неслоговую в силу своего положения в начале слова, а потому приближающаяся к согласной; последнее обстоятельство и заставляет заподозревать, что означенный прием вызывался не чисто внешним признаком двух и более согласных букв, а чем то лежащим в произношении тех писцов, которые стали различать *о* и ѡ на письме. Более подробного рассмотрения употребления букв *о* и ѡ я сделать не мог; впрочем для характеристики говора наших писцов это и не необходимо.

[1] Чаще всего это наблюдается в конце строк: к бо́|гъ҃ псалт. 55, 88 об., тво|и҆гъ҃ ib. 59, ѿ҃ пло|да ib. 184, твои҆ю|ib. 198.

Что касается употребления каморы в других случаях, то в Сборнике она употреблена несколько раз над местоимениями *се* и *си:* сѝрѣ́чь 4 об., оу̀тверди́ ср̀це сѝ 49 (см. еще 39 об., 40), вре́мѧ сѐ 29, сѐ твѡра̀ 47 (см. еще 32 об., 33 об., 76 об.); кроме того: ко мнѣ̀ 69 об., злѣ̀ нар. ib., ю́нъ бѣ̀ 70 об.; затем: шесто|ѱа̂лъ|ма̀ 31, въ҃ѣ́ксаѱа̂|лмѣхъ 31; в случае хлѣ̀ба 242 об. камора сомнительна; в Псалтыри же камора, кроме слов односложных (во мнѣ̀ 18, мнѣ̀ 206, тмо̀ 142 об., тоу̀ 205 об., нб̀ 183 об.), обычна на первых 20 страницах на конечном открытом ударенном слоге: ѿ горы̀ 4 об., лоунѡ̀ 9, волы̀ в. п. 9 об., соудбы̀ в. п. 11 об., им. п. 12 об., роука̂ 13, вода̂ 20 об., слѡвеса̂ 14 об., ни дасѝ 17 об., приклѡнѝ п. н. 18, в средине рукописи редко: земла̂ р. п. 81; кроме того, как второе ударение: пра́вотꙑ̀ в. п. 17 об., пра́во|тѡ́ю 85 об. (правлено). Возможно, что в данном случае сказалось влияние оригинала, который был подобен вышеупомянутым Новому Завету митрополита Алексия XIV в. и Сборнику Соф. № 1464; писец Псалтыри копировал этот оригинал точнее в начале рукописи, а затем, заметив, что камора на последнем слоге излишня, перестал ее ставить в этом положении.

ГЛАВА II.

Напряженное *о* на месте древнего *ъ*.

§ 2. Как указано уже во введении, камора над *о* из древнего *ъ* в памятниках, в согласии с русскими говорами, является исключением. Исключения такого рода, в которых можно усмотреть описки или новообразования по аналогии при древних формах с *о* открытым, будут оговорены нами в дальнейших частях работы; здесь же мы остановимся на двух случаях напряженного *о̀* из древнего *ъ*, для которых недопустимо вышеприведенное объяснение.

I. Такое напряженное *о̀* наблюдается в слове *плоть* (←*плъть*). Сборн.: плѡ̀ть 285 об., 299, 303 об., плѡ̀ти д. п. 299 об., неплѡ̀тьска 297 об., плоть 29 об., 72 об., 116, 158, 175, 276.

плѡ̂ти р. п. 206, д. п. 9 об., м. п. 76; Псалт.: плѡ̂ть 34 об., 73 об., 80, 108, 115, 136; плѡ̂ти д. п. 107, 110, 188 об., 226 об., м. п. 138, в плѡ̂ти 49 об., 50, плѡ̂ть 17 об., 82 об., 98 об., 199, плѡ̂тїю 222, плѡ̂теи 32 об., плѡ̂ти в. п. 173 об. Мало того, что здесь *о* из *ъ*, но и ударение на нем было нисходящее (слов. pȏlt, -ȋ; do pȏlti mǫ̑kar; в древнерусских памятниках энклиза его при предлогах очень обычна: дѡ̂плоти Тр. П. 1589 г. 236 об., їсплоти Кормч. 1650 г. 621, ѿтпло[тк] Новг. Лет. 427, пѡ̂плѡти Сборн. 297 об., вѡ̂плоти Новг. Лет. 449 об., ѡ̆плоти Тр. II. 1589 г. 446 об.; отметим, что в вин. пад. ед. ч. энклизы этого слова мы не встретили: на плѡ̂ть Торж. XVI в. 366, Сборн. 1647 г. 190, 198, во плѡ̂ть Злат. 48, за плѡ̂ть Сборн. 1647 г. 662; встречающееся в говорах: *по̀ плоти,* а не *по̀ духу* Терск. Греб. (Караулов), вероятно, книжное. Надо думать, это слово было книжным и в старое время и приобрело *ô* под влиянием слова *плѡ̂тъ*, которое в одном из наших памятников как раз имеет напряженное *ô* (см. § 64).

II. Особенного внимания заслуживает колебание открытого *о* с напряженным *ô* в слове *любовь* с производными. Уже в Сборнике колеблется в этом слове обозначение *о:* люббвь 108 об. bis, 111, 193, 201 об., 249 об., *в* — 45 об., люббвїю 34 об., 73 об., 144, 168, 249, с лю|ббвїю 139 об., но чаще с *ô:* люббвь 8 об., 21, 106 об., 107 об., 108 об., 218, 234, 236 об., 248, 249 об., 320 об., 324, 326, *в* — 46 об., за лю|бвь 128 об., с люббвїю 318, 326 об. bis, 327; кроме того: лю|бвныи 248, лю|бвнаго 108, люббвнаѧ ib., но чаще с *о:* люббвнѡ ср. р. 22 об., (225), -о|внаѧ 107 об.; -бвныѧ 129, -бвнѡмѣ 34 об.; Псалтырь дает лишь один случай: в любвь 97. Напряженность *ô* поддерживается данными из Тотемск.: l'ubôf, l'ubôvi (35); но в Ряз. имеем открытое *о* в связи с таковым *о* и в суффиксе *-ов-* (см. § 56).

Сравнение с южнославянскими языками ясно указывает, что здесь мы имеем параллельные формы: одне с рефлексом древнего *ъ*, а другие с рефлексом древнего *о:* сербск. љу́бов при обычном љу́бав, љу̏ббван, љу̏ббвнйк, -йца, љу̏ббвца; словинск.

ljubâv, но: ljubǫvαn и ljubâvαn, ljubǫ́vnik, -ica, ljubǫ̂vca при ljubâvac. Происхождение в них *о* обязано безусловно влиянию подобных образований, в которые входил суффикс *-ov-* (для сербского языка такого мнения держится T. Maretić, Gramm. i stil. hrv. ili srpskoga književnog jezika, 1899, стр. 88); на это указывает, во первых, напряженное *ô*, которое обычно в образованиях с суффиксом *ov-*, а во вторых означенное влияние не ограничивается одним словом *любовь*, а распространяется и на другие слова с основною на *-ū:* сербск. прк҃ôвнй, прк҃овина; бȳков; смо҃ков; — словинск. cerkǫ́vαn, -ǫ̂vnik, -ǫ̂vnica, -ǫ̂vščina при cę́rkαv, -kve; — smǫ́kov, smokǫ́vαn, -ôvnik, -ǫ̂vnica,[1] smǫ́kovac, -ovje, smokovnják, smokovína при smǫ́kαv, -αvca; — sǫ́krovica; при sǫ́krvica; — redkovnják при rédkαv; — jętrovca (срвн. jętrva) болг. — любовь. Русский язык ограничивает означенное влияние только словом *любовь*, в остальных подобных словах указывает рефлекс древнего *ъ;* в Сборн.; цр҃ко҃внѡмѫ 139, -о҃внїй 6, 118, цр҃кѡ́вно҃ 131 об., Тотемск. ćerkôvnoj 148, krof, morkóf, svókróf 35, Ряз. церко҃вный, свекро҃вь.

О напряженном *ô* в случаях *вôнь (← вънь), вôимя (← взимя), вôпль (← въпль)* см. в следующей главе.

ГЛАВА III.

Звук *о* в абсолютном начале слов.

§ 3. Ни в Сборнике, ни в Псалтыри над начальным ударенным *о* не ставится каморы[2] (примеры из первого: и҃зъо҃ка 11,

[1] Отметим, что *о* в этом слове вместо ожидаемого сохранения *ъ* встречается уже в древнейших, не знающих перехода *ъ* в *о*, церковно-славянских памятниках, каковы Савв. и Остр. Евангелия (В. Н. Щепкин, Рассуждение о языке Саввиной книги, 96—98); впрочем проф. В. Н. Щепкин объясняет означенное явление в данных памятниках влиянием глаголических оригиналов, где *о* вм. *ъ* могло являться фонетически.

[2] Отличить стоящее над начальным *о* придыхание от каморы не трудно: первое представляет дужку, обращенную своими концами влево, при чем нижний конец часто бывает заостренный, вторая — дужку, обращенную своими концами вниз, при чем оба конца имеют как бы нажимы и заострений не представляют.

ѻ̆вцы 119 об., ѿстрыи 16, ѻ̆бще 167, ѻ̆пщагѡ 168 об., с̃ндѣ 313 об., ѿ|вїи 146, ѿного 266, ѻ̆ноу 25 об., ѻ̆хѣ 14, ѻ̆кр̃тъ 115 об., ѻ̆ веще[x] 130 об., ѻ̆ йме|ни 169, ѿ мори 250 об. и др.); из второй: до ѻ̆блак 45 об., ѻ̆стрѡви 96, ѿлово 204 об., ѻ̆ко 37, ѻ̆гнь 141 об., ѻ̆гнено 20 об., ѻ̆вчїи 160, йѻвнїй 209, на ѿдр 183 об., й ѻ ѕ̃вѣ 21 об., ѻ̆крест 180 об. и др.[1]

В согласии с памятниками ни в Тотемск., ни в Ряз. начальное ударенное никогда не бывает напряженным. Примеры для первого наречия приведены О. Броком в подстрочном примечании на стр. 38 (ósy, ós, śeń, ćeń, on, kuń, źžöro, Śip, karak, bruć, vći, Ǒĭja = Ольга, śńero; срвн. еще ko, ći 122, kna, kon ib., prasno 128, ś-sta 130, ba, be 129); для Ряз.: зеро, сенью, он. За то всегда, если перед начальным ударенным *о* развилось приставочное *в*, и в том, и в другом говоре *о* является напряженным; эту особенность подчеркивает О. Брок в вышепомянутом подстрочном примечании: «но vô- в трех найденных случаях с ô, а именно vôl'xa, vôśem (род. śńí) vôstroj»; для Ряз. вôстрый, вôсемь, вôтъ, вôспа, вôспенный, вôтчим, вôспища; может быть, сюда относится вôн (= там).

Напряженность *о* после приставочного *в* вполне понятна, ибо такое *о* развивало призвук *у*, из которого и мог легко образоваться звук *в*; закрытость, или напряженность, этого *о* акад. А. Шахматовым относится к общерусской эпохе (Русское и словенское аканье, стр. 63, срвн. еще Изв. XIII$_3$, 218—219).

Из Костр. Шунг. можно привести лишь: вубт 81 (но: вбстрой, вбспа; впрочем, последние примеры могут представлять и неточность записи).

В словинском языке начальное *о* довольно часто бывает напряженным и во многих случаях наблюдается совпадение с русским. ǫdar, ǫsam, ǫcat, ǫbar, ǫstar, ǫbči, ǫv, ǫspica, ǫlša, ǫja, ǫčim, ǫbedva.

---

[1] Точно также ее не бывает над начинающим слог *о*: сїѡнь 180 об., сїѡна 184, ѣфиѻпл҃не 95 об., ѣфї|ѻпьскимъ 100 (примеры из Псалт.); семїѻнъ 157 об., Феѻдотъ 221 об. (примеры из Сборника).

Повидимому, применительно к этой особенности книжное *вонъ (←вънъ)* приобрело в произношении древнерусских книжников напряженное *ô:* Сборн.: вôнь* чâ 12 об., вôньже 303, вôнь* 304 об., вôньже 144 об., 170, вôнже 237 об., вôнь* 312 bis, 212 об.; Псалт.: вô′нже 25, 131 об., 137 об. bis, вô′ньже 39, вôнь|же 108, вôнже 19 об., 73 об., вôн′же день 190.

Таким же книжным словом было выражение *вôимя* для писца Псалтыри: вô′и̂ма 180, 182 об., вô′има 24 об. bis, 39, 41, 70, 162 об., вô′има 144, вôи̂ма 164;[1] но писец Сборника правильно отметил его трижды открытым вôи̂ма 115, 116 об., 127 об.

Точно также последний писец отметил открытое *о* в вôпльми 142, но писец Псалтыри трижды написал его с напряженным *о:* вô′пль 137 об., вôпль 20, 215; может быть, для него живою формою была *вопъ* (в Улож.: слы́шачи кри́къ и вôпъ роз′би́тыхъ людей 310 об. и несколько ниже: накрикъ и̂ навôпъ; в правой грамоте от 15 января 1552 г. игумену Никольского Дудина монастыря на Арбузовых и их людей по иску в сорока рублях с полтиною: Крикъ вопъ великой (Н. П. Лихачев. Сборник актов, собранных в архивах и библиотеках. СПб. 1895 г., стр. 229).

ГЛАВА IV.

Напряженное *ô* на месте древних *е, ъ*.

§ 4. На месте древних *е, ъ* напряженное *ô* встречается редко, и почти все случаи, как в памятниках, так и в говорах, могут быть объяснены, как явившиеся по аналогии.

Напр.: болшôмъ Сборн. 35; *хорошô, свежô, вонючô* Ряз. (но: *кольцó, яйцó, плечó* ib.); *кряжôвник, жôн:* в Тотемск. «*ô* не могло развиваться из *ô*, явившегося на место старшего *е* в известных положениях; следовательно, не встречается «законного» *ô* после

[1] Срвн. превращение этого срощения в новое имя существительное *вôимя* Ярославск. и др.—образ (Даль Слов., срвн. еще Жив. Стар. 1895 г., III—IV, 42), что является не совсем обычным для языка и этим указывается на неправильно усвоенное книжное слово.

палатальной согласной» 34; такое «незаконное» *ô* по аналогии можно отметить в следующих случаях: fśôi̯ 125, fśôm 34, moi̯ôi̯ ib., vorob'i̯ôf 40; и b'er'ežôk 39 — *ô* непонятно, ибо в однородных образованиях имеется открытое *o*. Другие случаи напряженного *ô* в этом положении приведены в разных местах дальнейшего исследования; здесь же мы отметим только случаи открытого *o* из Тотемск.: ćóĺy (= пчелы) — ćoĺ, śóĺa — śoĺ, o ćóm 34, ńeužóli 103, žon 118, užó 144, kupćóf 120, lićó, i̯ei̯ćó 121, pl'ećó 122, fśo 125, кроме того: pošóu̯ 107, šóprćeš 139 и из Ряз.: пчóлы, щóтка, чечóтка, трещóтка, решóтка, ночóвка, счóт, счóты, наперечóт, ожóг, почóтный, иштó, бережóк, пятачóк, чóрный, жóлтый, нашóл, шóлковый.

ГЛАВА V.

Открытое *o*.

§ 5. Открытое *o* обусловлено, как выше сказано, старым нисходящим ударением, которое устанавливается отчасти путем сравнения с сербским и словинским языками и отчасти перенесением ударения на предлоги и приставки в русском языке.

Оно наблюдается в следующих категориях слов.

В именах существительных мужеского рода, односложных (или ставших двухсложными через полногласие) в им. пад. ед. ч., удерживающих ударение на корне (а с полногласием на первом слоге полногласия). Сюда относятся следующие слова:

Сборн.: бѡ́гъ[1] 207 об.; гнѡ́и 291 об.; гóдъ 112, 113 об., 117 об.; гѡ́ды в. п. 110 об., тв. п. 258 об.; гóстю 149; грѡ́бъ 73; грѡ́мъ 112 об., грѡ́|ми 283; дóмъ 203, -ы в. п. 126 об.; кóштемъ тв. п. 163 об. bis.; крѡ́въ 176 об.; мóрѫ д. п. 227 об.; мóстѫ р. п. 221 об.; мѫ́жькíи пóлъ 126 об.; впѡ́лъ дн҃и 37 об.; пѡ́|ты в. п. 236 об.; рóвъ 200, врѡ́въ 239; рóдъ 120 об., врѡ́дъ 261 (25 об.), рѡ́дъ ѿсвоего́ рóда 124, рóдѫ д. п.

[1] Как здесь, так и далее, без обозначения приводятся формы им. или вин. пад. ед. ч.

111 об., рóдо^{м} тв. п. 231 об.; рóды тв. п. 314; сóкъ 44 об.; стѡ́ро|жѫ́ д. п. 212 об.; кроме того из *ъ*: вóлкъ 158 об., 203; дѡ́лгъ 103 об.; сѡ́та р. п. 139, 328 [хѡ́лми 301]. Псалт.: бóгъ 153 об., 160, 164 об., 192 об., 195 об., 200, вбѡ̀гъ 36 об., бóга 148, 148 об., бóгоу д. п. 188 об. (225 об.), а̀небóгѫ́ 208 об., кбѡ́гѫ́ 35 об., 56 об., бóгови 88 об., збѡ́гомъ 62 об., бóже 115 об., 150, 153, 153 об., 154 bis., 156, 191 об., бóзи 114, надовсѣ́ми бóги 132, вбѡ́sѣхъ 118 об., 205 об.; вóскъ 27, 75 об.; гнѡ́и 114 об.; грѡ́бъ 6 об., грѡ́би 64; грѡ́здъ 209 об. bis.; грѡма 104, 141 об.; дóмъ 160 об., 187 неск. раз, 225, вдѡ́мъ 179, вдѡ̀мъ 159 об.; знѡ̀и 219, знѡ́л р. п. 208; закрѡ́въ 20 об., крѡ́ва р. п. 32 об., 55 об., въкрѡ́вѣ 18, 38, 45 об. (79), крѡ́вы в. п. 212 об.; пóлъ 214 об.; рóвъ в. п. 9, врѡ̀въ 33 об., 120, 195 об.; рóгъ 19 об., 122 об., 159, 184 об., 201, 211, 212, рóга р. п. 101, рóзи 212 об.; рóдъ ѝрóдъ 198, врѡ́дъ ѝрóдъ 149, врѡ̀дъ ѝрѡ̀дъ 171 об., врѡ́дъ 12 об., 155, 187, врѡ̀дъ 116 об., рóда р. п. 207 об., 213 об., рóдоу д. п. 94 об., врѡ́дѣ 16, въвсѧ́комъ рóдѣ ѝрѡ̀дѣ 198 об. Кромѣ того из *ъ*: сóтъ 163 об. [хóлми 160]. Тотемск.: Box, 25, 101, bóγu, bóγom 111, boį, bok, bor, brot, vosk, gvoś,[1] got 37, gódy 126, goś, grom 37, 142, dom 37, dómu, dómom, dóńe 119, Их. łoį 37, mosk (mozgí), mor, nos, roų (с колебанием, не имеется ли здесь rôų) 37, rof[2] 34, Их. roį 36, rok róga, rot ródu 37, xot 34; с полногласием: vółos, gółot, górot, kórop, stóroš, xvóros 43, кроме того: sórok 43; *o* из *ъ*: rot, iz rótu, łop, ot łóba, mox, iz móxu 34, 146.

Среди примеров на *ô*, собранных В. Мансиккою, не отмечено ни одного из слов, принадлежащих этому типу.

Н. Н. Виноградов в своих записях обычно в словах этого типа также не отмечает *уо* (*бóга* 64, *бóг* 68, *з бóгом* 66,

[1] В северновеликорусских говорах встречается накоренная акцентовка этого слова: гвóздя (Н. Виноградов. О нар. говоре Шунгенской вол. Костромской губ., 68).

[2] Здесь имеется рефлекс древнего *o*, а не *ъ*, как думает О. Брок; срвн. малорусск. рiв, сербск. рȍв — рȍва, слов. rȍv, чешск. rov, польск. rów.

бро́ды 70, *во́ры* 43, *го́сти* 61, *гво́здя* 68, *до́мы* 71, *в до́ме* 64, *но́сом* 79, *рог* 21, 22, *с ро́ду* 63, *ход* 58, *во́лосы* 70, *во́рон* 72, *го́род* 61, *по го́роду* 71, *в го́роде* 65, *ко́лобы* 73 и т. п.), а на стр. 7 утверждает, что «в односложных словах *о* как *уо* по большей части не произносится — *дом, кон*» и далее делает оговорку с весьма интересными примерами: «но стоит им (т. е. односложным словам) при склонении обратиться в двухсложные, и сейчас же появляется уоканье: *коло дуо́ма, два куо́на*». И только всего, стоит стать двусложным и *уо* на лицо? Я подозреваю, что этого недостаточно, ибо если бы этого было достаточно, то зачем наблюдатель привел для примера не просто двухсложные формы падежей этих слов, а прибавил в начале этих слов другие слова, являющиеся проклитиками по отношению к данным; я думаю, это произошло оттого, что выражения *коло дуо́ма, два куо́на*, приближаясь по своему строению к словам сложным *(богослов)*, в которых *уо* обычно (см. § 61), развили это *уо* на том же основании. Что касается до случаев: *буог* 78, *слава буо́гу* 77, то и они характерны тем, что первый приведен в выражении, где перед *буо́гу* стоит слово, тесно к нему примыкающее (слава), а во втором (на следующей странице) *уо* отмечено наблюдателем не как результат действительного наблюдения, а под влиянием только что напечатанного *уо* в *буогу* на предыдущей странице.

Ряз.: *бог, бор, с бро́ду, на воз, вор — во́ру* д. п., *воск, гво́зди* мн. ч., *гной, год, гость, гром, грош, дом, да до́ма, звон, кон — ко́на, лом, нос, пол, пот, ров, рог, род, рост, сор, стог, сто́га, ток, ход; во́рон, во́рот, го́лос, в го́роде, ко́локол, мо́лот, по́рох* (срв. еще *о* из *ъ: вопль, корм, лоб, мох, рот*).

Производные от них имена существительные с суффиксом на *-ик* также имеют открытое *о; гво́здик, гро́шик, до́мик, мо́стик, но́сик* Ряз., срв. напряженное *о́* в подобных именах, образованных от имен существительных с *о́* (§ 64). Теоретически на основании полногласной формы *волбсик* Ряз. мы здесь ожидали бы напряженное *о́*.

Для большинства из вышеприведенных слов нисходящее

ударение может быть доказано энклизою их при предлогах, распространенною в древнерусских памятниках и нередкою в современном языке: «до́ бога высоко, до царя́ далёко; *у́ бага дня* (= ежедневно) Курск. (Машкин), *за́ багам* молитва, а за царём служба ни прападая ibidem.; на́бога Псалт. 73 об., пре́дбогомъ ib. 86, бо҃зе҃ Новг. лет. 407; на́богы Торж. XVI в. 256 об.; ѡ҃бose[x] ib. 91; про́бой Улож. 14 об., на́бои Сим. лет. 203 об., Ратн. 7; и вырвал *из́ боку* кусок он, как из теста (Вас. Майков); по́ боку, *бок о́ бок* трется со смертью злой (Крылов); а нынче барин *по́д боком* (Некрасов); ѡ҃бока Кормч. 1650 г. 416 об., на́бокъ Плув. 95 об.; *до́ бору* Вятск. Яранск., Ж. Ст. 1903, III, 406, *по́ бору* Даль, Посл. 790, *на́ бор* Вятск. Котельн., Мат. № 46; на́боре Новг. лет. 511 об.; ѕбродѕ ib. 603 об., на́броде ib. 513 об., на́броды Кн. Степ. 519; который *у́ воза* хозяйского лежал (Крылов); *по́ возу* Терск. Греб. (Караулов); стал *на́ воз*; видим: крестится (Некрасов); привыкла собака *за́ возам* хадить Курск. (Машкин); на́возы Сим. лет. 2; у нас, в деревне народ *вор на́ воре* Тверск. Кал. (дер. Курапово); оу҃вора Лет. 280; за́воромъ Улож. 34 об.; на́воскъ Кормч. 1650 г. 317 об.; про́гвозди Сказ. о срачицѣ Госп. 82 об. (срвн. твор. пад. гво́здемъ Ратн. 198 об.); ѡ҃гноа Тр. П. 1589 г. 243; *бе́з году неделя, и́з году в год*; к нам земская полиция не попадала *по́ году* (Некрасов); *за́ годом, что за́ веком* Даль, Посл.; *на́ годы* Моск. (Чернышев); о҃тгода до҃года Новг. лет. 446; *бе́згода* Сборн. 202; за́годъ 208; гости *на́гости* хозяевам радости, ѕгоста Новг. лет. 634 об., посла҃ по҃гости ib. 416, за́гость Алф. 169 об.; *во́ гроб* Вологодск. Кадн., Ж. Ст. 1903, I—II, 201, и҃зогроба Хрон. 247 об., со҃гроба Кн. Степ. 175 об., ко́гробу Злат. 146; на́д'гробом Новг. лет. 575, при́гробе Сборн. 1647 г. 249, во҃гробѣхъ Псалт. 86 об., о҃т'грому Новг. лет. 467 об., о҃громе[x] ib. 582 об.; *от́ долу* Даль, Слов.; ѡ҃долѕ Сборн. 1647 г. 233 об., до҃долѕ Нов. Зав. XIV в. 15 об., Торж. XVI в. 30 об.; *у́ дому* ждут ломовые извозчики (Некрасов); пожаловал к вам кто-то *на́ дом* (Грибоедов); *о́ доме* Костр. Кологр., Мат. № 250; и҃здомѕ

Торж. XVI в. 285; бе́здомъ Сборн. 1647 г. 595; на́домѣ ib. 737, на́домы ib. 683 об.; дозвонъ Обиход К.-Б. 92; ѿзноа Тр. П. 1589 г. 182 об., Сборн. 1647 г. 240; *из́ кону в кон* (Чернышев), *на́ кон*; рок на кону бьет, неурочье *за́ коном*; деньги *на́ кон*; во́кровѣ Кн. степ. 328 об.; *на́крове* Ев. 1606 г. II, 90, *во́кровех* Час. 1598 г. 19; ѿлова Тр. П. 1589 г. 392 об., на́лов Псалт. 18 об., на́ловы Косм. 56; ѿмозгъ Пс. Брюн. 162: *до́ мору* РФВ 1898 г. № 1 и 2, 163; о́тмора Хрон. 262 об.; на́моръ Новг. лет. 624, ѿморе ib. 562; Что делала? Жила-с *у́ моста* Тючкова (Измайлов); Чем *на́ мост* нам идти, поищем лучше броду (Крылов), *за́ мостом, по́д мостом;* ѣмосту Новг. лет. 508; по́мостъ ib. 459, ѿмостъ Кн. Степ. 152; что волосы *из́ носу* шибко росли (Некрасов); и, поводив Европу *за́* нос (Минаев); а в клетке *на́д носом* твоим висит щеглёнок (Крылов); йзноса Hort. Am. 94 об.; дбноса Плув. 207 об.; за́нос Улож. 324 об.; *бе́з палу* Моск. (Чернышев), *по́ полу, на́ пол*; *по́д полом поло́м* ходит барыня с колом (крыса); йсполъ мертвы Торж. XVI в. 416, дбполъ Кормч. 1650 г. 402, на́полы Хрон. 248 об.; ночь хранят, наевшись *до́ поту* (Некрасов); ѿпотъ Ратн. 22 об., Кормч. 1650 г. 507 об.; *из́ рова* Тотемск.; йзрова Хрон. 223 об.; ѿрова Псалт. 52 об., Сборн. 239; да *по́ рогу* еще для случая в запас (Дмитриев); *за́ роги* Терск.-Греб. (Караулов); дорога Пс. Брюн. 255; *из́ роду* в род; *о́т роду;* дорода Псалт. 65, о́трода Новг. лет. 401, по́родъ Тр. П. 1589 г. 81 об.; за́родъ нашъ Охт. 1594 г. 8; о́родѣ Ап. 1564 г. 13 об.; по|родѣ Сборн. 1647 г. 338 об.; бе́зростъ Улож. 21, 148 об., за́ростъ ib. 47 об.; *на́ стог* Новг. (Соловьев) — редко; пашол *на́ ток* малатить Курск. Об. (Машкин); *по́ току* Терск. Гребк. (Караулов); йсходъ Улож. 101; хотя слова с полногласием говорят сами за себя о исходящем ударении, тем не менее приведем энклизу их при предлогах: а проку *на́ волос* нет в них (Крылов); схватить *за́ волосы;* сказал и *за́ ворот* советника схватил (Измайлов); ум *за́ морем*, а смерть *за́ воротом* (Даль, Посл.); оўворота Подл. 8 об., 13; о́тглада Новг. лет. 445; песни *на́ голос* заводит (Кольцов); ѿгласа Псалт.

58, 71; со́гласомъ ib. 215 об., во́гласѣ ib. 62; во́гласѣхъ Охт. 1594 г. 157 об.; *и́з городу* Костр. Шунг. (Виноградов); скачут *за́ город;* будет дуэль (Некрасов); *за́ городом;* до́города Алф. 131, по́городу Новг. лет. 485; по́дгородо̾ ib. 487 об.; на́городе ib. 592; во́грады Хрон. 384; во́градехъ Сборн. 1647 г. 135 об.; ни *и́з короба,* ни в короб (Даль, Посл. 206); на́поро̾ Hort. Am. 104, до́порохъ Ратн. 51, 58 об.; ѕсторожа ib. 212.;[1] человек *до́ сараку* Моск. Клинск. (Чернышев); *по́ сороку* Новг., Ж. Ст. 1893 г., III, 384; *за́ сорок* верст в Кострому прямиком (Некрасов); за́сорокъ лѣтъ Улож. 225 об.

В сербском и словинском языках нисходящее ударение большинства этих слов сохраняется доныне. Сербск. бо̏г — бо̀га, бо̏j — бо̀ја, бо̏к — бо̀ка, бо̏р — бо̀ра, бро̏д — бро̀да, во̏з — во̀за Мажуранич (так и у Белича, у Караджича: во̏з — во̀за), во̏сак (под влиянием других падежей) — во̀ска, гно̏j — гно̀ја, го̏д — го̀да, го̏ст — го̀ста, гро̏м — гро̀ма (у Караджича гро̏м — гро̀ма), до̏ — до̀ла, до̏м — до̀ма, чак. zvо̏n — zvо̀na (А. Белич), зно̏j — зно̀ја, кро̏в — кро̀ва, ло̏в — ло̀ва, ло̏j — ло̀ја, мо̏зак (или мо̀зак) — мо̀зга, мо̏ст — мо̀ста, но̏с — но̀са, по̏, по̏т — по̀та, ра̏ст — ра̀ста, ро̏в — ро̀ва, ро̏г — ро̀га, ро̏д — ро̀да, ро̏j — ро̀ја, со̏к — со̀ка, сто̏г — сто̀га Маж. (у Караджича сто̏г — сто̀га), бе̑лӣ то̑к, хо̑д — хо̑да; вла̑с, вра̑н, вра̑г, гла̑д, гла̑с, гра̑д, пра̑х (пра̑ха Маж., а Караджич пра̑ха);[2] однако возможны и уклонения от этого типа акцентовки: у Мажуранича отмечены бо̀ја, бо̀ра, ро̀ја; ро̀в — ро̀ва, чак. krо̀v — krovà (А. Белич), срвн. Ряз. *ро́й*, Тотемск. го̑j при го̑j 36, также Ряз. *бо́й* — *бо́я,* а некоторые слова известны только с иной акцентовкой: гро̀б — гро̀ба,

[1] Было бы ошибкой думать, что все эти слова и им подобные встречаются в памятниках при предлогах всегда в виде энклитик; правда, реже, но возможны ударения на управляемом слове: от|до́му Новг. лет. 430, зад|о́мъ ib. 476 об.; бескро́ва Торж. XVI в 387 об.; закро́въ Сборн. 1647 г. 640 об.; нало́въ Хрон. 308 об.; з|мо́стѣ Кн. Степ. 509 об.; зар|о́дъ Торж. XVI в. 353; погла́сѣ ib. 658; по|го́родѕ Сим. лет. 114; без|по́роха Кормч. 1650 г. 613 об. и т. п. Наконечная акцентовка этих слов в формах ед. ч., за исключением местн. пад. на -*у́* редка: Ѳдомо̾ Нов. Зав. XIV в. 72, 85 об., Ѳдомѣ Сборн. 1647 г. 590; Ѳполѣ Алф. 432.

[2] Энклиза этих слов обычна в сербском языке: до̑ бога, у̑ год, по̑ рогу и т. д.

grȏzd — grȍzda, kȏn; чак. grȏb — grobȁ, grȏzd — grozdȁ (А. Белич). Слов. bǫ̑g — bogȃ, bǫ̑r, brǫ̑d, vǫ̑z — vǫ̑za — vozȃ, vǫ̑sk, gnǫ̑j — gnojȃ, gǫ̑d — gǫ̑da — godȗ, gǫ̑st — gostȗ — gȍsta, grǫ̑m, dǫ̑l, dǫ̑m, zvǫ̑n — zvǫ̑na — zvonȃ, lǫ̑j, mǫ̑zg, mǫ̑st — mǫ̑sta — mostȗ и -ȃ, nǫ̑s — nǫ̑sa — nosȃ и -ȗ, pǫ̑l, pǫ̑t — pǫ̑ta — potȗ, rǫ̑g — rǫ̑ga — rogȃ, rǫ̑d — rǫ̑da — rodȗ, râst, sǫ̑k — sǫ̑ka — sokȃ; в словинском языке слов, имеющих иную акцентовку, нежели в русском, более, чем в сербском: bòj — bója, bòk — bóka, kròv — króva, kòšt — kóšta,[1] lòv — lóva, ròv — róva, ròj — rója, stòg — stóga (этим словам в русском языке соответствовали бы слова с наконечной акцентовкой), mòr — mǫ́ra; tòk — tǫ́ka.[2] Появленіе в двух последних словах напряженного ǫ загадочно; однако следует отметить, что три слова: lǫ̑v, hǫ̑d, znǫ̑j в словинском же языке могут иметь акцентовку, выводимую из более древней наконечной: lòv — lóva, hòd — hóda — hodȃ, znȍj — znója, другие три: drǫ̑zd, hvǫ̑st, plǫ̑d — plǫ̑da — plodȗ указывают таковую в сербском и русском языках: дроздȁ, сербск. дрȏзд — дрȍзда, плодȁ (по-сербск. плȏд — плȏда, возможно и для русского изредка, скорее диалектически, плóда), хвостȁ; в виду этого, нельзя ли предположить, что принадлежность этих слов к типу слов с нисходящим ударением явилась после того, как выработалось ǫ под прежним восходящим ударением в им. п. ед. ч., но до его сокращения (znȍj при králj, trǫ́d)? Из других слов нам известны: bǫ̑d (сербск. бȏд), kǫ̑v (сербск. кȏв — кȍва), lǫ̑šč, lǫ̑ž и strǫ̑j.

§ 6. В уменьшительном имени существительном róžki Ряз. открытое *o* подтверждается словинским языком, в котором при ударении не на окончании имеется ненапряженное *o* с нисходящим ударением на корне: brǫ̑dak, dǫ̑mak, drǫ̑bak, mǫ̑stak, nǫ̑sak,

---

[1] Впрочем, для русск. *кошта* не имеется явных указаний на нисходящее ударение.

[2] Этому типу в сербском языке соответствует чак. krȏp — krȏpa, т. е. с кратким восходящим ударением во всех падежах (срвн. еще: gȍn — gǫ́na, lȏm — lǫ́ma, rȍk — rǫ́ka, skȍk — skǫ́ka, skȍt — skǫ́ta, vȍd — vǫ́da).

sǫ̑čak, vǫ̑zak; само же rć̑žak с оттянутым ударением соответствует русск. *рожо́к*, срвн. stǫ́žak, stǫ́łak, mǫ́łak, kǫ́zak и т. п.; plǫ̑dak, prǫ̑stki имеют ǫ̑ по аналогии к plǫ̑d, prǫ̑st. Сербск. рȍжак может подтверждать Ряз. *ро́жки*.

§ 7. В двухсложных именах сущ. муж. рода, принадлежавших в древности к разным основам *(-o, -i, -n)*, при удареніи на *о*, находящемся в первом слоге, таковое *о* является обыкновенно открытым. Сборн.: безгѡ́вора 21, рогозъ в. п. 190 об., гол҃бь 157; Псалт.: го|спода р. п. 158 об., голоть свои 201 bis, голуби д. п. 71, йко́рень 69, го́споди зв. п. 155 об. bis, ѡ̑ 161 об., го́спѡдеви 157 (143 об.), предъ го́спѡдемь 137 об. (162); Тотемск.: kókťi 111, kóŕeй 121, nókoť 34, 121, с полногласием: gбłoveй 43; Костр. Шунг.: *с кохтём* 23, *нохти* ib.; Ряз.: *гово́р, го́спода, ко́чет, то́пот* (если здесь о не из ъ), *хло́поты, гро́хот; го́споди* зв. п., *голу́пь, ко́рень, ко́гти, но́готь*.

Для большинства приведенных слов нисходящее ударение, обуславливавшее открытое *о*, доказывается энклизою этих слов при предлогах: ѡ̑ господа Псалт. 164, Кормч. 1650 г. 230 об., ко́госпѡдѧ Псалт. 102 об., пре́дъгоспѡдемъ ib. 155, ъ̑госпѡдѣ ib. 143 об., ѡ̑тъгѫ̑а Новг. лет. 524, ко́гдѧ ib. 384, сѣгдеᵐ ib. 387 об., на́|гда Улож. 66, на́гда возваˣ Тр. П. 1589 г. 1; йскорню Моск. (Чернышев), *корень за́ корень, око за́ око* Даль, Слов.; *по́д корень* довольно обычно, и что ее (= молодежь) когда-нибудь подточит под самый *по́д ѣкорень* практическая ложь (Полонский, В дурную погоду); косить *по́д корень* рожь высокую (Кольцов); йскорене Сборн. 304 об., ѡ̑ корени Охт. 1594 г. 51, прйкорени Торж. XVI в. 186; пускай же-б он с досады отрубил мне руки *по́ локоть* (Пушкин), под нос не *по́д локоть* Даль, Посл. 702; нбгти ѣго пблактю Пал. XVI в. 20; пбдйохтемъ Новг. лет. 458 об.; для слов на *-от* срвн. бе́зтрепета Пс. Брюн. 266 об., на́трѡскотъ Псалт. 207 об., Тр. П. 1589 г. 47 об., для слова головень срвн. и́з Городна Новг. лет. 647 об.; срвн. сербск. и̏з говора, дȍ лâкта; golǫ̑b, korǫ̑n, nǫ̑hat (и рядом nǫ̑hat), gǫ̑vor (kokǫ̑t); слова на -oz и -ot в словинском языке обычно:

первые придерживаются насуффиксной акцентовки гógoz, -ǫ́za, gramòz, -ǫ́za, а вторые наконечной topòt, -óta, klopòt, -óta, ropòt, -óta и т. д., trepèt, -ę́ta и не могут быть сравниваемы с русскими.

Особого внимания заслуживает им. пад. ед. ч. слова *господь*. Однажды в Псалт. встретилось в этой форме ударение на первом слоге: негóспѡдьли 52 в согласии со слов. gospǫ̑d и серб. го̑спо̑д (если только последние формы не следует сравнивать с **господъ*); но обычно акцентовкой этой формы в Псалт. является *господо́дь* с напряженным *ó:* госпо̑дь 9 (87), 132 об., 182 об. (на 161 л. 1 вычеркнуто) и в друг. местах, госпо̑дь 28, госпо̑дь 4, 143, 149, 157, 159 об. bis, 163 об., 164, 181 в согласии с Тотемск. γospǫ̑t́ 37 и Ряз. *госпо̑дъ*. На форму гóсподь я склонен смотреть, как на южнославянское влияние; однажды писец, поставив ударение на первом *о*, не ограничился этим и над вторым *о* написал камору: гóспо̑дь 203.

§ 8. В именах существительных женск. рода с подвижным ударением открытое *ó* обычно; такое *о* появляется в формах вин. пад. ед., дв. и мн. чисел, а в памятниках иногда и в других падежах. Сюда относятся следующие слова: Сборн.: вóдѫ в. п. 14 об., 179 об., вóды мн. ч. 15 об., 142 об.; гóрѫ в. п. 236, востѣи горѣ 236 bis, гóры в. п. 108 (сюда же, может быть, следует отнести наречие гóрѣ 21, -е 22 об.), нóгѫ в. п. 183, нóги мн. ч. 23, нóсѣ дв. ч. 9 об., 39 об., 139 об., нóгѫ | моёю 295, кроме того: дѡ́ски мн. ч. 176 об. Псалт.: вóдѫ в. п. 205 об., вóды мн. ч. 61, 141 bis, 145 об., 146, 201, 218 об.; гóр(оу) в. п. 16, вгѡ́роу 56 об., 205, вгѡ́рѣ 62 об., 135 об., гóры мн. ч. 61, 141 об., 142, 142 об., 160, 180 об., нóсѣ дв. ч. 52 об., 74, 144 об., 160 об., 169 об., 184, 213 об., нóги мн. ч. 221, нóздри мн. ч. 160 об., рóсы мн. ч. 219. Тотемск.: vóždžy 118, góru 117, góry 33, 126, dróždžy 146, kózy, kósy 33, nógu 117, nógi 33, nóźri 42, с полногласием: bórodu, gółowy, półosy, skóvorody 43, kstórońe 118, stórony 43. Костр. Шунг.: *вóжжы* 37, *дробжжы* 29, *кóсу* 74, *нóги* 79, *пóру* 80,

к сто́роне 67. Ряз.: *во́ду, во́ды, во́жьжи, го́ру, го́ры, дро́жьжи, ко́зы, ко́сы, по́лу, по́лы, ро́сы, со́вы, бо́роды;* кроме того: *ко́зну, ско́мьи,* где *о* из *а* по аналогии, и *бло́ху, бло́хи, со́хи,* где *о* из *ъ*, загадочным исключением является: *но́гу, но́ги* и *со́сну* при *сосна́*.

Нисходящее ударение на звуке *о* этих форм доказывается энклизою их при предлогах: *за́ бороду, на́ бороду, по́д бороду* обычно; *за́ воду; на́ воду*; повадился кувшин *по́ воду* ходить, там ему и голову сломить; *по́д воду;* ехать лечиться *на́ воды;* за́водъ Лет. 272 об., на́водъ Новг. лет. 621, по́воду Алф. 89, на́воды Мин. 1608 г. 150; *за́ возжу* нар., *за́ вожы* Терск. Греб. (Карауло́в); *на́ голову, по́д голову*; положить подушку *по́д головы* народн.; поби́ша на́головъ Лет. 269; *за́ гору;* а то и *по́д гору* и днем Крылов, леший *за́ горы* уйдет Кольцов; *на́ горы;*[1] на́гору Псалт. 29, Сборн. 6 об., за́горы Косм. 49, на́горы Нов. Зав. XIV в. 23, Псалт. 185; *на́ золу* Ряз.; на́козы Тр. П. 1589 г. 399 об.; *за́ косу* ловко схватил он рукой Лермонтов, *на́ косу* народн., *за́ косы* тоже; за́косу Римск. Деян. (изд. Общ. Люб. Др. Письм. 37); *за́ ногу, по́д ногу;* он потопленное тело в воду *за́ ноги* тащит, Пушкин; тихо не лихо: броди нога *по́ ногу* Даль, Посл.; *на́ ноги;* он *по́д ноги* не стлал ковров персидских, Крылов; за́ногу Кн. Степ. 338 об., на́ногу Требн. 1623 г. 246, за́ноги Сборн. 183 об., по́дноги Псалт. 62, за́нозѣ Новг. лет. 474 об., на́нозѣ Нов. Зав. XIV в. 30 об., Сборн. 39, по́нозѣ і҃сове҃ ѫ҃ти Сборн. 1647 г. 597 об., по́днозѣ Ап. 1564 г. 160, до́ногѫ Пал. XVI в. 25, на́ногу своею Ап. 1597 г. 53, ѿ'ногъ Тр. П. 1589 г. 356, при́ногъ Ап. 1564 г. 41 об.; за́ноздри Пат. Скитск. 139; *за́ полу;* махнули пола *об полу,* ударили рука *об руку* Даль,

[1] Я могу даже указать энклизу этого слова в местн. пад., но, к сожалению, в заговоре и песне: *на́ горе* Олон. (Колосов, Заметки 182), ой *на́ гаря* калина Курск., РФВ II, 76; кроме этого слова, в местн. пад. подвергается энклизе *земля:* на́земли Нов. Зав. XIV в. 104, 127, Псалт. 13, 32, Сборн. 243, Ап. 1564 г. 245; энклиза возможна и в род. пад. ѿземлѧ Псалт. 112 (гнул колосья твои *до́ земли*, А. Толстой; а Путятин молвит, *до́ земли* Василисе поклонясь, Суриков; в загадке: не *до́ неба*, не *до́ земли?* Даль, падающие звезды, срвн. еще *от́ ночи* Арх. Холм., Мат. № 50).

Посл. 236; и я, безумная, его пустила! я *за́ полы* его не уцепилась, Пушкин; *на́ полосу* Костр. Кологр., Мат. № 250; сват свату *на́ пору* друг Даль, Посл.; *о́ пору* и помощь друга Даль, Слов.; скот выгонять *на́ росу* Кал. Мещ. (Чернышев); на́росѣ Новг. лет. 386, Тр. II. 1589 г. 53; *на́ сковороду* обычно, кроме того Моск. Рузск. (Н. Н. Дурново), Костр. (Виноградов); *за́ соху* Вологодск. Никольск., Мат. № 266, Тверск. Каш. (Смирнов), Курск. Об. (Машкин); *по́д соху* наверно клад и попадется, Сурико́в; *на́ сторону,* на́сторонѣ Новг. лет. 599, по́сторонѣ Ратн. 61, на́стороны Плув. (Погод.) 56 об.

Из всех вышеприведенных слов я не уверен в древнем нисходящем ударении слова: «сова» (совр. *сова́ — сову́*): в памятниках им. вин. пад. этого слова имеют наконечную акцентовку: *совы̀* Алф. 173 (2), последняя же указывает на принадлежность слова к категории слов с выраженною наконечною акцентовкою: бѣды̀ Нов. Зав. XIV в. 120 об., вдовы̀ Улож. 29, вины̀ Ап. 1564 г. 46 об., дугѝ Кн. Степ. 543, жены̀ Новг. лет. 460 об., и́гры̀ Лет. 115 об., казны̀ ib. 115, помурзы̀ ib. 188 об., пилы̀ Торж. XVI в. 154 об., рѣкѝ Псалт. 100, 134 об., сестры̀ Нов. Зав. XIV в. 21 об., слугѝ ib. 45, снохѝ Кн. Степ. 25, судьѝ Новг. лет. 596, толпы̀ Подл. 3 об., травы̀ Нов. Зав. XIV в. 152 об., трубы̀ Новг. лет. 426, тюрмы̀ Улож. 58, у́зды̀ Косм. 208, хвалы̀ Псалт. 105, хулы̀ Ап. 1564 г. 195 об., нащепы̀ Косм. 79.[1] Такая акцентовка обычна у писателей XVIII в. и начала XIX в.: у Сумарокова (ч. VII, изд. 1787 г.): *сестры́* 46, *кумы́* 17, *судьи́* 141, *игры́* 376; у Княжнина (Соч. 1848 г.): взять можно мне в *жены́* I, 631; у Державина (На преодоление врага): и посылал на нас *войны́;* у Богдановича (Соч. 1816 г.): *свечи́* 94; у Вас. Майкова (изд. Глазунова): *мысы́* 202, *сестры́* 196, *вдовы́* 172, *игры́* 216, *трубы́* 252,

[1] Наоборотная акцентовка является значительно реже: слоу́ги Нов. Зав. XIV в. 51, рѣ́ки Улож. 91 (в этом слове чаще, чем в других), же́ны Триф. Кор. 51. Лишь для одного слова такая акцентовка обычна: *пче́лы* Торж. XVI в. 126 об., Сборн. 153, Лет. 7 об., Косм. 128 об., Улож. 19; *за пче́лы* Улож. 170.

совы́ 234, *змеи́* 236, *слуги́* 407; у Ф. И. Тютчева (Наполеон): но о подводный веры камень в *щепы́* разбился утлый челн; у А. С. Пушкина: *семьи́, скалы́* (Е. Будде. Оп. грамм. яз. Пушкина. I, 81, 107) и т. д.; народное в загадке: лодка плывет, мертвец поет, ладоном дышет, *свечи́* горят (= пароход), Календарь Вятск. Губ. за 1892 г., 188; *сестры́* мн. ч. Уф. Белеб., Изв. X_2, 99.

Что касается *со̀сну* Ряз. при *сосна̀,* то возможно, что наконечная акцентовка *сосна̀* развилась из накоренной, ибо в великорусских говорах и старом языке обычна акцентовка накоренная: *со́сна* Олон. Петроз., Мат. № 30, Вологодск. Кадн., Мат. № 25, Новг. Устюж., Мат. № 28, Арх. Холм., Мат. № 50, Костр. Мак., Мат. № 56, Вятск. Яранск., Мат. № 59, Псковск. Остр., Мат. № 33 и др.; сосна Алф. 389 об., сосну Новг. лет. 499 об., о̀ сосне Hort. Am. 19, 167 об.; у Сумарокова (изд. 1787 г., VII): *со́сна* 215, *под со́сною* 216; так что *о̀* в *со̀сну* можно рассматривать, как результат прежней акцентовки с восходящим ударением.

Сербский язык обычною энклизою этих слов при предлогах (по̀ воду, у̏ гору, за̀ косу, на̀ ноге, ме̏ђу ноге и т. п.; но в форме дв. ч. энклиза утеряна: на̀ ногу̏, испрѐд ногу̏) указывает также на нисходящее ударение.

В словинском языке большинство слов имеет в им. пад. ед. ч. акцентовку, свидетельствующую о древней наконечной: góra, kósa, kóza, nóga, póla, rósa, sóha, sóva, vóda, а в вин. пад. наконечную, свидетельствующую о древнем нисходящем ударении коренной гласной: gorǫ̑, kosǫ̑, vodǫ̑ и т. д., а с предлогом же za gǫ̑ro, na vǫ̑do; русск. *дро́жжи* соответствует вполне слов. drožjǫ̑. Что касается слов. nǫ̑zdra при сербск. но̀здра, то это слово иного образования, нежели русское ноздря̀ (< nozdrja): срвн. параллельные формы слов. nǫ̑zdrva, сербск. но̀здрва, а в словах на -va (см. несколько выше) обычно восходящее ударение корня.

§ 9. В именах существительных среднего рода на *-о, -е* обыкновенно в корне бывает открытое *о*. Сборн.: гóре|ми 14,

го́ре 75 об., 76; ло́жа р. п. 124; мо́ре 113, вмо́|ри 283, по́ле 301, сло́во 4, вслѡ́вѣ 327; Псалт.: ко́ло 115, ло́же 7 об., 54 об., мо́ре 142 об., 159 об., -а р. п. 150 об., 191, мн. ч. 219, вмо́ре 152, 204, 226 и в друг. местах, -и 148 об., -ѣ 212 об., -ѣхъ 224 об. (186 об.), вплѡ́тѣхъ 183 об., сло́во 54 об., 141, 144, 144 об., 146, 151 об., 168 bis, 169, 170, 183, въ- 171 bis; Тотемск.: pó'ö, -ä, -ü, öm 120, mó'ö, sl'óvo 33 и с полногласием kó'około 43; Костр. Шунг.: *в по́ле* 61; Ряз.: *го́ре, ло́же, мо́ре, по́ле, про́со, с про́сом* (приведено наблюдателем в противоположность твор. пад. *спро́сом*), *сло́во,* кроме того, *зо́лото.*

О древнем нисходящем ударении коренной гласной свидетельствует слов. язык своим переносом ударения на окончание: gorjȇ, morjȇ, poljȇ (возможно и сохранение нисходящего ударения на корне: mȏrje, pȏlje); kolȏ, prosȏ, slovȏ, -ęsa (но в новообразовании slóvo — slôva), zlatȏ, а также сербский и русский язык развитой энклизой этих слов при предлогах: серьск. шток. ў̑ поље, на̑ пољи, ȍkolo; чак. nȃ moge, dȏ moga; русск. го́ре на́горе Сборн. 1647 г. 133 об.; *у́ горя* и догадки; не *по́ горю* плачут, а *о́т горя;* Пятрок спиць сабе *бе́з горя* Могил. Чер., Ром. IV, 132; и́з'моръ Торж. XVI в. 215 об., до́моръ Новг. лет. 398, ѿ моръ Псалт. 95 об., по́морю Нов. Зав. XIV в. 9, при́мори Ап. 1564 г. 39, на́мори Сборн. 106, на́д'море Новг. лет. 391 об., на́морѣхъ Псалт. 29; *у́ моря* погоды ждать; с ними *и́з моря* выходит... (Пушкин) и т. п.; до́полъ Новг. лет. 526, на́поле Псалт. 212 об., на́полехъ Новг. лет. 630 об.; худая трава *и́з поля* вон; *во́ поле* по́ле затопали кони, заревел медведь на ярмарке (песты и жернова на мельнице), Даль; *о́коло,* народн. *о́кали* Моск. (Чернышев); бе́з'слова Ап. 1564 г. 65 об., на́дъслово Охт. 1594 г. 179, на́словѣ Лет. 292, со́словом Тр. П. 1589 г. 51 об.; и слово *за́ слово* знакомятся они (Крылов); *за́ словом* в карман не полезет; я *о́т слова* до слова его бы затвердил (Лермонтов); красно мое *на́ золоте* — ласка (Куликовский), *по́д золотом* (о кинжалах Терск. Греб., Караулов). Одно

лишь слово *ло́же* вызывает у меня сомнение в принадлежности к предыдущей категории слов не только в виду слов. lǫ́že и чешск. lůže, но также и потому, что как я ни старался, но не мог определить, к какой категории слов принадлежит означенное слово в тех памятниках, откуда я привожу обыкновенно примеры. Дело в том, что все вышеприведенные слова чуждаются наконечной акцентовки, слово же *ло́же,* а также и другое *ло́но* (чешск. lůno) нередко имеют последнюю: наложи́ едино Нов. Зав. XIV в. 36 об., наложи́ свѡе́мъ Псалт. 45 об.; ѿложа̀ Торж. XVI в. 648 (654), Злат. 238 (срвн. доло́жа Торж. XVI в. 5, нало́же Хрон. 193, Лет. 53, нало́жи Сборн. 1647 г. 511, раз даже с энклизой на́ложе свое Пал. XVI в. 22); налоно́ Нов. Зав. XIV в. 36, Новг. лет. 386, лоно́ Злат. 194 об., ло|на́ свѡего́ Псалт. 182 об., налонѣ Нов. Зав. XIV в. 48 об., Сборн. 75 об., Новг. лет. 448 (срвн. вло́нѣ Hort. Am. 87, ѳло́на ib. 255, нало́нѣ Сб. 1647 г. 101 об. и раз даже: на́лонѣ Тр. П. 1589 г. 405 об.) и также в дубликате его: налони́ о̑чи Кн. Степ. 573 об., налонѣ в. п. Злат. 275 (срвн. вло́ни Торж. XVI в. 105 об., ло́не мое Хрон. 298 об.). В виду сего вопрос об исконности открытого *о* в слове *ло́же* (а также и *ло́но,* если таковое встретилось бы с открытым *о* в говорах или памятниках, знающих *о̑*) я оставляю открытым.

В противоположность слову *зо́лото* с открытым *о* имеют правильно напряженное *о̑:* bo̯lȏto, mo̯lȏka Тотемск. 43, *болото̑* Грязов., *ворого̑та* Костр. Шунг. 71, неск. раз, *-ам* ib., *-ах* ib., *болото̑* Ряз.

Слово *го́рло* Ряз., gǒrło Тотемск. 39 имеет *о* из *ъ*.

§ 10. В трехсложном сочивъ̑ Сборн. 38 об. открытость *о* обусловлена нисходящим ударением, засвидетельствованным слов. языком: soči̯vǫ, срвн. tvori̯vǫ, vozi̯vǫ, koli̯vǫ, kuri̯vǫ и т. п. (русск. ме́сиво, ме́ливо, кру́живо, сѣ́чивомь Псалт. 99 об., ко́ливо Требн. 1623 г. 297). Суффикс -iv имел нисходящую долготу: сербск. пи̑во, русск. на́пиво Улож. 337 об. *на́ пиво* не теча Новг. Черен., Ж. Ст. 1893 г. III 382, *по́ пиво* Костр. Мак., Мат. № 56 (срвн. напряженное *о̑* при суффиксе -ilo, § 33, I).

§ 11. Открытое *о* встречается в следующих именах существительных женск. рода с основою на *ѣ*: Сборн.: кóсти в. п. 23-2 об., нóщъ 129 об., сóль 27 об., 107 об., сóлѝ р. п. 106 об., сóлїю 205 об., бóль 156 (кроме того: кóзни им. п. мн. ч. 155 об., крóвь 11 об. (285 об.), вкрóвь 113 об., къкрóви 9 об., крóвми 287 об., скóрьбь 101, скóрбїю 8 об., вскóрбѣхъ 10 bis, вскорбѣхъ 73 об.); Псалт.: кóсть 191, 193 об., вкóсти в. п. 155 об., 213 об., вкóстехъ 49 об., нóщь 3 об., нóщь 191 bis, нóщїю 18, 178 об. (146), внóщи м. п. 169, внóщехъ 185 (кроме того: вькрóвь 145 об., крóви р. п. 191 об., крóвми 149 об., скóрбь 26 об., 161 об., ѿскóрби 163, въскóрби м. п. 5, скóрбеи 31 об., трúсть 59; Тотемск.: boĺ, drop 37, koś, noć, nóći р. п., nóće д. и м. п., nóćьj, nóći мн. ч. 122, k nóći 112; кроме того: voš, droš, žolś, łoš 37, doć, broſ, bróvi мн. ч. 34; Костр. Шунг.: *с нóчи* 64, *к нóче* ib., *вóлосте* 64; Ряз.: *боль, дробь, кость, новь, ночь, соль, вóлость, кóрань* (= короб) род?, кроме того: *бровь, вошь, дочь, кровь;* исключением является: «кричать во всю *мóчь*» не под влиянием ли неопределенного наклонения от глагола *могу*.

Открытое *о* в этой категории слов обусловлено некогда бывшим на нем нисходящим ударением, которое может быть доказано:

1) распространенною энклизою этих слов при предлогах в памятниках и русских говорах: *бéз боли* Ярославск. Ром.-Борис.; *прó волость* Костр. Варн.; нáволость Сим. лет. 563, пóволости Новг. лет. 495 об., нáволости в. п. ib. 520 об., ѿ власти Ратн. 14 об., сóвластїю Новг. лет. 654 об., кóвластемъ Ап. 1597 г. 187 об.; *бéс кости* Вологодск. Тотемск., Ж. Ст. 1906 г. I, 62; милого побои не *нá кости*, Даль, Посл.; дóкости Пат. Скитск. 380; стати нáкостехъ Сим. лет. 217 об., 244 об., 262 об.; с утра *дó ночи*, ходил *óт ночи дó ночи*, Костр. (Виноградов), зашла беседа ваша *зá ночь* (Грибоедов), *пóд ночь;* йзнощи Тр. П. 1589 г. 103 об., пóнощи Сборн. 1647 г. 223, ѹ́бнощь Торж. XVI в. 297, нáночь Сборн. 213, прúнощи Ратн. 205 об.; неми-

лого целовать, что щи *без соли* хлебать; благодарить: за хлеб, *за соль, за щи* с квасом..., Даль, Посл. 119; *на соль* Влад. Юрьевск. (Чернышев), *на соли* м. п. Тульск. Новос. (Будде).[1]

2) Сохранением нисходящего ударения в сербском и словинском языках (сербск. [бо̑л — м. р.], вла̑ст, [дро̑б — дро̀ба], ко̑ст — ко̀сти, но̑ћ — но̀ћи, со̑ — со̀ли; слов. bǫ̑ł, -i, drǫ̑b — drobî, vlâst, -î, kǫ̑st, -î, nǫ̑č — nočî, sǫ̑ł — solî). Не совсем ясно проникновение в словинском языке в эту категорию слов ǫ: kǫ̑v, dǫ̑b, gǫ̑ł, hǫ̑d, mnǫ̑ž, ǫ̑r, ǫ̑s, ǫ̑st. Не произносились ли эти слова первоначально с восходящим ударением, под которым и развилось ǫ (срвн. слов. mê̑d, -î, pê̑st — pestî, rîs, pê̑sʌn, -sni при сербск. мѐд, нѐст, ри̏с, пѐсма; срвн. еще nît, но уже в род. пад. nîti, в сербск. ни̏ти)? Чешский язык противоречит вышесказанному только одним своим sûl.

§ 12. Открытое *о* в двухсложных словах женского рода на -ъ с ударением на первом слоге (Ряз.: *ло́шадь, пло́щадь*) также обусловлено бывшим некогда на нем нисходящим ударением, о котором свидетельствует энклиза этих слов при предлогах: Молчалин *на́ лошадь* садился (Грибоедов); *по́ лошадь* Костр., Ж. Ст. 1897 г. III—IV, 462, Вятск. Нол., Мат. № 52; *за́ лошадью* Моск. Рузск. (Н. Дурново); за́лошадь Улож. 56 об., 315, на́лошедь Журн. Шерем. 185 об.; пусть *на́ площадь* идет, Тредьяковский I, 72; и пошел Садко прямо *на́ площадь* (Суриков); на́площадь Кн. Степ. 464 об., на́площадї в. п. Нов. Зав. XIV в. 32 об.; срвн. слов. ploščâd.

Имена сущ. ж. рода на *-остъ* имеют при ударении на первом слоге открытое *о:* Сборн.: и̏зго́рестїю 196 об., кро́тости р. п. 41, кро́тостїю 14 об., с̏- 149 об., кроме того *о* из *г:* бо́дрость 220; Псалт.: го́рести р. п. 12 об., 209 об., кро́тость 183 об., и̏кро́тости р. п. 59 об., доско́рости 201; кроме того

---

[1] Рядом возможны формы и без энклизы, что наблюдается уже в памятниках: подвла́стїю Новг. лет. 422 об.; отко́сти Хрон. 311 об.; обно́щъ Новг. лет. 532 об.; бе̏со́ли Кормч. 1650 г. 13 об. (III).

о из *ъ*: вгѡ́рдѡсти 12;[1] Ряз. *го́рость, но́вость*. В настоящее время эти слова в русском языке энклизе при предлогах не подвергаются (или очень редко), но в древнерусских памятниках энклиза их возможна, хотя и не часта: на́крото|сть Торж. XIV в. 62 об., на́бодрость Мин. 1608 г. 157 об., ѿ гордости Сборн. 273 об., 286, бе́злѣпости Нов. Зав. XIV в. 128 об., (сербск. за̀ лудо̑ст, о̑д лудости, за̀ милошћу, бе̑з жалости); срвн. слов. gorȏst, novȏst, krotkȏst, bolȇst, dobrȏst, mnogȏst, grdȏst, lȇnȏst и т. п.; о нисходящем ударении в этой категории слов свидетельствует и русск. *мо́лодость*.

§ 13. В сложных именах сущ. муж. рода типа *по́вод* и женск. рода типа *по́мочь*, т. е. с ударением на приставке, обычно открытое *о*. Сборн.: оу̀по́греба 155 об.; ѝпѡ́двиг в. п. 135, по́двизѣ 130, по́двигомъ 29 об., ѿпо́мысла 140 об., по́мыслѫ д. п. 36 об., по́мыслъ р. п. 21 об., ѿ- 203 об., о̀по́мыслехъ 22 об., пра́мыслѫ д. п. 275 об., по́асъ 9; по́вѣсть 112, ѝпо́вѣсти 5, по́мощъ 32 об., 104, про́пасть 264 об., пра̀пасти 29, впра́пасти 126 об., впро́пасти в. п. 29, пѡ́хоти в. п. 240 об., по́хоте[x] 274 об., 275 об., по́чести р. п. 43, 45 об., в. п. 26 об. (срвн.: во̀здо́хъ 143 об., 307 (11 об., 113), не- 23-2, во̀|зраста 32, ѿво́стѡка 111 — редкая акцентовка; несво́ѣсть 40); Псалт.: по́асъ 155 об.; по́мощъ 24 об., 154, 178 об., впѡ́мощъ 43, 51, по́мощи р. п. 2; впѡ́хо|тѣ[x] 12; Тотемск: pó̀vot, pó̀xogopy 33, но: pȍgŕȍp 33, pȍgŕȍby 120; Ряз.: *но́вод, по́греба* р. п., *по́яс, по́дпол, про́мысел; про́лубь, по́честь*.

Нисходящее ударение на приставке таких слов доказывается:

1) распространенною энклизою подобных слов при предлогах в древнерусских памятниках и сохранением энклизы их в великорусских говорах; напр.: а) но *за́ повод* коня схватил (Лермонтов); наш воевода, что понурая кобыла: *за́ повод* возьми, куда хошь веди (Даль, Посл. 225); на́погребѣ Торж. XVI в. 565;

[1] О случаях из Псалт.: вмерзѡ́стехъ 208 об., премудро̀|сти 158, ѡ̀ро́стію 213. См. выше в введении.

на|подвигъ сеи ib. 164 об., ѿподвигъ[1] 506, наподвиги Сборн. 1647 г. 566 об.; безпо|мысла Сборн. 19-2 об., ѿ помысла ib. 75, 114; *за пояс* в работе он заткнет любова (Некрасов); Пантелей-государь ходил *по полю*, и цветов, и травы ему *по пояс* (А. Толстой); с дураком дружись, а обух *за поясом* держи (Даль, Посл. 479); ѿ поаса Ратн. 71 об., допоаса Подл. 148 об., беспоаса Торж. XVI в. 599 об., припоасѣ Требн. 1623 г. 373 об., ъпоасѣ Подл. 198 об. (срвн. еще у других слов: повозрастъ Ап. 1564 г. 73 об., назапад Час. 1565 г. 11 об., назападѣ Ап. 1564 г. 88, назапады Псалт. 86, дозападъ ib. 65, дойскъпъ Улож. 47, подъоблакомъ Ап. 1564 г. 122 об., воѡблацѣ ib. 122 об., наѡблацѣхъ Охт. 1594 г. 263, пѡбразъ Ап. 1564 г. 218 об., заѡбразъ ib. 191, предъобразомъ Тр. П. 1589 г. 371; безобыскъ Улож. 305 об., наокъпъ ib. 5 об., ѿпокъпъ Сборн. 1647 г. 507 об., *на острове* Олон. Петроз. (Куликовский), наостровъ Лет. 124 об., наостровѣ Кн. Степ. 608, воостровы Тр. П. 1589 г. 359; наѿкъпъ Улож. 240 об., запрокормъ ib. 48, напромыслъ Косм. 107 об., вожасѣ Псалт. 88; б) наповѣсть Сборн. 1647 г. 686; бог *на помочь* народн., беспомощи Псалт. 120, напомощь Новг. лет. 547, запомощь Пал. XVI в. 150 об.; ѿ похоти Сборн. 23 об., напохоти ib. 275 об.; започесть Тр. П. 1589 г. 163 об., напочесть Кормч. 1650 г. 271 (срвн. ѿ зависти Сборн. 158, позависти Ап. 1564 г. 167 об., позаписи Улож. 274, позаповѣди Тр. П. 1589 г. 204, позаповѣдемъ Ап. 1564 г. 82 об., ѿзаповѣде[x] Сборн. 239 об., *на исповѣдь* Новг. Устюж., Мат. № 28, Кал. Мещ. (Чернышев), пѡбласти Ап. 1564 г. 121 об., *на опаш* нар. Олон. Петр. (Куликовский), кѡпаши Кн. Степ. 53, сѡпашью Тр. П. 1589 г. 230; попереписи Новг. лет. 618 об., напособь к ним не пошли Улож. 311, напрелесть Торж. XVI в. 125 об., йсприбыли Арифм. (ГПБ) 144, напроповѣдь Торж. XVI в. 576, ъпроповѣди Ап. 1564 г. 45 об., нароспись Ратн. 40 bis);

[1] Эти слова, в отличие от односложных (см. § 5), подвергаются энклизе и в род. пад. мн. ч.

2) энклизою подобных слов в серб. языке: за̑ пој̑ас, у̑ облак̑е, на̑ дохва̑т; чак. vȃ razgovo̍r Изв. XIV$_2$, 212, и

3) переносом ударения на слѣдующий слог в словинском языке; pojâs, oblâk, obîsk, izkûp (o-, po-, od-), vzrâst; pomo̍č, poč̂ast, povêst, propâst, zavîst, oblâst, poho̍t (o̍ под влиянием ho̍češ), izpo̍ved (pro-, za-); что касается prélast, то это слово в слов. языке заимствованное из ц.-слав. языка. Иногда в слов. яз. им. сущ. муж. рода имеют акцентовку другого типа: obràz, -ráza; ostròv, -ro̍va; pogrèb, -gro̍ba; podvìg, -dvíga; zapâd, -páda; удивляться этому не следует, ибо даже в пределах одной языковой области наблюдается подобное колебание: лит. *на́сморк* и *насмо́рк, о́бухом* и *обу́хом, за́мах* и *замо́х;* теперь мы говорим *при́став, при́знак,* а в памятниках и у писателей XVII в. *приста́в, призна́к.*

С великорусской акцентовкой *по́вод* не следует сопоставлять малорусскую *на́рід,* являющуюся часто в соответствии с великорусскою *наро́д* (напр.: *до́каз, за́кін, за́твір, за́хід, на́каз, ни́мок, по́жар, по́клад, по́мет, при́пас, при́плід, ро́звід, ро́зказ, ро́зкіл, у́род, у́тес, у́хват* и много других); здесь приставка безусловно была под древним восходящим ударением: не говоря об отсутствии энклизы этих слов в малорусск. наречии, укажем, что приставка *пере-* обычно в таком случае имеет ударение на втором слоге: *пере́ворот, пере́їзд, пере́полох, пере́рив, пере́суд* и др. С малорусским же *до́каз* следует сопоставлять чешск. dů̂kaz (еще: dů̂hon, dů̂mysl, dů̂chod, dů̂vod; pů̂vod, pů̂boj, spů̂sob, prů̂běh, prů̂chod, prů̂lom, prů̂mysl, prů̂sek, prů̂tok и т. п.), и это весьма правдоподобно в виду обычного сохранения долготы старых долгих гласных в этом случае: základ, záchod, zákon, národ, nákaz, příplod, útok и т. п. (срвн. приставку vý-, которая, без сомнения, была искони под восходящим ударением). Точно также и чешск. ů̂ в приставках других категорий слов: dů̂věra, prů̂prava; dů̂statek, pů̂žitek, prů̂čelek, zů̂statek, dů̂minka; prů̂pověd, prů̂seč (důležitost); dů̂stojný, prů̂svitný, prů̂vodný и т. п. должно быть сопоставлено с малорусским: *пере́става, пере́їда; пере́лі-*

сок; перéвязка, перéдѣлка, перéкладка; перéѣди, перéсѣчь, перéболонь; перéкупний, перéхідний.

Подобно тому, как мы некоторые немногочисленные сложения слов. языка типа vinǫgrad сравним с малорусским *чернóслив* (см. § 61), так точно придется допустить подобное сравнение и в словах, сближенных с приставками; сюда относятся: pǫdseḍ (нар. zapǫred); pǫdprda, pǫdpernja, pǫstelja (малор. *пóстеля*); prǫstiralo; pǫstelj, dǫmlati.

§ 14. I. Те двухсложные прилагательные, которые в членной форме имеют ударение на окончании, в нечленной форме, за исключением им. пад. ед. ж. р. и им.-вин. пад. мн. ср. р., таковое имеют на корне и подвергаются энклизе при предлогах и отрицании *не;* напр.: благóє Ап. 1564 г. 66; блáгъ в. п. Тр. 1623 г. 667 об., но: благà ж. р. Сб. 1647 г. 48; вóбл҃го врéмѧ Требн. 1623 г. 479; = *босóй* бóсъ д. п. Сб. 1647 г. 704; обули *нá босу* ногу, Даль, Посл. 132; = глъ́хíе Улож. 117 об.; глоу́хи ib. 33 об.; нáглъхо ib. 91; = *густóй; гýсто* нар.; *нá густо;* = ѿдесны́а Тр. 1623 г. 35 об.; начáло дéсно Сб. 1647 г. 5 об.; нáдесно ib. 171; = *дорогóй; дóрого;* купи *зá дорого,* продай *зá дешево,* Даль, Слов.; = *другóй;* имя сущ. *друг-дрýга;* друг *бéз друга* они не ели и не пили, Крылов; друг *пó друге,* а бог по всех; дръ́гъ содръ́го҃м Новг. лет. 468 об.; зáдръ́ги ib. 637; = живóмъ Охт. 1594 г. 261 об.; воды́ живы р. п. Сб. 1647 г. 78 об.; о, лучше в могилу мне *зá живо* лечь, Некр.; = златы́й Охт. 1594 г. 278 об.; ведрò злáто Сборн. 1647 г. 490 об.; красно мое *нá золоте* (Куликовский); = *косóй;* кóсо Ратн. 74; *ѷскоса;* = кривы́мъ тв. п. Тр. 1623 г. 262 об; крúвъ д. п. Сборн. 1647 г. 673 об.; ктò поцелоу́ет кр҃тъ нáкривѣ Улож. 26; лихóй; лúхо ср. р. Сб. 1647 г. 622; не *óттесна* плачут, а *óтлиха* (Даль, Слов.); одобрѣ | и ѹлихѣ Сим. лет. 535 об.; намлады́а Тр. 1623 г. 284; млáда р. п. м. р. Охт. 1594 г. 198 об.; йзмлада Мин. 1608 г. 15 об.; месяц *нá молоде* Даль, Слов., луна перевертывается с вётху *нá молод* ib.; = нагóю Сборн. 1647 г. 167; вънáзѣ ib. 830 об.; пбнагоу Ев.

1606 г. 197 об.; *простóй;* спрóста Сб. 1647 г. 53; пóпростѫ Ратн. 99 об.; играют *зá просто* в бостон, Крылов; пéпростѡ Сб. 1647 г. 552 об.; прамáа Улож. 163; прáмы Сб. 1647 г. 109; дóпрама Улож. 66; = пѫстóе ib. 199; лежáтъ пѫсты ib. 36; *пó пусту* девица милого звала, Сурнков; святóй — свáтѫ в. п. Охт. 1594 г. 355; жить пó *святу,* Даль, Слов.; = *скупóй; скýпо;* пóскѫпѫ Кормч. 1650 г. 313 г.; = слѣпыа Тр. П. 1589 г. 131; слѣпы в. п. Сб. 1647 г. 785; *сóслепу;* сѫхáа Тр. 1623 г. 546; сосцà сѫха дв. ч. Сб. 1647 г. 502; пбсѫсѣ землѝ Ап. 1564 г. 223 об.; отошел, как *óт суха,* Даль, Слов.; = *холостóй;* не *пó холосту* живем, Даль, Посл. 401; хѫдáа Улож. 30 об.; хоýды ib. 7; *при́ худе* худо, а *бéз худа* еще хуже, Тверск. у. (срвн. шток. бôс, глýх, гýст, дрâг, дрýг, жйв, крйв, млâд, нâг, пýст, свéт, скýп, слйjен, сýх; чак. blâg, drâg, glûh, gûst, hûd, krîv, mlâd, pûst, svêt, sûh, zlât, žîv).

Вследствие изложенного вполне понятно, что у таких имен прилагательных в нечленной форме будет наблюдаться открытое *о,* ибо оно находилось под нисходящим ударением; Сборн.: прóстъ 42 об., прóстѡ 70 (100), *-а* р. п. 165, *-ѫ* в. п. 41 об., *-ы* мн. ч. 173 об., 239, Ряз. *прóсто,* а также и в членной форме, явившейся по аналогии к нечленной, вместо *простóй, прóстый;* сербский (прôст, -а, -о) и словинский (prȍst, prósta при prq̑st, prq́sta) языки указывают на принадлежность этого прилагательного к другому типу акцентовки.

Далее, сюда относятся Тотемск. рѣох, рѣбхо (срвн. плохóй), bos 37 (срвн. слов. bǫ̑s), бóѣоźе, дórogo, мóѣot 43, Ряз. кóсо, мóлод.

II. Два имени прилагательных, сохраняющих в членной форме накоренную акцентовку и имеющих в ней *ô,* в нечленной форме имеют открытое *о.* Надо заметить, что энклиза их в нечленной форме очень распространена в русском языке, а потому можно думать, что они в этой форме имели нисходящее ударение, превратившееся в членной форме в восходящее (срвн. отсутствие энклизы их в членной форме). Это — *новый* и *скорый.* Сборн.:

нóвъ 9 об., 103 об., 173 об., -*о* 18, 113 об., -*ѹ* 173 об., -*ы* мн. ч. ib., внóвѣ 231; вскóрѣ 73 об. (102); но: скóрое 31, кроме того, неясно, почему в им. пад. ед. ч. муж. рода: скóръ 41 об. bis; нóвое 15 об., нóвыи 150 об., 157 об., -ое 174; Псалт.: бо̀гъ но̀въ 113, нано̀въ мѣсацъ 112 об., но́вѹ в. п. 40, 52 об., 132, 197, 201 об.; скóро 46, 190, 195, вскóрѣ 4 об., 7 об.; в Ряз. произошло уподобление в одном случае к форме членной: не только *но̂вый*, но и *но̂в*, *сно̂ва*, а в другом к нечленной: не только *ско́ро*, но и *ско́рый*. Слов. nǫvi подкрепляет *о̂* русского языка в членной форме и имеет по аналогии ǫ в наречии znǫ̂va, iznǫ̂va; но в нечленной форме имеет наконечную акцентовку: nȍv — nóva против сербск. нȍв, нȍва, нȍво; точно также и в наречии слов. skóro при сербск. скȍро является наконечная акцентовка. В виду отрицательных данных в слав. языках весьма ценным показателем нисходящего ударения в русской нечленной форме является вышепомянутая энклиза этой формы при предлогах: готова *сы́знова* сказать, Грибоедов; *по́ нову* сеять, *по́ нову* ехать, Даль, Слов.; *за́ ново; на́ ново; на́ нове*, Даль, Слов., Кас. Меш. (Чернышев); и̏знова Ратн. 13, не́новѹ д. п. Ап. 1564 г. 157 об., не́новѣ ib. 203; *по́ скору* народн., Даль, Слов.; все *на́скоро* в пути замечу на полете, Крылов; *на́скоре* слепых рожают, Даль, Посл. 614; по́скоро (бе̏пе̏нїа) Тр. П. 1589 г. 276 об. 359; на́скорѡ Ратн. 128, на́скорѣ Сб. 1647 г. 242, не́скоро Ап. 1564 г. 187 об. Повидимому, к этим словам следует отнести: Тотемск. xvôroi̯ 37, ńezdorôvoi̯ ib. (срвн. *здо́рово!*), Ряз. *плȏский* (слов. plȏsk, plóska).

§ 15. Имена прилагат. с суффиксом *-ък-*, несмотря на указание случаем *коро̂ткий* при *ко́ротко*, не имеют отличия в звуке *о* между членной и нечленной формами и имеют безразлично то *о́*, то *о̂* в той и другой форме, находясь под сильным влиянием родственных образований, в частности образующих слов: *го́рький*, *кро́ткий*, *ро́бкий*, *ло́вкий*, *гро́мко*, *хо́дкий* Ряз. под влиянием *го́ре*, *кро́тость*, **ро́бость*, *ло́в*, *гро́м*, *хо́д*, а *лȏмок*, *тȏпок*, *хȏдко* Вологодск., *кȏлкий*, *нȏский*, *лȏвкий* Ряз., *бȏйкий* под влиянием *лȏмишь*,

тôпишь, хôдишь, кôлешь, нôсишь, лôвишь, бôй. Приведем данные: Сборн.: гóрекъ 216 об., 301 об., 315 об., гóркѡ 124 об., 197; гóркїа 322, -ꙋю 291, -ими 125 об., 199 об.; крѡ́токъ 17 об., 206 об., -ко 134 об. (230), -кꙋ д. п. 244 об.; и́кро|ткагô 141; кроме того: тѡнка р. п. 72 об.; Псалт.: гóркꙋ в. п. 81 об.; кроме того: пóлзѡкъ 43; Тотемск.: góŕkoi̯ 128 (при goŕkói̯ ib.); lóvok 127 (при lofkói̯ 128), róbok, róрko, róрki, róрkoi̯ 127 (при rorkói̯ ib.); но: lômok 39, 127, tôрkoi̯ 127, korôtka 43; правильно *o* из *ъ*: tónok 127; Грязов.: *хôдко;* Ряз.: *гóрько, гóрький, грóмко, крóткий, лóвкий* (= лит. *лóвкий*), *рóбкий, хóдко, хóдкий* (кроме того: *тóнкий, тóпкий* от слова *топтать*), но: *бôйкий, зôркий, кôлкий, лôмкий, лôвкий* (которого легко ловить, ловливый), *нôский, тôпкое болôто, тôпкая печь, корôткий.*

Для сравнения представляет интерес лишь слов. lǫ̂mak, ибо другие прилагательные имеют в этом языке наконечную акцентовку: górak, krótak или krotâk, zvónak, tórak и т. п. (срвн. русск. *легóк,* а в членной форме: кроткы́и Пал. XVI в. 133 об., горкóю ib. 41, кроткúя Новг. лет. 574 об., кроткáго Ап. 1564 г. 65 об.; отметим энклизу некоторых из них в нечленной форме: нéкротци Пал. XVI в. 182; Тр. П. 1589 г. 293 об., нáкороткѣ 166 об.).

§ 16. В именах прилагательных с суффиксом *-ĭjo-* наблюдается колебание *o* и *ô:* Сборн.: бó|жїа мн. ч. 319; но: вкôзїахъ 166 об.; Псалт.: бóжїи им. п. ед. ч. 107, 119 об., -їе 114 об., 132, -їа р. п. 86, ср. р. мн. ч. 84, 111 об., -їю в. п. 23, -їи мн. ч. 62 об., -їйхъ 105 об.; кóзлихъ 208, но: кôзлїю в. п. 66; Ряз. *бóжий, кóзий.* По сравнению с сербским языком здесь, повидимому, было в древности восходящее ударение: крáвльй, мúщйй, птúчйй, рúбльй, бôжйй, кôзйй. В словинском языке в большинстве случаев наблюдается напряженное ǫ: kǫ̂zji, ǫ́rlji, ǫ́sji, ǫ́včji, sǫ́vji, škǫ́fji, sokǫ́lji, otrǫ́čji, volǫ́vji, sokolǫ́vji, sinǫ̂vji, bratǫ̂vlji; что касается bóžji, kóblji (коневий), kózlji (срвн. имя сущ. kǫ́zlja — стручек), то они имеют ударение оттянутое, срвн. сербск. вýчйй,

вра́нчйй. Следовательно, надо допустить влияние со стороны образующих слов *бо́г, ко́зу*.

Здесь же упомянем: ѡтсѣ́ти лбвча Псалт. 126 об., но в Ряз. *лбвчий, гбнчий*.

§ 17. В Псалт. встречаются следующие интересные формы 1 л. ед. ч.: пбю 10 об., 15 об., 33, 199 об. и по аналогии: воспѡю 143 об., 153, 189 об. (срвн. рядом пою́ бг҃оу 143 об., пою̀ 153, пою́ тебѣ̀ 153 об.); взы́|вѫ 74 (в других лицах только насуффиксная акцентовка: поють 201 об., взѡвоу́|ть 83 об., призове́мъ (101).

Прежде всего отметим, что формы *по́ю* и *зо́ву* являются вполне обычными для русских памятников XVI в., напр., в старопечатных московских книгах: пбю Ап. 1564 г. 230, Тр. П. 1589 г. 16; зо́вѫ Тр. П. 1589 г. 126 об., Охт. 1594 г. 47 об. (кроме того: пбю Торж. XVI в. 166); они стоят не особняком: а҃зъ жи́вѫ Тр. П. 1589 г. 201 об. (в формах других лиц наконечная акцентовка: зове́мъ Тр. П. 1589 г. 179, живе́те ib. 211 об.); такие же формы возможны и от глаголов на *-ити* и *-ѣти (-ати)*: 1) го́ворю Ратн. 67 об., 217 (срвн.: говора́ть ib. 223); 2) бо́ю́сѧ Тр. П. 1589 г. 39 об., бѣ́жѫ ib. 331 об., ле́жѫ ib. 102, 114. Безусловно *о* в этих формах должно было иметь нисходящее ударение, ибо с приставками эти глаголы и другие им подобные переносят ударения на приставку: при́зовѫ Ап. 1564 г. 230, Час. 1565 г. 117 об., вбззовѫ Ап. 1564 г. 239 об.; на́ведѫ Тр. П. 1589 г. 110 об., при́ведѫ 1600 г. 166, пбженѫ Час. 1565 г. 115 об., при́несѫ Охт. 1594 г. 276, пбнесѫ Тр. П. 1589 г. 107 (срвн. еще: и҃вве́дѫ Тр. П. 1589 г. 64 об.); сбтворю Тр. П. 1589 г. 101, пбтреблю ib. 231 об., пбкорю ib. 417 об., на́оу҃чю Час. 1565 г. 25 об., вбзвѣщѫ Служ. 1602 г. 333 об., пбложѫ Псалт. 1568 г. 13 об.; ѿстою Ап. 1564 г. 175 об., когбсѧ оу҃бою ib. 230[1] (срвн.: в Тр. П. 1589 г., а подобно ей и в других памятниках, формы других

[1] Все эти формы встречаются и с наконечной акцентовкой, вроде положѫ Тр. П 1589 г. 150 об.

лиц всегда с насуффиксной акцентовкой: призове́ши 124 об., дайзведѫ́тъ 112, принесе́мъ 108 об., сотвора́тъ 75, непокори́мсѧ 147, возвѣсти́тъ 111, оубѣжи́мъ 84 об. и т. д.). Подобные формы встречаются и в летописях: го́ловѫ пло́жѫ заново́рѡ̑ Новг. лет. 488 об. (срвн. еще 558 об.), о́тло́жѫ ib. 642; но в формах других лиц ударение находится на окончании: положи́мъ 400 об., возложа́тъ 398 об. и с более новою акцентовкою поло́жатъ 398 об. Гораздо реже наблюдается ударение на приставке от глаголов типов *ношѹ́ — но́сишь* и *вяжѹ́ — вя́жешь*: о́мочю Час. 1565 г. 102 об., Час. 1598 г. 116 (срвн. о́мо́читъ Ев. 1606 г. II, 86 об.), при́ношѫ Охт. 1594 г. 231 об., 389 об. (срвн. принóсите ib. 40); да по́кажѫ Новг. лет. 192 (срвн. пока́жемъ ib. 344 об.), во́здѣжѫ Час. 1565 г. 74 (срвн. воздéжѐ Тр. П. 1589 г. 179 об.).[1]

Вопрос, русские ли это формы или занесенные с юга славянства, должен быть решаем с большою осторожностью. Существование в южнославянских рукописях подобных форм мною найдено в «Книгѣ Константина Философа и грамматика о письменехъ», изданной акад. И. В. Ягичем по сербской рукописи Карловицкой библиотеки XV столетия («Рассуждения южнославянской и русской старины о церковнославянском языке», 383—487): ре́кѫ 397, 447, по́ю 422, жи́вѫ 447, и̑зрекоу 398, на́несѹ 403, при́зовѫ 465 bis; вѣ́звѣщѫ 415, оу̑лоучю 419, про̑ставлю 407; ще́ж̑ѫ 432, сѣ́ж̑оу 410; но: речéмь 398, непою́ть 439, живе́т'бо 458, вънесе́ть 396, принесе́ть 459, зове́ши 462; възвѣсти́ть 420, прилѫчи́тсе 408, и̑зы̑ви́мь 420; сѣди́ши 471, сѣди́ть 410. Однако и современным русским говорам не чужды подобные формы: я имею в виду энклизу формы первого лица ед. ч. при отрицании *не*: *не́ боюсь* Вологодск.

[1] Такие формы встречаются с первых древнерусских рукописей с проставленными ударениями; Нов. Зав. XIV в.: ре́коу 113 (но: речéши 103), те́коу 122; твóрю 47, 99, ствóрю 43 (но: твориши 100); по́гоублю 108 об., не́погоублю 44 об.; сверши́ 43 об. (но: свершите изъяв. накл. 119), ра́здражю 104 об., ра́щиню 113 (иногда по аналогии к бесприставочной форме: разрѣшю 41); ща̑жю 111, не́пое щажю 121, ле́жю 128 (но: лежи́мъ 133), сго́рю 113 об.

Тотемск., Мат. № 201; *хачу́ — вскочу, хачу́ — не́ вскочу* Ворон., Дикарев 243.[1] Но мало того, я могу указать, как в устах одного и того русского рассказчика (в данном случае малорусского) глаголы типа *лежа́ть — лежу́* имеют ударение в 1-м лице ед. числа на первом слоге, а в остальных на окончании. Я имею в виду малорусские записи, сделанные Володимиром Гнатюком в Пужнаках Бугацького повіту со слов некоего Тимка Гришиного, родившегося «в Слобі́тці Коши́лівскі, повіті Заліс́е́цкім» (Етнографічний Збірник, т. VI, 1899 г.): я найбільши *бо́ю* се 83, бо се *бо́ю*, бим ни загуби́ла цно́ти 71, *бо́ю* се 210; но: можы ти

---

[1] Следует отметить, что у глагольных форм энклиза при отрицании *не* в русском языке возможна лишь в том случае, если разбираемая форма способна при сложении с приставками терять ударение в пользу последних; напр.: *не́ жил — по́жил; не́ были — про́были; не́ брал — на́брал; по́йдут — не́йдутъ, не́ зван — по́зван, не́ взято* (то же Улож. 122) — *за́нято; не́ хотя, по́ходя, за́годя*, бить кого чем *не по́падя* (последнее сопоставление, впрочем, несовсем точно) (срвн. в памятниках: не́взявъ Улож. 284 — за́навъ ib. 161, не́имал ib. 88 об. — по́имали ib. 168; не́йметъ Hort. Am. 121 об. — ́йметъ ib. 50 об.; почтѡ не́иде ц҃ркꙑ бра́те Пат. Ск. 169). Мало того, и энклиза имен существительных и прилагательных при отрицании *не* возможна лишь у тех имен, которые способны к энклизе при предлогах; напр.: нешто мы *не́ люди;* пьем, едим, как люди, чем же мы *не́ люди?* (Даль, Словарь); что *за́ люди*, стыдно показаться *на́ люди;* один сын *не́ сын*, два сына *по́л сына*, три сына — сын (Курск. Сб. IV, 11); поп не венчает — *за́ сына* чает; *не́ столк* (Даль, Слов.); что *бе́з толку* всегда журю (Грибоедов); *не́ впору* гость хуже татарина (Ж. Стар. 1903 г. I—II, 188); сват свату *на́ пору* друг (Даль, Посл. 844); *не́ время* (Тоб., Тюм., Мат. № 27, Кал. Мещ.-Чернышев), срвн. также чакавск. ne vrīme Изв. XIV$_2$, 222, — одолжить книгу *на́ время;* вы что то *не́ веселы* стали (Грибоедов) — быть *на́ веселе;* и *не́ любо*, да смейся — сделаться *по́ любу*, т. е. полюбовно (Даль, Слов.) и т. п.; следует отметить, что приведенные в последнее время В. Мансиккою формы: *не́ брат* Изв. XVII$_2$, 127, *не́ видали* РФВ 1912 г., № 4, 279, первая представляет энклизу не при отрицании *не*, а при глаголе *нъ*, а вторая явилась, повидимому, путем недоразумения и смешения с им. сущ. *невидаль;* то же самое и в памятниках: не́ вр҃ѧ стоѧ́ть Пал. XVI в. 188—и҃зр҃ѧдѕ Ратн. 61 об., по́р҃ѧдѕ Новг. лет. 400 об., не́вчесть Ап. 1564 г. 101 об. — за́честь Новг. лет. 620, бе́зчести Тр. П. 1589 г. 282 об.; не́времѧ Алф. XVII в. 464 об. — на́времѧ Улож. 79, за́времѧ Кормч. 1650 г. 327 об.; въпѕ҃ти не́благи Тр. П. 1589 г. 203 об. — во́бл҃го времѧ Требн. 1623 г. 479 и т. д. В виду сего допустимо заключение, что в говорах, знающих *не́ боюсь, не́ вскочу*, существуют или существовали формы вроде *у́боюсь, по́скочу;* срвн. Вологодск. Тотемск.: *за́гону* загадку, *за́брошу* на грядку (Жив. Стар. 1906 г., I, 65).

кра́сти приходив, що сѣ *боѣ́ти* сказати 105, *боя́т* сѣ 210; вони́ мине́ ду́жи сѣ *боѣ́* 75, *си́джу* 48; а міро́шник ка́жи: ей, говори́, ти ни доліва́в, та *сиди́ти*, а́ли я бнз верх брав, та *си́джу* 25, но: *сиди́ш* 3, *сиди́т* 49, 51, *сиде́* 42; может быть, сюда относится: я ни *свѣ́щу*, если оно от *свистеть*, а не от *свисти́ть*; в других формах ударение обычное: *боя́в* сѣ 48, сѣ *боя́в* 318, *боя́ла* сѣ 54 (один раз: сѣ *бо́яли* 216, м. б., опечатка); *сидѣ́ло* 39, *сидѣ́в* 7, 332, *сидѣ́ли* 8, *сидѣ́ти* 208; что касается *засі́дѣли* 174, то это обычный для малорусского наречия перенос ударения с окончания на предыдущий слог в словах, сложенных с приставками: *сте́рпѣти* 318, *відлетѣ́в* 155, *належит* 17; данные других глаголов этого типа не вызывают никаких сомнений: *бѣжи́т* 69, 333, *боли́т* 326, *лижи́т* 38, 62, *лижи́в* 38, *мити́т* 66, *горѣ́ли* 62, *горѣ́ти* ib., *гримі́т* 24, *кіпі́т* 6, *кричі́т* 17, 55, *кричи́в* 54, *кричи́ло* 344, *стоѣ́т* 36, 203, *стоя́т* 116, *стоя́ли* 190, *стоя́ло* 325, *шипі́т* 109; к сожалению, форм 1-го л. ед. ч. от этих глаголов в записях не встретилось; *ві́сит* 51, *ві́сѣв* 315 отражает древнюю акцентовку (сербск. вѣ́сити). С описанным явлением не следует смешивать образовавшихся по аналогии к другим лицам: *лю́блю* 77, *хо́джу* 66, *ска́жу* 118, *хо́чу* 69; *хо́дит* 163, *лю́бит* 78, *хо́чиш* 69.

§ 18. В связи с предыдущим выясняется открытость *о* в приставках *по* и *про* в формах того же 1-го лица ед. ч. глаголов с исчезавшим в основе гласным: по́жроу Псалт. 70 об., по́жрѫ ib. 215 об., про́лію ib. 194. Приставки *по* и *про* в этих формах в отличие от форм других лиц могли иметь только открытое *о*, тогда как в других лицах они могли иметь и напряженное *ô*, которое и наблюдается в памятниках (в Псалт. ча̀іце, чем в Сборнике).

Сборн.: по́идѣ 76 об., по́идѣ 26 об., но обычно *ó:* по́идеши 137 об., по́идѫть 121 об. bis, 124 об., 247, по́идѫ 125 об., по́иде 229; про́идѣ 19-2, про́идемъ 162, про́иде 280; по|жнетъ 13, по́жнѣ ib., по́жнетъ 118; непо́слешисѧ 33, по́слеть 40 об., 302 об. bis, и̑спо́слеть 138 об., по́шлютсѧ 122;

по́чтѹ́тсѧ 118 (срвп. всегда с *о:* ѡ́то́иде 228 об., во́зме|ши 155, во́зметъ 48 об., во́зметсѧ 122; со́вьютсѧ 113 об.); Псалт.: поидеши 39, по́йдоуть 113, 122 об., 213, не- 160 об., про́идеть 140 об., про́идоуть 141 об., про́йде 144 об., про́идоуть 142 об., про́йдоуть 84; по́жнѹ́т 181; по́слетъ 157, по́слетѣти 24 об. (157), по́слѣ 201, реже в этих глаголах с *о́:* по́идоуть 115 об., не- 123 об., по́слеши 143, но всегда с *о́* у глаголов: по́жроуть 151 об., не|прѡ́строуть 180 об.[1] (срвн. правильно: во́зметсѧ 214, со́лжеть 213 об., -оуть 85).

Для говоров я могу лишь отметить Ряз. *по́йдет* (правильно ib. *во́зьмет*).

Открытость *о* в приставках *по* и *про* в 1-м л. ед. ч. объясняется: 1) способностью передачи ударения с приставок на отрицание *не* в подобных формах: не́оу́мрѹ́ Тр. П. 1589 г. 392 bis, чего не наблюдается в формах других лиц: неоу́снѹ́тъ Тр. П. 1589 г. 184 об., непо́йдет Улож. 13, неза́прется ib. 14 об., не́побьют Ратн. 128 об., и 2) тем, что если приставка принимает двусложный вид, то в форме 1-го лица она может иметь ударение лишь на первом слогѣ: о́тошью Погодинский список Геннадиевой библии нач. XVI в. № 84, 322 л.; а́зъ бѡ ѡ́тобїю е́ри|хо́пѧпы Пал. XVI в. 93 (но: побїю́ть ib. 70, оу́бїе́тсѧ ib. 132 об., срвн. в этом памятнике: по́чрьпѹ́ е́го 120, по́мѧ|нѹ́ 96 об., не́|трьплю 42, ро́жоу 111, и́пжщѹ́ 58, и́ѡ́пжщоу 58 об.), а в формах других лиц исключительно на втором слоге: ѡ́тошьле́ Погод. список Генн. библии XVI в. 321 об., 330, ѡтбидутъ Новг. лет. 581 об., неподо́й|мѹ́тъ ib. 565 об., подо́|жжетъ Улож. 152 об., подо́шлетъ ib. 141 об. (= непо́шлетъ), при чем приставка с полногласием *пере-* отражает как бы восходящее ударение: пере́жгѹ́тъ Новг. лет. 396 об., пере́бьютъ Ратн. 201 (срвн. сербск. шток. по̏чнēм, но: за̀почнēм, про̀стрēм,

[1] Эти глаголы, в отличие от первых, часто имеют насуффиксную акцентовку: пожре́тъ 75 об., -ть 204 об., -мъ 44 об.; прѡстроу́ 78, -стре́ши 116 об., -стре́ть 72, 204 об., -стре́ть 190.

но: рàзастрêм, йзбијêм, но: зàузбијêм, òтмêм, но: прèотмêм, зàмкнêм, но: зàмакнêм).

Это открытое *о* из формы 1-го лица ед. ч. проникало в формы других лиц, отсюда вышеотмеченная двойственность в произношении звука *о*.

Напряженность *о* в этих формах засвидетельствована славянскими языками: чешск. půjdu при pojdu, словинск. pǫ́jdem при pǫjdem, pójdem; pǫ́šljem, pǫ́gnem, ǫgnem (обыкновенно же ударение падает на окончание: počnêm, požrêm).

§ 19. Открытое *о* в стѡ́а Сборн. 136 об. *стóя* Ряз. (Ф. Тонышин в противоположность этой форме подчеркнул 3 л. мн. ч. от глагола *стóить: стóя*) доказывается энклизой подобных форм при отрицании *не:* совр. лит. *нé хотя,* нéхотѧ Торж. XVI в. 486, Тр. П. 1589 г. 446, нéмолча Тр. П. 1589 г. 324, срвн. сербск. чакавск. nêhote Изв. XIV_2, 238. Кроме того, в Сборн. *о* из *ъ:* мóлъчѧ 38 об. (39, 180 об.).

§ 20. Открытое *о* в начальном ударенном слоге причастий на *-л,* на *-ити* (Сборн.: влѡ́|жилъ 49 об., слѡ́|жили 250, гóворй̀ èсмъ 325 об., а также Ряз.: бóг *прóстил* говорится о благополучно разрешившейся роженице) подтверждается, с одной стороны, слов. rodîl, rodîlo, lovîli и чакавск. rȍdīl, rȍdīlo, zvȏnīl, zvȏnīlo Изв. XIV_2, 249, свóбодй̀ Хрон. 285 об., а главным образом способностью этих форм передавать ударение приставкам и отрицанию *не* (ЖМНПр. 1904, авг., 464—469): слов. nalȏvilo, чакавск. ȍslobodīl, zȁzvonīl Изв. XIV_2, 249; ѡ́бновй̀ Новг. лет. 653, нéсогрѣшилъ Ап. 1564 г. 119 об., й̀ нéтворили бы Пал. XVI в. 165.

§ 21. В виду того, что со стоящих непосредственно перед корнем глагола приставок в причастиях на *-л* ударение передается вторым приставкам, стоящим перед первыми и отрицанию *не,* а двухслоговые приставки имеют ударение на первом слоге (прúподналсѧ Ратн. 47, нéпочали Улож. 3, нéѡ́былiь. 29; *рóзорвало* Тверск. Каш. (Смирнов), Симб. (Мотовилов), *óторвав* Вологодск. Устьсыс. РФВ, 1887 г., XVIII, 236, *рóзогнал*

Пермск. Соликамск., Мат. № 281; нерóзорвало Ратн. 45, -и 109,[1] срвн. шток. ъ̀бумро, рàзапео, зàпачео, ъ̀дузео, зàдобио, пъ̀днанио, ъ̀бавио, рàспродао, ъ̀дабрао, ъ̀дазвао), открытость *о* на таковых приставках не подлежит сомнению: пóжерли Псалт. 180, Тотемск.: рóт̑ег 33, 141, рóрꙗу̯ц, -ѣо, -ѣi 135; рózvaц 136, кроме того, *о* из *ъ*: сóžгац, сóvгац, сóvгali 135, Ряз.: *пóмерли, дóбыл, пóнял.*

§ 22. Причастия прош. вр. страд. зал. с окончанием на *-ан* в отношении ударения представляют в современном русском языке и его живыхъ памятниках довольно однообразную картину. При *не* насуффиксной акцентовке других форм, в которые входит суффиксальное *а*, ударение в этих причастиях падает на тот же слог, который ударяется и в других формах; напр.: *обрáдовать, обрáдовал, обрáдованный, вы́работать, вы́работаю, вы́работанный, опоя́сать, опоя́сал, опоя́санный.* Если же ударение в других формах падает на это суффиксальное *а*, то в причастиях в современном литературном языке ударение падает на предыдущий слог, а в памятниках и говорах часто удерживается на этом *а*,[2] напр.: *прочитáть — прочи́танный, вязáть — вя́занный* и т. д.; срвн. в говорах: *шишпáной хвартук, жевáный, растрепáныс волоса, завязáная, немотáная бумага* Кал. Мещ., Мат. № 41[1]; в памятниках: Нов. Зав. XIV в.: написáно 149 об. — напи́сано 157, наказáнъ 74 об. — скáзана 125 об.; раскóпанаѧ 69, ѡбразовáно 117, даровáнаѧ 109; Торж. XVI в.: завѣ|щáпаѧ 493, Подл.: начертáннаго 73 об., воспитáнъ 2 об., Алф. óковáнаѧ 335 об., Лет. ѡчаровáна 279 об. — прикóванъ 82 об., Новг. лет.: приковáнъ 531, обѣтовá|нную 431 об., орá-

---

[1] Формы отóрвал, разóгнал и т. п. я считаю новейшими, обязанными исчезновению глухого в корне.

[2] Одно время я думал, что первая акцентовка присуща нечленным причастиям, а вторая — членным; но подтверждения своей мысли в наблюдаемых фактах не встретил. Наоборот, могу указать имя существительное, по своему происхождению нечленное причастие, в котором можно было бы ожидать сохранение акцентовки нечленной формы, однако оно имеет ударение на *а*: *сметáна*, так и в памятниках: с сметáною Hort. Am. 206 об.

наѧ 633 и окóванъ 291 об., насóвано 491, поѷкáзанѝнымъ 582; Улож.: полихова́нымъ о́бы|скóмъ 56 (57) и ве́|рстанымъ 233 и т. д. Односложные через исчезновение коренного гласного причастия, сложенные с приставками, подчиняются вышеописанному закону (таким образом на двухсложной приставке ударение падает на второй слог) с сохранением, впрочем, под влиянием не сложенных с приставками причастий способности к наконечной акцентовке в нечленных формах, напр.: *послáть — пóслан, собрáть — собран, разобрáть — разóбраны;* возможно сказать: *позванá, созданы́;* в памятниках: Нов. Зав. XIV в.: послáнии 65; Новг. лет.: отогнáнъ 336, прóгнани 564 об., погнанò 489 об.; вѡдáнную 623 об., сѡданà 225 об.; Торж. XVI в.: наткáно 254, нáстлано 1b.; Лет.: о́бодрáномъ 284, разóсланы 371; Подл.: ра|зóдраны 183; Улож.: подóсланъ 141 об., собранà 114; Ратн.: познáнъ 10 об., пóпранъ 28 об., розорваны̀ 163 об. Исходя из такого наблюдения, мы могли бы придти к заключению, что звук о в таких формах, как *дарóван, пóслан* должен бы быть напряженным, ибо он не передает предыдущему своего ударения, и только подвижность ударения в односложных причастиях, сложенных с приставками, заставляет быть осторожнее в выводе. И действительно, при внимательном просмотре памятников оказывается: 1) что в них некоторые многосложные глаголы в причастиях могут иметь наконечную акцентовку, а иногда передавать ударение приставке; таких глаголов я заметил два: Нов. Зав. XIV в.: ѡснова|нѝ 126 (130 об.); Торж. XVI в.: ѡ́кованъ 226, -ы 227 об., 338 об., -ный 26 об., о́кованыи 42; Новг. лет.: основанà 463 об.; Лет. о́кованы̀ 173, ѡснована́ же бы́сть 33; Пат. Скитск.: ѡ́кованà ж. р. 382, -ѻ́ 341 об.; Косм.: о́кова^{ж} 204 об.; Кн. Степ.: при́|кова̂ 343,[1] и 2) в односложных

[1] Эти же глаголы передают ударение приставке и в причастиях на *-л:* ѡснова̂ Сим. лет. 551 об., о́кова^{л} Новг. лет. 648 об.; кроме них, я знаю лишь один глагол на *-ати*, который передавал бы в причастии на *-л* ударение приставке: до́ралъ Косм. 45 об. (срвн. плѫго^{м} о́ралъ Ольих. Кирилловский XVI в., Соф. № 1516, 21 об.).

глаголах, сложенных с приставками, ударение может падать на первую часть приставки: рóзорваны Ратн. 220 об. Сравнение с сербским языком подтверждает догадку о подвижности ударения у некоторых глаголов в причастии прош. врем. на *-ан:* шток. ȍковāн, кȕповāн, нȁкуповāн, ȍглодāн, прȍчитāн, прȍкльувāн, но: прòдāвāн, кàрйвāн, прйвēзāн; ȍдазвāн, ȍдабрāн, ȍдагнāн; чакавск. ȍtrovān, но: pozȍbāno, raspȍpāno, popísāno. Поэтому вполне понятны согласные показания памятников и говоров на открытое *о* в этих формах. Сборн.: пóзванъ 74, пóсланъ ib. (290), -о 49 об., -ѣ 143 об.; кроме того *ó* из *ъ:* ѿтóсланъ 197, йскрóпана 166 об. (167), 172 об., -ы 220 об., нейскрóпаны 173 (срвн.: сербск. крпати, чешск. krpec — лапоть); Тотемск.: skóvano, sóvano, osnóvano 138, oglódano 139; кроме того *ó* из *ъ:* otóbran 135; sóžrano ib.; Ряз.: *подкóван, дарóван, оснóван, облюбóван, избалóваный, вкóпаный, пóзван, пóслан* и здесь же упомянем: *прóдан* (срвн. нéроздано Улож. 223); кроме того *о* из *ъ: обсóсан, растóптан.* Что касается Ряз. *обилóдан,* то оно имеет напряженное *ó* заимствованным из настоящего времени, где оно закономерно: *глóжеш* (срвн. чакавск. oglȍdāno).

§ 23. Приставка *про* в причастии прош. врем. страд. залога *проклят* имеет открытое *о.* Сборн.: прѡ́клатъ 49 (19), -о 178, -и 69 об.; Тотемск. prók'ât, -a 96. Сербский язык дальнейшим переносом ударения с первой приставки на вторую в причастиях подобного рода указывает, что на первой приставке было нисходящее ударение, обусловливающее открытость *о;* напр., шток. пȍднапйт, зȁпочет, рȁспродат, прȅодпēт, ȍдузēт, срвн. еще двусложные приставки, имеющие ударение на первом слоге: ȏбавйт, рȁзапет.

§ 24. Звук *о* в предлогах с перенесенным на них с управляемых слов ударением всегда бывает открытым; объясняется это, конечно, тем, что он имел некогда нисходящее ударение, о котором свидетельствует довольно часто встречающаяся в памятниках энклиза сочетания «предлог + управляемое слово» при отрицании *не* (о том, что энклиза при отрицании *не* не отличается

ничем по своему характеру от энклизы при предлогах см. подстрочное примечание к § 17 на стр. 49): ѩко ре́вность бг҃ью и҃моу҃, но не́|поразоумоу Нов. За́в. XIV в. 104, не́о́бозѣ Псалт. 209, не́поморю Пал. XVI в. 53, недосыти Сборн. 71, не́вовремѧ Тр. П. 1589 г. 28 (срвн. еще ни́надрево Нов. Зав. XIV в. 151 об.); срвн. сербск. ни̏ за бога, ни̏ у море, а также и̏ у гла̑ву, и̏ у ногу (M. Rešetar, Schriften der Balkancommission. Linguistische Abtheilung I, 1900, 210); сербск. и̏спод леда, и̏спод му̏кла являются возможными лишь под тем условием, если допустить, что *под* имело бы нисходящее ударение, если бы стояло одно.

Приведем примеры на открытое *о* в разбираемом здесь положении.

Сборн.: до́|дн҃и 7, до́днѐ 189 об., 230, до́вѣка 328, до́запада 308 об., до́запа̑ 276, 302, до́слѡва 148, до́морѧ 300 об., до́земли 18 об., 19 об., 45 об., до́сыти 44 об.; по́чинѣ 40, 108, по́домыслѣ 266, 271 об., по́бо|sѣ 192 об. (12, 101 об.), по́морю 111, по́времени 314, по́плѡти 195, 297 об., по́зависти 10 об., по́заповѣдеˣ 16, по́нагѣ тѣлѣ 19-2 об., по́три 174, по́|не 241 об., 244 об.; по́дъдревѣ̀ 103, по́дъвластїю 216 (срвн. вѣ́градѣ 12 об., вѣ́страсѣ 320, вѣ́дн҃и 314, вѣ́вѣки 7 об., 18, 26, 75 об., 295, вѣ́чревѣ 304 об., вѣ́|времѧ 274, вѣ́|стѡ 174 об. (175), вѣ́бл҃го 326 об.; ко́гр҃ѡбѣ 135, кѣ́г҃оу 227 об.; сѣ́дрѣгѣ̀ 75, сѣ́гнѣвѣ̀ 308 об., сѣ́страхомъ 12 об., сѣ́гд҃емъ 26; редко с сохранением на письме ѣ: кѣ́гд҃у 143). Псалт.: до́вѣка 149, до́рода 65, до́вечера 142 об., до́западъ 65, до́нощи 17; по́чиноу 157 об., по́дни 131 об., по́ср҃цоу 24 об., по́земли 98 об., 209, по́соухѣ 205 об.; по́дн҃ѡсѣ 9 об., по́дн҃ѡги 62 (срвн. вѣ́градъ 150 об., вѣ́днеˣ 26, вѣ́вратѣхъ 11 об., вѣ́времѧ 3 об.; кѣ́гѣ̀у 5, 150 об.; сѣ́гласомъ 215 об., сѣ́страхомъ 4 об.; изредка с сохранением на письме ѣ: вѣ́ѣградѣ 38, вѣ́ѣбрани 29 об., вѣ́ѣбл҃го 12). Тотемск.: pó-prostu 33, pód-goru 117. Н. Н. Виноградов ни разу не отметил в этом положении *уо* (см. напр.: *до́низу* 63, *до́ ночи* 64, *на́ меру* 12, *по́ верьхю* 68, *по́ ушы* 78, *по́д лёд* 73,

по́д мостом 63). Ряз.: *до́ полу, до́ дому, по́ мосту, по́ просту, по́д носом, по́д гору.*

Такое же открытое *о* имеется в наречии *до́ндеже.*

Сборн.: до́ндеже 103, 115 об., 117 об., 142 об., 143; до́нде[т] 10 об., 38 об., 39, 127, 137 об. (до́нелѣ[т] 137, повидимому, описка); Псалт.: до́ндеже 74, 75 об., 94 об., 95 об., 98, 130 об. bis, 143 об., 183 об., 215. Однажды написанное в Псалт. до̑ндеже 205 не может подрывать общего наблюдения, и к тому же здесь было одно условие, располагающее к перемене интонации, а именно исчезновение в следующем слоге глухого.

§ 24а. В именах существительных с суффиксом *-о́к, -ока̀,* вместо ожидаемого *о̂* (срвн. *живо̂т — живота̀* § 65), наблюдается открытое *о:* Тотемск. xodók, jodók, jozdók, śsdók 39, Ряз. *ходо́к, ездо́к, едо́к.*

Сербский язык указывает в этом суффиксе восходящее ударение: свѐдок — свѐдока; словинский же, указывая ǫ, отличается от сербского и русского языков удержанием ударения на *о:* svędȍk или с оттянутым ударением svę́doka, род. пад. svedǫ́ka).

Открытое *о* здесь явилось по аналогии к именам существительным с древним суффиксом *-гкъ-*. Сборн.: па|то́къ 70 об., вчетверто́къ 163 об., лего́къ 71; Псалт.: пѣсо́къ 107; Тотемск.: głotók, mołotók, posók, vonók, ćułók, połók 39, ćvötók 22, kusóćik 147; Ряз.: *висо́к* (часть лица), *песо́к, кусо́к, домо́к, цвето́к, мосто́чек, листо́чек.* Очень редко можно встретить здесь *о̂:* впа|то̑къ Сборн. 164, bеŕеžо̑k Тотемск. 39 (в последнем случае *о̂* на месте *ъ*).

§ 25. Кроме того, открытое *о* имеется в следующих наречиях и частицах: 1) Сборн.: по́слѣ 116 об., 194, 196 об., 288, 292 об., и̑по́слѣ 196; Тотемск. pósl'e 144 (есть и новообразование pȏsl'e 33); Ряз. *по́сле;* срвн. слов. poslę̂). 2) Ряз.: *скро́сь;* срвн. слов. skǫ̂z. 3) Ряз.: *про́тив;* срвн. слов. naprǫ̂ti. 4) Сборн.: го́дѣ бо́удетъ 10. 5) Сборн.: до́лѫ 17, 117; и̑до́лѫ 72; до́лѣ 22 об., 31, 265 (сербск. до̑ље, слов. dóli и dólu). 6) Сборн.: дрѫго́вицы 190 об.

Наконец, отметим открытое *о* из *ъ*: 1) Сборн.: вóнъ нар. 127 об., 146, вѡ́нъ 18 об.; Псалт.: вóнъ 37, 54 об.; Ряз. *вон* (= наружу). 2) Сборн.: тóчїю 6; нетóкмѡ 4, 110 об.

ГЛАВА VI.

Напряженное *ô* в срединном открытом слоге.[1]

§ 26. Повидимому, в русском языке были односложные слова муж. рода с восходящим ударением на *о* во всех падежах типа серб. skȍt — skȍta, слов. skòt — skǫ́ta: Ряз. бо́й — бо́я, по́д — по́да (срвн. производное от этого слова имя прилагательное: по́длиннѡ* Сборн. 127 об.), про́к — про́ка, стро́й — стро́я. Срвн. шток. по́д — по́да (Вук) при по́д — по́да (Мажуранич), слов. strȍj — strója и глагол strójiti — strǫ́jim, а в русском глагол *стро́ить*, как бы предполагающий производящее имя существительное с восходящим ударением; срвн. для про́к глагол про́чить.

Для слов с полногласием под восходящим ударением имеются следующие примеры: Тотемск. morô̂s, ot morô̂zu, gorô̂x, rorô̂m 43, Грязов.: порô̂г-от, Костр. Шунг.: *горуо́х, поруо́г* 21, Ряз. *моро́з* (срвн. серб. гра̑х — гра̑ха, мра̑з — мра̑за, пра̑г — пра̑га, пра̑м — пра̑ма, слов. grȁh — gráha, mrȁz — mráza, prȁg — prága).

§ 27. Имена сущ. муж. рода, сложенные с приставками, при ударении на корне обыкновенно имеют *ô* (об именах сущ. муж. рода этого же типа, но с ударением на приставке, см. § 23). Сборн.: разбо̑а р. п. 119; всѡбо̑ръ 34, насобо̑|ре 223; ра|здо̑ръ[2] 179; взо̑ръ 75 об., зазо̑ры 214 об.; покло̑новъ 73; покло̑новъ 19-2 об. (с ѡ вм. *о*); поко̑и 257, поко̑и 28, 104, -а 29, 70, 125 об.; зако̑ни 240; зако̑нъ 107 об., 138, в- 173, ѿзако̑на 4 (26 об.), зако̑ни 209 об.; взапо̑ръ 227; вопро̑съ 277 об., въ- 318; наро̑дъ 6 об., -ы 10 об., -ы 6 об.; оу̯ро̑дъ

[1] Встречающиеся рядом формы, где *ô* в закрытом слоге, не могут быть считаемы за исходные.

[2] Как здесь, так и ниже, формы на *ъ* без обозначения равняются им. или вин. пад. ед. ч.

189; сроки 29; пре|столи 311 об.; взатворъ 226 об.; ѿвостока 113, ѿвостокъ 276; потопъ 287 об., потопъ 278; приходa 261 об., входѣ 132, исход|да 76, войсходѣ 76 об., воѿход|дѣ 231 об., приходъ 230; замечено одно исключение: покрывъ 22, безпокрова 203. Псалт.: съборы 17; окон|вы тв. п. 202, въѡкновѣхъ 144 об.; впѡкои 84 об. 184 (161 об.), покои 183 об., 184 об.; закснъ 23 об., 167 об., 169 неск. раз, 170 об., 171 об., 172; -а 146 об., 166 об., 169, -оу 170, взаконѣ 165 об.; законъ 168 об., -нже 176 об., -а 169 об., 173, взаконѣ 3 об.; покровъ в. п. 178 об.; понось 167; ѡплотъ 112, -ы 124; беспѡрока 16; прѡрока 99 об., -цы 219 об., вѵпрѡрощѣхъ 144 об.; на|престолѣ 184 bis, престоли 179, съпрестолъ р. п. 220; престолъ 211 об., -ѣ 218 об., -и 179; въстокъ 221, ѿвъстокъ 150 об., 159, ѿвостокъ 65, навъстоки 88 об.; потокъ 35, 180, -омъ тв. п. 45 об.; -и в. п. 181, -ы 100, впѡтощѣ 114 об., ѿпотока 157 об., потоцы 20; впѡтопѣ 39; ѵсходъ 23 об., -ы 83, войсходѣ 159 об.; коисход|дѧ 222 об.; прѡхода 197 об.; замечено одно исключение: вѵпѡкрывъ имъ 146. Тотемск.: obôi мн. ч. 129, ṕeŕebôr, ṕeŕevôs, na ṕeŕevôźe, zavôt, na zavôd'e, zavôdy, ṕeŕevôt, rozgovôry (на стр. 73: rozgowór возможна опечатка: на стр. 36 сказано, что это слово отмечено только во мн. ч.), zgôn 36, vzdôr 149, potkôf, dva potkôva, naŀôk, napôi, narôt, narôdu, zastôi, vosxôt, zaxôt, ṕŕixôt, f ṕŕixôd'e, sxôt, sxôdy, na sxôdax (но: Их. sxód'e) 36; исключение (или, может быть, неточность записи) одно: osmót, -tra 108. Грязов.: *прибор, заводы, навоз, огороды, закон, подносъ, народ, припоры, обиход.* Костр. Шунг.: *огоруд*[1] 21, *спруос* 7, *обруок* 72. Ряз.: *разбой, забор, сброд, завод, перевод, навоз, оборот, разговор, узоры, закон, покос, улов, перенос, спросом, срок, поток, доход, заход* (срвн.: *помои, насос,* поцеловать в *засос*); исключения: *засов, Покров, астрох.*

Кроме того, Тотемск. potyŀôk, -ŀôka, Ряз. *потолок, -лка.*

---

[1] В оригинале написано ogoruód. *Е. К.*

Подобным словам в словинском языке соответствует не один тип по ударению слов, а несколько типов, сводящихся, впрочем, к двум основным; 1) zahòd или с перенесенным на предыдущий слог ударением záhod — zahǫ́da (ǫ) и 2) ponòs или с перенесенным на предыдущий слог ударением pónos — pónosa (o); изредка встречается приноровление или, может быть, самостоятельное перенесение к акцентовке именительного падежа других падежей: zákon — zákona (при zakǫ́na). К первому типу относятся следующие слова: zavòd, prévòd,[1] -vǫ́da; navòz, prévoz, -vǫ́za; zgòn, -gǫ́na; pokòj, -kǫ́ja; zákon, -kǫ́na; nálog, -lǫ́ga; óplòt, -plǫ́ta; národ, uròd, -rǫ́da; obròk, póròk, prórok, sròk, -rǫ́ka; ostròg, -strǫ́ga; zátvòr, -tvǫ́ra; pótòk, -tǫ́ka; potòp, -tǫ́pa; iz-, od-, dó-, vhòd, príhòd, záhòd, -hǫ́da; ко второму: obòj, razbòj, -bója; zbòr — zbóra; razdòr, -dóra; zazòr, vzòr, -zǫ́ra; poklòn, -klóna; okòv, podkòv, -kóva; pókròv, -króva; ulòv, -lóva; pónòs, podnòs, prenòs, -nósa; nápòj, -pója; zapòr, pripòr, -póra; zastòj, -stója; préstol, -stóla; zásov, -sóva. Обыкновенно при разных приставках слова с одним корнем относятся к одному и тому же типу; но бывают и исключения: при zgòn, progòn, -gǫ́na имеется izgòn, -góna, при nakòp, -kǫ́pa имеется pókòp, prekòp, — kópa; при zavòr, -vǫ́ra имеется návòr, prevòr, -vóra. Русская акцентовка вполне соответствует первому типу zahód, -hǫ́da; для второй акцентовки соответствий в русском литературном языке, повидимому, нет, но в говорах и древнерусских памятниках можно найти кое-что для сравнения (примеры приводятся и на слова, имеющие в корне другие гласные): название праздника: Покрова Пресвятые Богородицы в говорах звучит: *Покро́в — Покрова́*[2] (срвн. у Некрасова: «да не сладко Катеринушке мужа

[1] Так обозначаю возможность двоякой акцентовки (prévod и prevòd).

[2] Срвн. сохранение старой акцентовки в названиях других праздников: *Успенье́, Введенье́, Стретенье́* Новг. Белоз., Мат. № 162; *Успенье́, Веденье́* Арх. Онежск., Мат. № 260; *до Веденья, к Веденью* Костр. у., Мат. № 264, *Вознесенье́* (= Воздвиженье) Д. Зеленин, Отчет о диалектологической поездке в Вятскую губернию 1903, стр. 59. Означенная акцентовка безусловно русская, срвн. *сватанье́* Моск. у. (Чернышев), *вставанье́* Арх. Холм., Мат. № 50, *в селеньях* Д. Зе-

ждать до Покрова»);[1] *от пожара́* М. А. Караулов. Материалы для этнографии Терской области. 1902, 35; в Торж. XVI в. читаем (если только это слово не женского рода): возлива́хѫ на него̀ помьа̀ 434, помьа́ми о́бли|ва́хѫть а̑ 435 об. (= совр. помо́би); не привожу из других памятников обыкновенно единичных примеров, как возможных описок (вроде: до и̑схода̀ дн҃а Кн. Степ. 151), но не могу не упомянуть, что в Нов. Зав. XIV в. на 121 об. слово законъ имеет дважды наконечную акцентовку: ѿзако|на́же, неѿзакона̀ (срвн. ibidem, о̀зако́нѣ, анеѿзако́на). Итак, русский язык, имевший в древности и ныне имеющий в говорах тип акцентовки подобный второму обычному типу в словинском языке (такая акцентовка известна также чакавским говорам: potȍk, potȍka и potokà Изв. XIV$_2$, 213, pokrȏv, pokrovà ib. 216), в настоящее время потерял его, уподобив первому типу. Что касается ударения в типе zahòd — zahôda, захбд — захбда, то оно было, без всякого сомнения, восходящее: 1) на это указывают русские полногласные формы: поворо́т, -а, огоро́д, -а; 2) краткое *о* в им. пад. ед. ч. в словинском языке не может быть рассматриваемо отдельно от сохранившихся в этом положении некогда долгих гласных: zapàd, -páda, odsvẹ̀t, -svẹ́ta, poljùb, -ljúba, razsìp, -sípa, odpìs, -písa, obrèd, -rẹ́da, omòt, -mǫ́ta, pogòlt, -gólta, posŕk, -sŕka (срвн. еще с *е,* судьба которого в словинском языке во многом подобна судьбе *о:* utèk — utẹ́ka), а такое отношение им. пад. к кратким гласным при долгом гласном в других падежах наблюдается как раз в словах, имевших по общепринятому взгляду восходящее ударение: brȁt — brâta, dẹ̀d — dẹ́da, jùg — júga, dȉm — díma, klȉn — klína, mrȁz — mráza, 3) в сербском же языке, в котором только

ленин, op. cit. 142, *деленьѣ* — детская игра в мяч ib. 47; срвн. в Сборн.: варенїѣ 164, варенїà 204 об. (ibidem: чтенїѣ 31, 32 об., -їà р. п. 228 об., мн. ч. 109, -їю 35, 180 об., начтенїй 4, во- 32 об., реже: чтéнїю 31 об.; проклатїѣ 179, распатїѣ).

[1] Не случайно, вероятно, это слово и в памятниках и в говорах имеет открытое *о*: перенос ударения совершился в ту эпоху, когда закончился процесс образования напряженного *ô*.

что приведенные слова проводят краткость по всем падежам: бра̏т — бра̀та, де̏д — дѐда, ди̏м — дѝма, кли̏н — клѝна, мра̏з — мра̀за, и сложные слова имеют краткий гласный тоже во всех падежах: штокавск. за́каз, на́мен, при́ступ, за́зив, за́врат, пријѐлаз, са́вет, по́пис или: ѝзлаз, у̀плив, за̀вез, по̀руб, до̀тик, по̀дпис; чакавск. susȅd — susȅda, obȅd — obȅda.

В этом случае сохраняет краткость и звук *o*: штокавск. о̀дрод, до̀нос, ра́злог, и́роч и т. п., чакавск. potȍk — potȍka, otrȍk — otrȍka, но в штокавск. перед *j*, а в чакавском перед *n* (а, может быть, и другими) *o* в именительном падеже получало восходящую долготу: шток. ра́збо̑j — ра́збоја, по̀ло̑j — по̀лоја, за̀во̑j — за̀воја, за́по̑j — за́поја, чакавск. prṑgón — prṑgȍna, zā̀kón — zakȍna Изв. XIV$_2$, 213; срвн. восходящее долгое ударение в словах hrén — hrȇna, kl̓ín — kl̓ȋna ib. 208, где указаны и другие согласные, перед которыми встречается долгота в соответствии с краткостью в штокавском наречии: *j, r, l, m, n, v* (последнее я поставил бы под сомнение, за отсутствием подтверждающих примеров, срвн. обратно несколько приведенное выше lȃv — lȃva).

II. Двусложные слова муж. рода с выдержанным ударением на втором слоге подобно словам, сложным с приставками: закȏн — закȏна, имеют напряженное *ô* во всех падежах. Псалт.; глаго̑лъ 23, глаго̑ли 23 об., глаго̑|ли 193 об., глаго̑лы; коно̑бъ 78, 153 об.; ѿчерто̑га 23 об.

§ 28. Точно так же и в сложных с приставками словах женск. рода на *-ъ* при ударении не на приставке корень имеет напряженное *ô:* оу̏до̑ль Псалт. 153 об., во̏до̑ли ib. 115 об. (впрочем, один раз: оу̏до̀ль ib. 78).

§ 29. I. Имена сущ. женск. рода (двусложные и трехсложные через полногласие) с выдержанною накоренною акцентовкою имеют *ô (-оро̑-)*.

Сборн.: во̑ла им. ед. 12, -ю 11 об., 103, -ею 27 об., 75, вола̀ им. ед. 69 об., -и р. п. 100 об., -ю 4, 13 об., -ею 192 об., -амъ 220, 235 об., бе҃во̑|ла 217 об., пово̑ли 13; ко̑жею 293,

вкӧ́жи 193, кӧ́жахъ 166 об. (но правильно: вѣ́брóнеи мѣ́стѡ 111 об., вóлна 116, 311, -ы мн. ч. 207, мóлъва 152 об., -ы мн. ч. 148 об., намо́|лъвѣ 41 об.);[1] Псалт.: вӧ́лю 195 об., 199, -ею 35 об., 70 об., 114, -ахъ 157 об., ввӧ́ли 35 об., вӧ́лѧ им. ед. 3 об., -ю 53; кӧ́жу 141 (но правильно: тóлща 193 об.; вóлны мн. ч. 152, вóлнъ 83, 122); Тотемск.: lôvĭa 36, rôža, rôžy мн. ч., rôšča 37, vôĭa, sôsna, sôsny мн. ч., sôsen 38, vorôna, korôva, korôf, dorôga, dorôk, род. dorôgi 43 (но правильно: króša 38); Грязов.: *вôле, кӧ́жа, дорóга, корóва;* Костр. Шунг.: *вуóли* 43, *наруóже* 71, *воруóна* 44, *коруóва* 7; Ряз.: *вôля, дôля, кӧ́жа, лôвля, рӧ́жа, рӧ́ща; шкôла, на дорóге, корóва, корóв* (срвн. прилаг. *рóзовый,* допускающее сущ. *рóза);* правильно: *сóня* (= сонливый), *пóрча, кóрчи, сóтня;* исключением являются: *крóвля, мóда, рóвня.*

Древнее восходящее ударение корня этих слов ясно из отсутствия энклизы их в русском языке при предлогах («и *дд воли* наплачешься» Кольцов — может быть следует сравнивать не с *воля,*[2] а с нареч. *доволе,* акцентовка коего, впрочем, из древнерусских памятников мне неизвестна), а для полногласных из сербск. краткого *а:* врѐна, крѐва, дрѐга; в слов. языке подобные слова имеют *ǫ:* 1) kǫ́ža, vǫ́lja и 2) rǫ̑ža, škǫ̑la, bǫ̑jna, prǫ̑sba; многочисленные примеры на акцентовку первого и второго родов см. у Валявца (Rad 132; 134, 149 и 150). В русском языке характерным исключением является слово *рóза,* имеющее открытое *о* и в памятниках, и в говорах (рóзги мн. ч. Псалт. 112, rózgi, rózok Тотемск. 42; *рóза, рóзги* род. пад. ед. ч. и им.-вин. пад. мн. ч. Ряз.); и сербск. рȍзга и слов. rǫ̑zga указывают на закрытое *ô.* Чем объяснить это уклонение, трудно

---

[1] Что касается настóгна[х] 300, 300 об., то оба раза *о* переделано из другой буквы (*е*?) и знак ударения проставлен другими чернилами.

[2] Срвн. из'вóли Улож. 291, Ѡвóли Сборн. 1647 г. 556, повóли Ап. 1564 г. 150, навóлю Улож. 46, Ратн. 129, навóли Лет. XVII в. 230; впрочем в Нов. Зав. XIV в. им. пад. ед. ч. всегда имеет наконечную акцентовку: волѝ бо̀|жиѝ 133, волѝ гнѝ 74, 126, неволѝ моѝ 39 и в других местах; кроме того волѝ моем 43, но: повóли 85, 90, 141.

сказать; отметим лишь, что в памятниках при рóзга Нов. Зав. XIV в. 49, рóзгу ib. 49, имеется розгà Ев. 1606 г. II, 196, рóзгу ib. II, 195, так что, может быть, выдержанная накоренная акцентовка в этом слове развилась на русской почве из подвижной независимо от сербск. и слов. языков. Чешский язык целым рядом слов, кроме vůlě и kůže : vůně (слов. vǫnja), chůze (слов. hǫja), tůně (слов. tǫnja), růže (слов. rǫža), nůše (слов. nǫša, русск. *нóша*), důle (русск. *дóля*), bůta (слов. bǫta), průba (русск. *прóба*) заставляет думать, что и в нем *ů* в этой категории слов развивалось под восходящим ударением; что касается случаев sůva, smůla, kůra, hrůza, hůra (shůry, vzhůru),[1] то они, вероятно, имеют другую акцентовку, нежели эти слова в других славянских языках: срвн. колебание слов. skǫba, сербск. скȍба, а в русск. скобá, слов. hǫja, vǫnja, nǫša, сербск. хо̀ђа, во̀ња, но̀ша; это явление замечается в пределах одного и того же языка: при обычной в великорусских говорах акцентовке спи́на (Вологодск. Кадн., Мат. № 26, Вятск. Котельн., Мат. № 46, Псковск. Остр., Мат. № 33, Курск. Льговск., Мат. № 76, Донск., Мат. № 42[2], Тульск. Новос., Будде; тоже и в памятниках: спи́на Hort. Am. 39, поспи́не Косм. 134, наспи́нѣ Алф. 403) в литер. языке *спинà — спи́ну* («и *нá спину* к себе бросает» Сумароков), «вперед не *нá спину*, а *нá бок* спать ложися» Измайлов; срвн. *пóд спину* Тверск. Каш. Смирнов; *гóра* Петерб. Ямбургск. при обычном *горà — гóру*.

Здесь же упомянем неплȍды Псалт. 211, неплȍдове в. п. ib. 159 об.; подобные слова имеют в слов. обыкновенно *ǫ*: smǫkva, kǫtva, lǫkva, plǫskva, zmǫkve мн. ч.; шток. бр̏ȉтва, бȕква, жȅтва ясно указывают на восходящее ударение в словах этого типа.

§ 30. I. Трехсложные имена существительные женск. рода на *-a*, сложенные с приставками при ударении на коренном *o* чаще имеют это *o* напряженным, нежели открытым: спȍна

[1] Отметим еще чешск. krůpě, strůje, důje, chůda, chůva, půda, půle, для которых нам не удалось подобрать параллели из сербск., слов. и русск. языков.

Сборн. 105 об., охôта Тотемск. 147; *охôта* Грязов.; *на охубту* Костр. Шунг. 75; в Ряз.: *охôта, опôра, занôза, подвôда, порôда, оснôва, ссôра,* но: *подкóва.*[1] Срвн. сербск. ònона, òснова, пòткова и т. п., указывающие на древнее восходящее ударение на *о*. В словинском языке в словах этого типа обычно ǫ (нисходящее ударение развилось на слов. почве из старого восходящего): pomǫ̑ra, ponǫ̑va, pregǫ̑na, prirǫ̑da, ugǫ̑da, potvǫ̑ra, utǫ̑ka, zamǫ̑ga, zbrǫ̑da, podǫ̑ba, odkǫ̑pa, opǫ̑na, osnǫ̑va, osǫ̑ba, но: podkǫ̑va, okǫ̑va (в согласии с Ряз.), dolǫ̑ga, razpǫ̑ra, opǫ̑ra, zaslǫ̑na, zagǫ̑zda; а pohóta по образцу имен сущ. с суффиксом -óta.

II. Здесь же отметим: кѫтѡ̑рамъ Сборн. 41 об., кѫтѡ̑ра ib. 202; torgôvľa Тотемск. 38, тоже Ряз. (срвн. слов. rogǫ́ža = русск. рогóжа).

§ 31. Слово злóба и в памятниках,[2] и в говорах имеет *ô* (Сборн.: злобою 282, злобы 119, -ѣ 184 об., -ꙋ 8; Псалт.: ѡ̀злоб҃ѣже 45 об., незлоб҃ою 31 об., злобба 8 об., -ою 32, понезлобе 8 об.; Ряз. *злôба,* а также в производном имени прилагательном: незлобивыи Сборн. 157, -оє 102 об.; незлоб҃ивїѝ Псалт. 31 об.); это ô проникает по аналогии и в род. пад. мн. ч. ѿзлобъ Псалт. 152 об. (срвн. слов. kǫ̑ž, явившееся также по аналогии, ибо здесь нисходящее ударение; а также Тотемск. корôв вместо ожидаемого **кóров,* слов. krâv, чешск. krav при kráva). В слов. яз. zlôba, сербск. злòба (злоб҃ба Мажуранич) указывает наконечную акцентовку, как и большинство других слов с суффиксом *-óва,* также и малорусское *злобá.*[3] Это один из ярких случаев несовпадения акцентовок в разных славянских языках. Другое трехсложное слово с суффиксом *-ова* также имеет *ô:* оу̑тробꙋ Сборн. 38, -ы р. п. ib. 39, мн. ч. 142 об.; оу̑троб҃ба Псалт. 17, -ы р. п. ib. 191, мн. ч. 31 об., воꙋ̑троб҃боу ib. 155 об., оу̑тробы

[1] Здесь же отметим *подóшва* Ряз., где *о* из ъ.

[2] Отметим несколько примеров накоренной акцентовки из других памятников: безъзлóбы Кормч. 1650 г. 118 об., ѿзлóбы Лет. 96 об., озлóбѣ Новг. Лет. 449.

[3] Срвн. в Анф. Киев. 1619 г.: злобà 707, злобꙋ̑ 743, злобы мн. ч. 616 при злобы р. п. 776, ѡ̀злобѣ 257.

р. п. ib. 8 об.; слов. и сербск. яз. указывают накоренную акцентовку: útroba, ўтроба; в первом языке возможна и накопечная акцентовка otróba.

§ 32. Имена существительные женск. рода с суффиксом *-ота* при ударении на суффиксальном *о* принадлежат к негибким словам, а потому допускают предположение о старом восходящем ударении на этом *о*, которое в силу последнего обстоятельства является напряженным; эта напряженность наблюдается во всех падежах, а также и в род. пад. мн. ч. (срвн. сказанное выше относительно род. пад. мн. ч. от злоба). Сборн.: добрѡтами 6, ѿрабѡты 289 об., ѡрабѡтѣ 199 об., тагѡтъ 71 об. (может быть, от тагота), нечистѡтъ 207; Псалт.: добрѡ́тѣ д. п. 35 об., 60, -оу 62 (109), -ою 59; ѿрабѡты 222; щедрѡ́ты мн. ч. 170 об., 176, 198, в- 150, ѿщедрѡ́тъ 53 об.; Тотемск.: ľgôta, robôta 38, porobôťé 69 (Их. robóta 38), zabôta Их. 38 (при zobóta 143); Костр. Шунг.: *льнуóта* 22; Ряз.: *льгóта, в рабóте*. В сербск. и слов. языках слова этого типа чаще указывают накопечную акцентовку: чистòта, добрòта, тегòта, но: pàбота в согласии с русским; слов.: tegóta, lągóta, но: dobrǫ̑ta, rabǫ̑ta имеют перенесенное с первого слога ударение.

§ 33. I. Суффикс -ilo имел восходящую долготу: сербск. пи́ло, слов. bẹlilọ, cẹdilọ и т. п.; в русском языке, в противоположность суффиксу -iv- (см. § 10), он притягивает на себя ударение (Псалт.: скади́ломь 84 об., въсвати́ло 98, соуши́ло 137 об.), но в тех случаях, где корень имел восходящую долготу, ударение могло задерживаться на корне *пра́вило*, но: народн. *прави́ло* (инструмент); теперь говорят: *мери́ло*, а в Псалт. вмѣрилѣхъ 80; ударение в *пра́вило, ме́рило* было восходящее, а отсюда я заключаю, что при задержанном ударении в pôiľo, stôiľo Тотемск. ударение могло лишь быть восходящее, иначе бы оно было перетянуто на *i*.

II. Равным образом и суффикс -išče имел восходящую долготу и перетягивал на себя ударение. В Сборнике: съкро|ви́ще 9, сокрѡви́ща 114 об., 263 об., рѫби́|ще 166 (166 об.), нагнойщы

106, жили́ще 16 об., 108, реже: жи́|лища 40 об.; в Псалт.: въсъкрови́щехъ 209 об., въжили́щехъ 71 об. (78) и жи́лище 142, 206 (56 об.). При задержанном на корне ударении оно могло быть лишь восходящим, а отсюда вполне понятна обычная напряженность звука *о* в этих словах.

Сборн.: ѿкр̃|злищъ 119 об. и 120; кр̃злища в. п. 120 bis, пр̃|прищь 189 об.; прїи́схр̃дищи[x] 323 об. (срвн.: натр̃ржищихъ 142, и҃зсн̃мища 154 об., сѡн̃мища мн. ч. 179). Псалт. ѿгнр̃бища 211 об.; и҃схр̃дища 152 об., 175, войсхр̃дищехъ 197 об., прїисхр̃дящихъ 3 об., войсхр̃дищ(а) 152 об. Ряз.: *сбр̃ище, прр̃звище.*

Словинский язык обычно указывает в этом случае насуффиксное ударение izhodíšče, gnoíšče, porríšče, sa̯njmíšče, pozoríšče и т. п и не может быть полезен при сравнении для установления напряженного ô; в других же двух словах при накоренной акцентовке имеется не ǫ: prǫ́sišče при prosíšče и okǫ̑lišče; последнее под влиянiем okǫ̑li.

III. Суффиксы -ica и -ina при ударении на i имели также восходящее ударение: чак. lisîca, шток. ли̏сица, слов. lisíca — чак. družîna, шток. дру̏жина, слов. družína. Для того, чтобы ударение падало в словах этих категорий не на суффикс (-íca, -ína), а на один из предыдущих слогов, необходимо, чтобы ударение имело восходящий характер: ма̏ковица, ра̏ковина (сербск. ма̏к, ра̏к); в русском языке это хорошо видно на словах с полногласием: *чересполо́сица, смороди́на,* белор. *серэ́дзина,* невозможно (или крайне редко по какой-нибудь особой ассоциации), чтобы перед этими суффиксами было *-óро-, -óло-, -ére* . В виду сего вполне понятно, что ударенное *о* перед названными суффиксами обыкновенно является напряженным, оно было некогда под восходящим ударением.

Сборн.: колр̃дицею 18 об.; мнр̃жицею 117 об., 133 об., 216 об., 315; исключение двѡ́й|чны[x] 284 об.; Псалт.: мн|р̃жицею 150, 182; трр̃бице 221, втрр̃ица 223, трр̃бице 1 об. (правильно гр̃рлица 115 об.); Ряз.: *Трр̃ицын день, перенр̃сица;*

Тотемск.: xrakôťina 42 (или Их. xar-), smorôďina 146, xorôḿina 44; Грязов.: *рóдина, смóрóдина;* Костр. Шунг.: *всю вуóччину* 76, *стервуóтину* 22; Ряз.: *смóрóдина.*

Слов. яз. при dvojíca, trojíca дает trǫ̑jica, явившееся под влиянием trǫ̑j; срвн. okǫ̑lica под влиянием okǫ̑li; русское окóлица при óколо расположением ударения в слогах *око-* напоминает таковое расположение в полногласии и предполагает в отличие от слов. языка напряженное *о* (среди собранных мною примеров на *ó* этого слова нет); правильно: mnǫ̑žica. Для суффикса -ina слов. язык дает хорошее указание на напряженное *о* словами gǫ̑dina (срвн. шток. нà годину Мажетић, Gram. 176), ǫ̑bčina; слов. rodína имеет другую акцентовку сравнительно с русскою; колебание акцентовки в одном слове обычно и в русском в пределах даже одного языка: русск. *óбщина* и *вобщинá* Вологодск. Кадн., Ж. Ст. 1895 г., III—IV, 387, Олон. (Куликовский), *рóдина* и *родинá* Псковск. Холмск., Мат. № 54, Костр. Мак., Мат. № 56 и др.; слов. sǫ̑lina под влиянием sǫ̑l.

IV. Суффикс *-ýшка* также под ударением имеет такое в виде восходящего: сербск. пѐрушка, а потому вполне понятны: Костр. Шунг. *со сторуóнушки* 71, Ряз. *молóдушка, солóвушка* (срвн. ibidem при подобном суффиксе *сóлнышко, гóрлышко, дóнышко,* где *о* из *ъ*).

§ 34. В именах сущ. ср. р. на *-ĭе* с ударенным *о* в предыдущем суффиксу слоге это *о* обычно бывает напряженным.

Сборн.; оу̑до̑лїа 300 об.; поподо̑бїю 16, подо̑бїе 6 об.; о̀незло̑бїи[к] 15, незло̑бїе 6 об.; безако̑нїе 72; ѡво̑щїе, по: гво́здїе 176 об. (срвн. правильно: кбезмо́лвїю 6 и в др. падежах 6 об., 47 об., 102 об., 263; со́нїе 24 об.); Псалт.: вбезго̑дїи 175 об.; оу̑до̑лїа 83 об.; подо̑бїе 197 об.; вш|до̑бїе 148 об.; незло̑бїе 48 об., внезло̑бїи 110; бс[з]ако̑нїе 153 (155, 165 об., 193 об.), вбе|ззако̑нїи 180 об., беззако̑нїа мн. ч. 182 об., -їи р. п. 151 об., вбе[з]ако̑нїихъ 150, безѯако̑нїе 174 об., 175 об., -їа р. п. 192, мн. ч. 183, -їи 151 об. и в других местах; подно̑жїе 157, -їю 135; но: дрѡ́ждїе 101 об. (срвн. со́нїе 98); Ряз. вполне под-

тверждают показание памятников: привôлье, раздôлье, подôбие, повôдья, подпôлье.

Сербск. бѐза́конье, по̀дно̂жје, ра̀здо̂лье, за̀го̂рје указывают на древнее восходящее ударение на звуке *о;* в односложных словах в роде гво̂жђе, гро̂жђе, ло̂зје, можно догадываться, было то же ударение, срвн. шток. пе̂рје при чак. pérjĭ (Изв. XIV_2, 222). В словинском языке в этой категории слов обычно *о;* но как и в других категориях производных слов, и эта категория часто имеет *ǫ* под влиянием первообразных слов. nǫ̂žje, gǫ̂rje[1] (Valjavec 132, 152), bǫ̂rje (Val., но у Плетершника bǫ̂rje под влиянием bǫ̂r) так же, как в plǫ̂tje, prǫ̂sje звук *ǫ* под влиянием plǫ̂t, na prǫ̂so; срвн. др.-русск. *гвóздіе, дрóждіе* под влиянием *гвоздь* и *дрóжди*); breznǫ̂žje, brezvǫ̂dje, oplǫ̂tje, ovǫ̂čje, pogǫ̂stje, razdǫ̂bje, obnǫ̂žje, okǫ̂stje, medgǫ̂rje, mednǫ̂žje, medǫ̂čje, medvǫ̂dje, prigǫ̂rje, razvǫ̂dje, zamǫ̂rje, zaplǫ̂tje и т. п. Последние десять слов отмечены с *ǫ* у Валявца, а у Плетершника имеют *ǫ* по ассоциации с первообразными словами: na nǫ̂gu, kǫ̂st, na gǫ̂ru, na ǫ̂kǫ, na vǫ̂du, za mǫ̂re, plǫ̂t, по той же ассоциации имеют *ǫ:* predmǫ̂stje, podǫ̂lje, podpǫ̂lje, brezpomǫ̂čje (срвн. mǫ̂st, dǫ̂l, pǫ̂le, pomǫ̂č). Вероятно, такого же происхождения Тотемск. povódja 33; что же касается volóśja ib. 44, то не следует ли допустить перенос ударения с конечного слога (волосьё); в nokótja 34 — *о* из *ъ*.

§ 35. Имя прилагательное *мно́гий* имеет и в членной и в нечленной формах накоренную акцентовку и проводит *ô* и в той и в другой формах. Сборн.: мно̑гаѧ ср. р. 25 об., мно̂|гїа р. п. 5 об., мно̂гоу̑ю 193, -ои 184 об., сомно̂гимъ 4, на̑мно̂гими 243 об., помно̂ги[x] 226, вомно̂зѣи 25, кроме того; немно̂го нар. 20, мно̂ги 82, на- 83 об., мно̂сѣмъ тв. п. 82, 141, 195 об., ѿмно̂зѣхъ 72; Псалт.: мно̑гаѧ ж. р. 211, -имъ д. п. 157 об., попремно̑гомоу̑ 202, мно̂гаа 1 об.; кроме того: ми́ръ мно̑гъ 176 об. (30 об.), мно̑го 24, 178 об., 183, -и 176, -ахъ 152, помно̑гоу̑ 179 об., мно̑зи 4 об., 176, не- 144 об., мно̑сѣ м. п. 44,

[1] Не привожу здесь так и ниже слов, у которых первообразные имеют не *ǫ*, а другой звук, в роде plǫdje, grǫbje, izgǫnje, obstǫžje, preddvǫzje, ugǫdje и т. п.

мно̑го 37 об., -ѹ̑ в. п. 176 об., -и 186 об., посредѣ̀ мно̑гъ 156 об., мно̑зи 4 об.; Тотемск. vnô̑go 120, 148; Грязов. *мно̑го;* Костр. Шунг. *вну́го* 7 и еще в 15 местах; Ряз. *мно̑го.* Энклиза этого слова ни в великорусских говорах,[1] ни в памятниках неизвестна: намно́гы дн҃ Нов. Зав. XIV в. 70, намно́зѣ̀ ib. 73; вомно́зе Ап. 1564 г. 101 об., непомно́зе ib. 50; незамно́го Новг. Лет. 622 об.; помню́ги днѝ Кн. Степ. 552, несомно́га Ратн. 210, вомно́ги днѝ Сборн. 1647 г. 313, намно́ги часы̀ Пат. Скитск. 333 об. и т. д. Слов. язык подтверждает напряженность *о:* mnǫ̑g — mnǫ́ga и mnǫ̑gi (сербск. яз. указывает на выдержанную накоренную акцентовку: мно̑го и мно̑гй). Повидимому, однородным с именем прилагательным мно́гий является имя прилагат. про̑чий. Сборн.: про̑чаѧ 9 об., -ихъ 28 об. (236 об.), ѿпро̑чи[х] 239, ѻпро̑чихъ[х] 247, про̑чее 5, 103 об., -аа 13, -аѧ 11 об., 14, -иѝ 189 об., впро̑чаѧ 234; сербск. про̑чй, слов. prȍč наречие подтверждает Тотемск. prô̑č 38, Ряз. *про̑чь* (из древнего *проче*).

II. Несколько имен прилагат. имеют *о̑* в членной форме и в нечленной форме им.-вин. падежа ед. ч. м. рода (в других падежах нечленной формы они имеют наконечную акцентовку, за очень редкими исключениями, о них ниже). Сюда относятся: *го̑лый, до̑бры̆й, мо̑кры̆й, во̑стры̆й, хоро̑ший* и, может быть, *по̑лый;* в памятниках *хро̑мый;* Сборн.: до̑бро̑е 11 об. (248 об.), -ѹ̑ю 18 об., -аѧ ср. р. 21 об., 27 об., -ы[х] 105; до̑бро̑е 12, 47, -ое 182, -ѡмѹ̑ 32, -ымси по́двигомъ 29 об., -ѣ̀й 117, ѿдо̑|бры[х] 27, вдо̑бро̑[м] 240 об., -ы[х] 100 об.; кроме того: до̑бръ им. п. ед. ч. 37; хро̑мое 8 об., кроме того: хро̑мъ им. п. ед. ч. 235 об.; Псалт.: до̑брыхъ р. п. 2, до̑|брыми ib.; Тотемск.: gô̑ǫ — gô̑ǫ̀ 127; dô̑p — dô̑broǫ̀ 33, dô̑broǫ̑ 41 (на стр. 73 и 144: dóbrova, может быть, неточность записи), vô̑stroǫ̀ 38, xorô̑šova 43; Костр. Шунг.:

[1] В белорусском наречии энклиза этого слова возможна: *я́много* нар. = многовато, *на́много* нар. = на́долго, по́много (Носович, Белор. Слов.), но надо иметь в виду, что в белорусском наречии энклиза несколько отличается от великорусской, срвн. *на́ пахах* держи его усе (Носович, Белор. Слов.) при *па́ха* = рука; *за́ грыву* Могил. Гор. (Романов, VI, 49).

гу́лой 21, *хору́шова* 22, *-ую* 65, *-ых* 78, *на хору́шай* 65; Ряз.: *го̑лый, до̑брый, мо̑крый, по̑лый.* Слов.: dǫ̑bar — dȍbra, mǫ̑kar — mȍkra, ǫ̑star — óstra при dǫ̑bri, mǫ̑kri, ǫ̑stri вполне совпадают с русск.; в gòl — gȍla, hròm — hróma произошло в им. пад. м. рода сокращение такого же рода, как в dvòr (чак. gól указывает на восходящее ударение).

Исключением является открытое *о* в наречии до̑брѣ Сборн. 26, 44, 104, 144, 183 (21 об.), Псалт. 40.

Далее мы ожидали бы напряженное *о̑* в до̑бль Сборн. 46.

III. Здесь же приведем из наших памятников имена прилагательные, имеющие *о* из *ъ;* Сборн.: бо̑рзѡ 19-2, нибо̑|рзѡ^{ѫ} 72 и 72 об., него̑рдъ 21, надо̑лзѣ^{ѫ} 72 об., по̑лна ср. р. 187, ло̑жъ 107, зѡ́лъ 291; Псалт.: по̑лна ср. р. 12 об., то̑лъсти 197 об., то̑щъ 8, ло̑жъ 162, -ь 41, зо̑лъ р. п. 120, 153; Тотемск.: zoł 127, toųs 108, dȍłok, pȍłon 127, sȍtoį 130;[1] Ряз. *бо̑дрый (бо̑дро), до̑лгий, по̑лный, то̑лстый,* и отметим неясное для нас *о* в слове *стро̑гий:* strȍk — strógoį Тотемск. 127, и даже в форме сравнительной степени strȍžə 128 (срвн. § 39), Ряз. *стро̑гий,* и в сравн. степени: gȍžejö Тотемск. 103, 129.

Наоборот, на месте древнего *ъ* имеется *о̑* в прилагательном rȏchłoį 35.

§ 36. В имени прилагательном наро̑читыи Сборн. 112 об., наро̑читыхъ ib. 224 напряженное *о̑* обусловлено тем же, что *о̑* перед суффиксами имен существительных -ilo, -išče, -ica, -ina (см. § 33), т. е. восходящей долготой следующего слога. Современное *нарочи́тый* — новообразование. В сербском языке имеется на̀рочито, совпадающее с *наро̑читый* памятников.

§ 37. Имена прилагательные с суффиксом *-ok-* при ударении на нем имеют напряженное *о̑* и в членных, и в нечленных формах. Сборн.: вы|со̑кꙋ д. п. 245, высо̑кое 14, -ꙋю 273 об.; Псалт.: высо̑къ 135, 159 об., 190, -їа 142 об., -ою̀ 188, -аа 190, навысо̑кихъ 159 об., в- 129 об., высо̑каѧ 211, -ою 226;

[1] Под влиянием sȍtoi явилось ďevánȏstoi 130 при ďevánȏsto (тоже и в Ряз. *девяно̑сто*).

Ѿглоубо̀|кихъ 90; Тотемск.: šyrôk, głybôk 37, głybôkoi̯ 128; Ряз.: *висо̀к, висо̀кий, глубо̀к, широ̀к*. Сербский язык указывает древнее восходящее ударение на этом *о:* ви̏сокӣ, ду̏бокӣ, ши̏рокӣ, ви̏сок, ду̏бок, ши̏рок (но: висо̀ка, -о̀ко, дубо̀ка, -о̀ко, ши̏рока, -о̀ко). В словинском же языке имеется в нечленной форме муж. рода открытое *о* благодаря краткому ударению: visȍk, globȍk, širȍk; в visóka, globóka, širóka — оттянутое с конца ударение (качество *о* в членных формах мне неизвестно). Исключением является: жестоу́кою Псалт. 205 об., если только это не случайная описка. Впрочем, надо заметить, что это слово по акцентовке отличается от предыдущих: в памятниках первые имена прилаг. в членной форме обыкновенно имеют ударение на суффиксе, а в нечленной на суффиксе или на окончании; напр.: высо́кою Тр. П. 1589 г. 175, въглꙋбо́кꙋю ib. 134, широ́кꙋю Мин, 1619 г. 451; глꙋбокѡ̀ Торж. XVI в. 623, свысока̀ лѣ̏та ib. 325. реже: глꙋбо́кꙋ в. п. Сборн. 1647 г. 167 об., павысо́цѣ мѣ̏|сте Злат. 152 (последние, вероятно, новообразования применительно к членной форме); накоренная акцентовка: вы̏сокою Нов. Зав. XIV в. 67 об. — большая редкость;[1] прилагательное же *жестокий* и в членной и в нечленной формах имеет или накоренную акцентовку, или наконечную; напр.: же́стокъ Хрон. 292 об., же́стокїи ib. 279 об., же́стокаго ib. 257; же́стоцы Лет. 95 об.; же́стоко Ратн. 22 об. (даже: же́сточе Злат. 194); срвн. сербск. же̏сток; пожестоко́мꙋ Ап. 1564 г. 92 об., жестокбе Улож. 69, 139; жестоки́ми Ратн. 219; жестокѡ̀ Ап. 1564 г. 17 об., жесто́къ Тр. П. 1589 г. 317 об. В Сборн.: жестокї́и 48 об.; же|-стѡка́а[m] 246 об. при же́стѡкъ 226 об., же́стѡко 120, же́стѡка ср. р. 327, но: жестѡка̀ ж. р. 327. В виду сего, не следует ли допустить, что форма с насуффиксною акцентовкою для писца Псалтыри была чуждою, и он не мог проверить звуковых ее особенностей своим произношением. Словинский язык, в отличие от

[1] В русских говорах в нечленной форме изредка встречается такая акцентовка: *ви́соко* Куб., Ж. Ст. 1903, III, 360. *ши́роко* ib., *гли́боко* Тверск. Ржевск. (Е. Карский).

русского и сербского, имеет выдержанную насуффиксную акцентовку, под влиянием которой в нем развилось *о:* žestȍk, žestǫ́ka.

Имя прилагат. *гото́вый* имеет напряженное *о̂* и в членной, и в нечленной формах. Сборн.: гото̑въ 41 об., -о 70, -ꙋ 22 об., -и 12 об.; Псалт.: гото̑въ 50 об., гото̑во 153 bis (158 об.), съгото̑вагѡ 40 об., гото̑въ 18 об., вгото̑вое 205; Тотемск.: gotô f — gotô va 37, gotô vo 141, в соответствии со слов. gotȍf — gotǫ́va; серб. указывает на восходящее ударение гото́в, -а, -о, гото́ви.

Здесь же упомянем напряженное *о̂* в местоимении *кото̑рый,* неподвижность ударения коего на слоге *-то-* позволяет допускать восходящее ударение. Сборн.: кото̑рыи 112, -ое 27 об., -агожⁱѡ 34 об., -ои 70 об. bis, 156, 156 об., -ые 163 об., -о|мꙋ 18, -ꙋю 161 об., а̀кѡто̑рыє 155 об., никото̑рого 211 об. (212), вко|то̑рꙋю 47 об.; Тотемск.: kotô roi̯, kotô ra 125.

Что касается Грязов. *комо̑лой* при слов. komǫ̑ĭ,[1] то оно могло приобрести напряженное *о* в членной форме (срвн. *мо́лод* — диал. *моло́дый*).

В памятниках имя прилагат. *убо́гий* всегда имеет *о̂*. Сборн.: оу̯бо̑гагѡ 105 об., -сїѝ 118, ꙋ̑бо̑гꙋ̑ д. п. 35 об., оу̯бо̑гїи 33 об.; Псалт.: оу̯бо̑гъ 54, 155 об., -а 155, 159 об., -ꙋ 153, -агѡ 156 об., -имъ 159 об., оу̯бо̑гимъ 193. В Ряз. же наблюдается колебание: *убо̑гий* и *убо́гий*. Серб. у̀бог, -а, -о — у̀богӣ свидетельствует о втором восходящем ударении; слов. ubǫ̑g, подтверждая напряженность *о̂*, непонятно своим нисходящим ударением, и потому слов. nębǫ̑g первоначальнее своим *ǫ*. Из других прилагательных, сложенных с приставками, имеют *о̂* в Ряз.: *прибо̑жий, осо̑бый, отхо̑жий.*

§ 38. Суффикс *-ov-* у имен прилагательных и местоимений, оканчивающихся на этот суффикс, при ударении на нем имеет обыкновенно напряженное *о̂*. Сборн.: въ҃имѣ лво̑ве 106; како̑въ 111, како̑въ 112; тако̑въ 224, 294 (срвн. еще: доа̀нти́|христо̑ва

[1] Имя сущ. *ко́мель* безусловно имело нисходящее ударение на *о*: на́комель Алф. 259.

261 об., но доа̀нтихристѡва 314); в Псалт. лишь гроздѡвѣ 208 об.; Тотемск. Ṕotrôf 35, ṕötrôv-ďeń 127, ṕötrôva dńi ib., -vu dńi ib.; tołkôvoi̯ 37, b̓estołkôvaja 63, tołkôveńka 96; Ряз.: *Петро̀в, Соколо̀в, Попо̀в; целко̀вый, столо̀вый, дубо̀вый, бестолко̀вый, ольхо̀вый;* сербск. бо̀бов, -а, ду̀бов, -а, Хрѝстов, ка̀ков, та̀ковӣ указывают на восходящее ударение; слов. язык при ударении на суффиксе имеет обыкновенно *ǫ:* bobǫ̑v, borǫ̑v, jelǫ̑v, kozlǫ̑v, zlatǫ̑v, kakǫ̑v, njegò̑v, -ǫ̑va; также обычно -ů̑v в чешск. языке.

Если ударение падает не на суффикс -ov-, а на корень, то этот корень в нечленной форме имени прилагат. в древности имел характер ударения производящего слова, сохранившийся доселе в корнях с полногласием: *Ко́лосов, Шо́рохов, Во́лосово* (станция по Балтийской жел. дороге), но *Бере́зов, Моро́зов, Горо́хов,* а в членной форме у первых ударение переходило на окончание (или суффикс): *городово́й, голосово́й,* а у вторых оставалось на корне: *бере́зовый, горо́ховый.* Срвн. при *полево́й, снегово́й, духово́й, носово́й, мохово́й, громово́й* и *дубо́вый* и дѫбовыя Алф. 406,[1] терно́вый, Го́рев, По́левъ Лет. 563 об., вса̀ снѣ̀говы напа̀|сти Пат. Ск. 268, *Ду́хов день, Но́сов, Мо́хов, Гро́мов,* сна̀ гро́мова Сборн. 1647 г. 858 об., дѫбово Алф. 180, вѣне́цъ те́рновъ Торж. XVI в. 64 об., Сб. 1647 г. 596; но *ли́повый, ма́ковый, лу́ковый,* и̯зо оу̯стъ | ки́товы[1 2] Торж. XVI в. 241 (срвн. вочревѣ ки́товѣ Алф. 87 об.) (сербск.: ли̏па, ма̀к, лу̏к, ки̏т). Первые, повидимому, были способны к энклизе при предлогах: на́ Волотове Новг. Лет. 533 об. (срвн. Во|лотово Лет. 10). Отсюда вполне понятно открытое *о* в Ряз. *Ко́лосов.* Что касается Грязов. *Новгоро̀дова* (название деревни), то здесь мы имеем дело с сращением; в сращениях же, так и в сложениях (см. § 61, I) слова,

[1] Это колебание мне напоминает колебание: *мо́лод — молодо́й* и диалектич. *моло́дый.*

[2] Совр. *кито́вый* имеет производящим *кит — кита̀,* тогда как в памятниках производящее слово обычно имеет акцентовку, согласную с сербск. языком: ки́та Хрон. 261, ѿкита Мин. 1619 г. 306, вкитѣ Пал. XVI в. 195 (но: ѿкита̀ Мин. 1608 г. 145 об., 161).

составляющие вторую часть срощения, имели, надо думать, восходящее ударение.

Что касается нисх҃рвво Сборн. 72 об., surôf Тотемск. 37, то напряженность *о* подтверждается словинским языком sirǫ̑v, -ǫ̑va, хотя и непонятно появление его под нисходящим ударением: сербск. сȉров и обычная накоренная акцентовка в древнерусских памятниках: сх҃ровѣ нар. Тр. П. 1589 г. 159, сх҃рово Сборн. 1647 г. 693, соу́рова р. п. Нов. Зав. XIV в. 72 об., соу́рови ib. 139 об., оу҆|сх҃ровы ве́си Торж. XVI в. 420 об., а также в русских говорах: «*ни су́рово* ни бе́ло — свое рукоделье» Мат. № 41[1], Кал. Мещ., предполагали бы для словинск. яз. или *sírov, или *sirǫ̑v. За последнюю говорят членные формы из древних русских памятников: ѿсх҃ровы́а Сборн. 1647 г. 266 (при сх҃рво́вое ib. 693), сх҃рови́ми Торж. XVI в. 63 об., сх҃рови́мх҃ Кн. Степ. 695 (срвн. *дубово́й* и *дубо́вой* при *ду́бов*, где на *у* нисходящее ударение), а также и в русских говорах: *суровой* Вологодск. Кадн., Мат. № 25, Олон. Петрозав., Мат. № 38, Вятск. Слоб., Мат. № 50, Арх. Холм., Мат. № 52. Надо продположить, что здесь было влияние со стороны других имен прилагат. на -ǫ̑v. Тотемск. suróvoi 37, может быть, следует объяснять заимствованием из чужого говора, срвн. surovój 128.

§ 39. В формах сравнительной степени с суффиксом -jьš и в памятниках, и в говорах наблюдается *ô*. Сборн.: небо̑лши 39, бо̑лша р. п. 286, бо̑лшх҃ в. п. 192, 192 об. bis, бо̑лшаа р. п. 136, вбо̑лшаа р. п. 37, вбо̑лшаа си[ѫ] 15 об., оу҆бо̑льшаго̑ 186 об. (108); го̑рши 207 об.; Тотемск.: bô'e 42, 128, bô'še 128; korȏće, mo'ô̑že 44 (срвн. dóle, чешск. delši, слов. dlje, подробнее см. у Г. А. Ильинского, РФВ, 1908, т. 60, 432 и след.; tóǫ̑šṭ̌šə 61, tónše 120); Грязов.: *бо́льше, про̑ще, коро̑че*, но: *до́льше, то́ньше, то́лще.*

Древнее восходящее ударение в подобных формах устанавливается сербским и чешским языками; шток. мла̏ђй, у̏жй, ви̏ше̑ и т. п.; чешск.: dráže, lépe, více, blíže, výše и т. п. (с вы-

падением глухого ударение из восходящего изменялось в чешском языке в нисходящее и вместо долготы ныне является краткость: lepší, bližší, vyšší и т. п.). Показания словинского языка в данном случае странным образом раздваиваются: вполне подтверждается напряженность *ô* в *гôрши:* gǫ̑rji, gǫ̑rši (и производные: gǫ̑ršati) и указывается открытость в *бôле:* bǫ̑ljі, bǫ̑ljši (и производные bǫ̑ljšati), кроме того, сокращенная форма bǫ̀lj. Следы напряженного *о* я также усматриваю в чешских: hůře, hůř при правильном horší и spůze (срвн. snáze от snadně).

§ 40. В формах praesens'a глагола *мочь* (а в памятниках во 2 и 3 л. ед. ч. aorist'a) и глаголов на *-нути,* а также глаголов, образованных при помощи суффикса -jo-, при ударении на коренном *о* обыкновенно это *о* является напряженным. Сборн.: мо̑жетъ 11 об., не- 13 об., во^{s}- 25 об., мо̑жемъ 9, не- 251, мо̑жете 10 об., мо̑гѫтъ 91, мо̑же^{т} 76 об., 106 об., мо̑гѫтъ 16, немо̑гѫ^{т} 108, возмо̑же аор., не- 182 об.; хо̑щеши 4, 9, 16 об. bis, 101, хо̑ще^{т} 94, хо̑|ще^{м} 29 об., нехо̑щемъ 130, хо̑щета 115 об.; бо̑ретсѧ 186 (срвн. ро̑пщетъ 41^{2} об., -ē 74 об., не-ро̑пще^{м} 75, ро̑пщѫ̑щїи 74 об., -щи^{м} 294 об. при одном исключении нерво̑пщетъ 108 об., кроме того, во|здѡ́хнемъ 116 об., въздѡ́хнѫтъ 124, и с выдержанной накоренною акцентовкою: неѿто́ргне^{т} 74 об., ѿто́|ргнѫ̑т 316, ѿто́рже 200, оумѡ́лъкни 102, пре|сохнѫтъ 113); Псалт.: немо̑гоуть 46, ѥзне- 75 об., по- 177 об., 210, помо̑же 153, пренемо̑же 103, помо̑жеми 34, ѥзнемо̑жетѣ 22, невозмо̑гоуть ib., ѥзнемо̑же 211 bis; хо̑ще|ть 26 об., восхо̑щеть 158 об., въсхо̑|щеть 47 об., восхо̑ще^{т} 200 об., и с выдержанною накоренною акцентовкою: възглаго́лю 65 об., неглаго́лють 160 об., взглаго́лю^{т} 199, глаго́лѧ 144, глаго́люще 171, 218, глаго́лющими 34, -и^{х} 155 об. (срвн. порб|щоутъ 77, кроме того: ѥстѡ́ргнешимѧ 36 об., растѡ́ргнеѥ́тѧ 69); Тотемск.: bormôćeš 139, głôžoš...głôžut, pôl'ôš...pôl'ut 131, pôŕôš 137, stôńôš 139, tôńeš...tônut 136, хłорôćeš 139, хохôćeš 139, rołôščôš 139, есть и исключения: móžôš, móžeťô, mógut 135, хóćôš и т. д. 33, но: хôš 33, kól'eš и т. д. 137, zóbl'eš 139

(срвн. tórćeš 42, 139, rókćeš (= ропчешь) 139, zakrǫ́ot 100, vǫ́ǫ̈t 136, mǫ́ju, krǫ́ju, rǫ́ju, on nǫ́ǫ̈t 139); Грязов., в противоположность Тотемск., подтверждает формы: *мо̑жеш, мо̑гут* и *хо̑чет;* Ряз.: *мо̑жу, мо̑жешь; бо̑рются, гло̑жешь, по̑рю, по̑решь, ко̑лю, ко̑лешь, по̑лю, по̑лешь, по̑ля, по̑лют, хо̑чет, грохо̑чет, хлопо̑чем, лапо̑чишь, то̑нет* (срвн.: *засо́хнут; кро́ю, кро́ешь, вы-мо̑е̑шь, мо́ю, мо́й* п. н., *но́ю, ро́пчут, то́пчешь*).

Все глаголы этих типов, для которых нам удалось подыскать параллели в словинском языке, а также им подобные имеют в нем ǫ и восходящее или новое нисходящее (из восходящего) ударения: móči — mǫ́rem (mórem); tóniti — tǫ́nim (срвн. mókniti — mǫ̑knem, kótniti — kǫ̑tnem, hlópniti — hlǫ̑pnem, poskóknіti — poskǫ̑knem — о новом нисходящем ударении см. Rad, 132, 155); hotẹ́ti — hǫ́čem, kǫljem, pǫ́rjem (pórjem), pǫljem, glódati (Хостник)[1] — glǫ́jem (lókati — lǫ́čem, kópati — kǫ́pljem, rováti — rǫ́vljem и т. п.); hohotáti, -ǫ́čem, hlopotáti, -ǫ́čem, grohotáti, -ǫ́čem, lopotáti, -ǫ́čem (klokotáti, -ǫ́čem, ropotáti, -ǫ́čem и масса им подобных). Глагол *орать*, допускающий в русском языке в praesens'е двоякую акцентовку, как и некоторые другие глаголы, *о́рет* и *орёт*, и в словинском имеет также двоякую órjem при orjẹ̑m и ǫ́rjem.

Чешск. язык имеет mohu — můžeš, koli — kůleš, stoni — stůneš и старочешск. и диалект. choču — chóčeš (Gebauer Hist. ml. I, 588) и лишь zovu — zůveš является исключением.

§ 41. Формы глаголов с суффиксом *-а-* с ударением на предыдущем слоге имеют обыкновенно в этом слоге *о̑*, которое поддерживалось аналогией слов, производящих эти глаголы: *рабо̑тати, гото̑вати, глаго̑лати, подо̑бает* под влиянием *рабо̑та* (см. § 32), *гото̑в* (см. § 37), *глаго̑л* (см. § 27), *подо̑ба* (см. § 31). Сборн.: рабо̑тати 11 об., 23-2 об., 144 об., 195 об., -ю̑ще 28; оу҃гѡто̑ванныѡе 25 об.; оу҃гото̑вати 76, -анныѡе 13, -анныи 23-2 об., гото̑ва|ю̑тъ 45; Псалт.: глаго̑лахъ 168 об., во|з- 162,

[1] У Плетершника glódati, но Valjavec (Rad, 132, 143 и 145) отмечает: glodáti, glodálǫ.

возглагôла 153 об., глагôлаша 154, 197 bis, глагôлахъ 44 об.; оу̑готôваѣши 26, -ахъ 184 об., готôваю̑щемъ 200 об., о̑готôвати 221, оу̑готôваніе 13 об., -а и̑ 8 об., -áстѣ 205, -аша 13 об., готôвал 210; по|рабôтаеть 28, -ють -96, -та|ша 149 и 149 об., рабôтаите 4 об., кроме того: подôбаѣтъ 129 об.[1]

На стр. 69 О. Брок отмечает в Тотемск. porobôtaš с оговоркою: «наверное описка вм. -bôtaš»; последняя форма засвидетельствована Грязов. *робôтают* и Ряз. *рабôтал*. Что касается Ряз. *трóгать, хлóпать,* то в первом *о* из *ъ*, а во втором мы ожидали бы *ô* (слов. hlópati имеет оттянутое ударение, но срвн. hlǫ́pljem). Сербск. рабôтати соответствует русск. диал. *работáти* («Все соседи твои *работáют* давно» — Кольцов), а слов. rabǫ̑tati под влиянием rabǫ̑ta.[2]

---

[1] Такую акцентовку можно засвидетельствовать и памятниками: подóбаю[т] Нов. Зав. XIV в. 108, 140 и во многих других местах, подóбаше ib. 146 и малорусским нар. сподóбає Ет. Зб. VI, 68, подóбала ib. 78; об акцентовке глаголов этого типа в великорусском наречии см. следующее подстрочное примечание.

[2] Что касается напряженного *ô* в слов. языке в глаголах несовершенного вида ukrǫ́čati, uprǫ́šč̌ati, ustanǫ́vljati, zadovǫ́ljati и т. п., то они при сравнении с русским языком (великорусским наречием) имеют *ô* как бы в неударенном слоге: *укрощáть, упрощáть, установля́ть* и т. п. Однако при последнем сравнении не следует упускать из виду, что тот действующий в русском языке в настоящее время закон, по которому сложенные с приставками глаголы на *-ати* несовершенного вида непременно имеют ударение на суффиксе: *пáдать — нападáть, рéзать — разрезáть, бéгать — убегáть, двúгать — раздвúгать* и т. п. (но совершенный вид по более тесной ассоциации с глаголами без приставок удерживает ударение корня: *напáдать, разрéзать, убéгаться, раздвúгать* и т. д.), в древнерусских памятниках еще только намечается и довольно часто глаголы несовершенного вида имеют ударение на корне: впáдаю[т] Нов. Зав. XIV в. 138 об., прѫгнéвающе Сборн. 130, срéзаímo Торж. XVI в. 483 об., помáзал ib. 610, посы́пающи[х] Пат. Ск. 45, повéшаются Тр. П. 1589 г. 168 об., ѣскáпал Мин. 1658 г. 212, преплáвал ib. 139 об., припáдаетъ Улож. 186 об., размéрзетъ Корич. 1650 г. 207 об. (срвн. сербск. ȕpadati, nòsipati, prȅpnjivati). Точно так же и глаголы несов. вида, без приставок не употребительные, часто имеют ударение на корне вместо теперешнего насуффиксного, напр.: избáвлати Нов. Зав. XIV в. 87, приблíжаемъся ib. 145, прослáвляю ib. 104 об., състáвлати ib. 117, оутѣшáй 118 об., озлóбляя ib 85, испóлняя ib. 114, порабóщаю ib. 112, оу̑крáдающими Торж. XVI в. 36 об., поклáдал ib. 547, со|глáдал Кн. Степ. 583 об., облáдающаго 4 (на всякий случай упомянем, что в московских грамотах конца XVI—XVII в. в слове обладатель принято писать два *а*: облаадатель,

§ 42. Переходя к рассмотрению употребления *о́* в глаголах на *-ити,* мы прежде всего оговоримся, что нам придется иметь дело с тремя типами акцентовок в этих глаголах: 1) *пра́вить — пра́влю — пра́вишь,* 2) *люби́ти — люблю́ — лю́бишь* и 3) *святи́ть — свячу́ — святи́шь.* Относительно последнего типа следует отметить, что в древнем русском языке он был значительно более распространен, нежели теперь (*яви́т, учи́т, вали́т, сади́т, губи́т, лени́тся, пусти́т, приценя́тся, гаси́т, получи́т, измени́мся* и много подобных других являются весьма обычными для древнерусских памятников); в настоящее время язык имеет тенденцию переводить глаголы из последнего типа акцентовки во второй («сено *ко́сят*», но в специальном выражении: «глазами *коси́т*»),[1] при чем в акающих говорах это явление замечается в более широком размере, нежели в окающих, а в белорусском наречии этот переход достигает огромных размеров; там можно встретить не только *ро́дишь, зво́нишь,* но и: *рассме́шишь, до́ўбиш, жи́вишь, кре́пится, ре́шишь, гово́ришь, че́щишь, то́ўпишся, цвѐрдзишь* и т. п. (по данным словаря И. Носовича). Первому типу в словинском языке соответствует prâviti — prâvit, а в сербском: шток. пра̀вити — пра̀вим и чакавск. prȁvit — prȁvīn; второму — в слов. яз.: ljúbiti — ljúbim, а в сербск.: шток. љу́бити — љу́бӣм и чакавск. gūbȉt — gúbīn; третьему — в слов. яз. sušíti — suším, а в сербск.: шток. чи̏нити — чи̏нӣм, чакавск. učȉt — učín (последний тип, как в русском языке, в особенности с некогда долгими гласными, так и в сербском языке, перешел в большинстве глаголов во второй: шток. ја́вити — ја̀вӣм, су́шити — су́шӣм, чакавск. sādȉt — sádīn, а в оставшихся в этом типе глаго-

---

почему?), оу҃ма̀лю҆тже Тр. П. 1589 г. 317, оумно́жам ib. 150 об., оура́ни҃маго ib. 160 об. и т. п. (срвн. сербск. за̀стављати, ѝзбављати, прѝслављати, ѝтворати, у̀клоњати; реже: прѝгледати сов. в. при прогле́дати несов. в.). В виду сего настаивать на насуффиксной акцентовке вышеприведенных словинских глаголов надо осторожно.

[1] Срвн. в одном говоре Уфимск. Белеб. Изв. X_2, 99 наблюдатель отмечает безразличное употребление *косит глазами* и *косят траву,* т. е. по старому.

лах долгие гласные сократились по образцу глаголов с древними краткими). В старом восходящем ударении на коренном гласном в первом типе акцентовки сомневаться не приходится; что же касается восходящего ударения в настоящем времени глаголов второго типа акцентовки, то и его на основании чакавских форм также признают (акад. А. А. Шахматов, К истории ударений в славянских языках, Изв., III, 3), объяснение же долготы вместо ожидаемой краткости проникновением ее из неударенных слогов дано А. Белићем (О чакавском ′. Zbornik u slavu V. Jagića. Berlin. 1908, 449 и след.).

Мы предпослали сравнению русского *о́* со словинским *о* в глаголах на *-ити* распределение означенных глаголов по типам акцентовки по той причине, что находим правильнее сравнивать не отдельные глаголы, а именно эти категории. Ибо возможно, что в глубокой древности круг глаголов, принадлежавших к тому или другому типу акцентовки, был и в русском языке, и в словинском языке один и тот же (на это указывают многие совпадения между отдельными глаголами), но со временем аналогия увеличила, с одной стороны, известный тип глаголов в русском языке одними глаголами, а в словинском другими, а с другой уменьшила также неодинаковыми глаголами, присоединив их к другому типу; типы же категорий сохранились и в том, и в другом языке одинаковые.

I. Если глагол с *о* в основе принадлежит к первому типу акцентовки, то он имеет напряженное *о́* во всех формах.

В русском языке к этому типу относятся следующие глаголы.

Сборн.: во́литъ 30 об.; и҃зво́льши^{к} 27; дово́ли|тсѧ 163, и҃зво́|листе 208, во́лащ^{ѫ} д. п. 63, и҃зво́ливш^{ѫ} 160, и҃|зво́лиша 327 об.; гото́витсѧ 109, оу҃гѡ|то́вимсѧ 241 об., неоу҃го|то́вленъ 70, оу҃гото́вль 185 об.; мно́жатсѧ 104; оу҃|мно́ж^{ѫ} 242 об.; оу҃подо́бивсѧ 5 об.; неспѡдо́бльсѧ 36; спѡдо́бль|шасѧ 294 об., спѡдо́бльши^{м}сѧ 316 об.; пѡко́ѧтъ 248; поко́ити 156, -и҃ти 156 об., -и|тисѧ 201, поко́ю 1 л. 17 об.; порабо́|титисѧ 198, порабо́тив-

шасѧ 200, порабо̑тилъсѧ 169;[1] стро̑|и́тиса 257; стро̑и́тъ 276 об., оу̑- 216, неоу̑стро̑|а̀тъли 318 об., оу̑стро̑|и́лъ 291 об.; досто̑и́тъ 22, 44, 89 (срвн.: и̑спо́лнитсѧ 14, напо́лни[ѫ] 5, напо́лни аор. 216 об., и̑спо́лненъ 70, и̑спо́лнени 120 об., и̑спо́лнь 280); Псалт.: бл҃гои́звол҃ати 64 об., и̑звол҃ихъ 167 об., 177, 184 об., и̑звол҃и аор. 30 об.; оу̑гото̑вихсѧ 169 об.; пригото̑|витиса 2; о̀злобити 123, о̀злобишасѧ 153; оу̑мно̑жатсѧ 191 об., оу̑мно̑жи|шима 190, оу̑мно̑жилъ 15, 45 об., оу̑мно̑жиса 149, оу̑мно̑жишасѧ 170, о̀мно̑жи|ши 216 об., оу̑мно̑жишасѧ 153, -ишѧ 4 об.; оу̑подо̑блюсѧ 195 об., оу̑подо̑битьтисѧ 53, оу̑подо̑блюсѧ 33 об., оу̑подо̑битсѧ 114, оу̑подо̑бисѧ аор. 196 об.; оустро̑и п. н. 44; о̀стро̑и|ть 222 (срвн.: и̑спо́лнатсѧ 143, испо́лнѣши 17 об., здесь же упомянем: ско́рблю 36, поско́рбить 91 об.). Тотемск. все глаголы, сюда относящиеся, имеют напряженное *о* (см. стр. 141): strôiť, strôju . . . strôjšö; ńe strôit; gotôviť, zgotôvľu . . . пов. izgotôf, izgotôfťe, zgotôvľöno; zabôťitšö (срвн.: ispórťu, pórťiš . . . ispórťiǫ, pórťiť). Грязов.: *сто̑ит, стро̑итсѐ, успоко̑ит*. Ряз.: *гото̑вить, спо̑рить, вздо̑рить, сто̑ить, удво̑ить, забо̑титься, познако̑мить, удосто̑ить, расстро̑ить, постро̑илась, позво̑лить, поло̑зить, коро̑биться, окно̑чить, присво̑ить* (срвн.: *бро́сю, бро́сить, по́ртить, по́ртит, напо́лнить, мо́лвить, ко́рчиться*).

С точки зрения современного русского литературного языка акцентовка глагола *сподо̑биться* не вызывает замечаний; но со стороны общей картины ударения в Сборнике она является исключением, ибо этот глагол во многих других местах имеет насуффиксную акцентовку: спѡдоби́тѝ 170, спѡдоблю́сѧ 216 об., -би́писа 136, -би́тъ 162, -би́тсѧ 136, -би́лсѧ 264, -би́вши[х]сѧ 129, -би́ша̑ 218 об. (срвн. сербск. сподо̀бити се — спо̀добим се, но слов. spodǫ̑biti se, -dǫ̑bim se). Объяснять такую двоякую акцентовку одного и того же слова можно по разному:

[1] Подобная акцентовка свойственна и другим древнерусским памятникам: порабо́та[т] Нов. Зав. XIV в. 122, порабо́тивше ib. 102, порабо́ти[х] ib. 111; порабо́тилась Пал. XVI в. 134; порабо́ти[ѫ] Тр. П. 1589 г. 121 об.

одну можно отнести на счет писца, а другую на счет оригинала памятника, а можно допускать, что и в устах одного и того же книжника этот глагол употреблялся с двоякой акцентовкой, переживая переходную стадию (я, напр., одинаково могу произносить: понуди́ть и пону́дить, и не знаю, что для меня является более нормальным). Отмечу из Сборника еще несколько глаголов, которые в настоящее время принадлежат к первому типу акцентовки, а в нем относятся к второму или третьему: и̑счисли́ши 257 об., числи́тсѧ 258, числи́т҃ 259, числи́мъ 258 об., числа́ть 259 об.; разшири́мъ* 5; похи|ти́ша 126 об. (227); нена|сыти́тисѧ 36 об., насыти́ аор. 15 об., насыти́|тсѧ 138 об., нена|сыта́тсѧ 328 об. (но есть и: ненасы́титсѧ 300); краси́т҃и 109, оу̑краси́въ 257, оу̑краси́|вша 26 об. (но: кра́ситесѧ 167 об.); ноуди́ пов. накл. 32, поно҃уди́лма 315 (но: поноу́димсѧ 138). Подобные акцентовки не чужды древнерусским памятникам, напр.: оу̑подоби́хсѧ Пал. XVI в. 12, оу̑подоби́сѧ ib. 165; расшири́ша ib. 111; расхити́ти Новг. Лет. 371, исхити́ти ib. 637 и русским говорам *краси́ть* Тульск., срвн. еще совр. *разру́шить*, а в памятниках обычно: разр҃ши́ть 3 л. Пал. XVI в. 7 об., разр҃ши́тца Новг. Лет. 415, разр҃ши́тъ Кн. Степ. 354.

В словинском языке в соответствии с русским языком принадлежат глаголы: gotǫ́viti — gotǫ̑vim (а также с приставками iz-, pri-, u-, z-), podǫ́biti — podǫ̑bim (s-, u-), udostǫ́jiti — udostǫ̑jim,[1] кроме того, сюда могли бы быть отнесены: prorǫ́čiti, -ǫ̑čim, pozakǫ́niti, -kǫ̑nim, škǫ́diti — škǫ̑dim, параллелей для которых не дают находящиеся в моем распоряжении материалы из русского языка; кроме того: ǫbčiti — ǫ̑bčim, plǫ́ščiti, -ǫ̑ščim, pǫ́diti — pǫ̑dim, svedǫ́čiti, -ǫ̑čim (и рядом обычные: svẹdočíti, -ím), rogǫ́ziti, -ǫ̑zim, pustǫ́šiti, -ǫ̑šim, brlǫ́žiti, -ǫ̑žim; izprostǫ́riti, -ǫ̑rim (raz-), iznerǫ́diti, -ǫ̑dim, sposǫbiti, -ǫ̑bim, ohǫ́liti, -hǫ̑lim,

[1] Отсутствие соответствия в глаголе слов. pokojíti, -ím, я думаю, объясняется тем, что хотя производящее его слово pǫ́kǫj, -ǫ́ja имеет ударение на корне, тем не менее теоретически оно допускает параллельную форму (см. § 27) с ударением на окончании, от которой, может быть, и был произведен глагол.

podrǫčiti, -ǫčim, obǫžiti, -bǫžim (но: pobožíti, -žím), pootrǫčiti, -ǫčim, oskǫriti, -ǫrim, onegǫditi, -ǫdim, udomǫviti, oduhǫviti, pomȣhǫviti, umirǫviti, posinǫviti, overǫviti, -ǫvim. Я заметил в словаре Плетершника лишь три глагола, принадлежащих этому типу и имеющих не *o*, а *ǫ*: odobrǫ́titi, -ǫ̂tim, pogospǫ́diti, -ǫ̂dim, zavǫ́riti, -ǫ̂rim: все они имеют ǫ под влиянием образующих их слов dobrǫ̂ta, gospǫ̂d, zavǫ̂ra.

II. Если же глагол принадлежит ко второму типу акцентовки, то в русском языке *ô* выступает в формах praesens'a, кроме 1 л. ед. ч. (а в Ряз. и в 1 лице ед. ч.), а также в причастии прош. врем. страд. залога; то же самое паблюдается в словинском языке, с тою лишь разницею, что к другим лицам praesens'a примыкает и 1 л. ед. ч., как в Ряз. говоре.

В русском языке к этому типу относятся следующие глаголы.

Сборн.: привôдатъ 269; возвôди^{т} 5 об., ѷзвôдитъ 16, ѿвôди|мсѧ 181 об.; вôзишисѧ 111; прѡгôнитъ 207 (109), ѿ- 153, ѿгôнимъ 144, -атъ 153; поклôнитсѧ 18 об.; мо́литъ 104, оу҃мо́литсѧ 289, мо́лимсѧ 15, -та 123; мôлишисѧ 10, мôлимсѧ 7; но́ситъ 11 об., при|но́ситъ 137 об., ôбно́ситсѧ 273 об., прино́сатъ 39 об., нôситъ 101, нôсите 167; прôсиши 49 об., ѥ́спрôси^{т} 19 об., неѥ́спрô|ситъ 47 об., прôсимъ 49 об.; тôмитъ 207 об.;[1] хо́дитъ 12 об., восхо́дитъ ѷли заходи^{т} 279, хо́димъ 28, хо́дите 11 об. (242), ѿхо́датъ 26 об., ôбхôдитъ 181, хôди^{и} 7 об., хôдите 126, ѿхôдатъ 4 об., при- 11 об. (но: правильно свинѣ̀ пита́ющисѧ кр҃ѡ́титъ 152 об., срвн. чешск. krtiti — рыть подобно кроту). Псалт.: возво́дитъ 200, възво́|дитьма 213 об., низво́|дитъ 211|211 об.; сло́ми|тъ 61 об.; помо́литсѧ 38 об., оу҃мо́литсѧ 187, помо́латсѧ 60, оу҃мôлитсѧ 225; ѡмо́читсѧ 87 об.; возно́ситъ 101 об., превозно́симъ 220, принôсимъ 1, невознôсатсѧ 85;

[1] Для древнерусских памятников подобная акцентовка является довольно обычной: оутóмитсѧ Нов. Зав. XIV в. 82 (при оутомѝти ib.), тóмитъ Торж. XVI в. 250, тóмишь Новг. Лет. 591; возможна и современная акцентовка томѝти Кн. Степ. 111.

см$\breve{о}$триши 127, ра[з]см$\hat{о}$тритъ 158 об.; восх$\breve{о}$дать 141 об., 152, низъ- 141 об., нис- 152; прех$\breve{о}$|дать 104, х$\hat{о}$дитъ 51 об., х$\hat{о}$дать 15, 114, пре- 196 об. Тотемск. «первоначальное *о*, как и второе *о* полногласного сочетания, во всех собранных примерах является под ударением в виде *ô*» (стр. 141): х$\hat{о}$дiš ... х$\hat{о}$дat, ł$\hat{о}$viš...,[1] n$\hat{о}$šiš..., pr$\hat{о}$šiš..., t$\hat{о}$piš... (t$\hat{о}$pät 96), v$\hat{о}$ziš... (здесь же: sm$\hat{о}$tŕiš ... sm$\hat{о}$tŕät 142), bor$\hat{о}$ńat, roxor$\hat{о}$ńiš..., koł$\hat{о}$ćiš..., moł$\hat{о}$ćiš... (срвн. k$\hat{о}$rḿiš ib., ńe k$\hat{о}$rḿät 81). Из Грязов. сюда относятся: *пр$\hat{о}$сит, х$\hat{о}$дит, л$\hat{о}$вят, поворо$\hat{т}$ишь, бор$\hat{о}$нят*. Костр. Шунг.: *ху$\acute{о}$дит* 78, 79.

В виду того, что в Ряз. 1 л. ед. ч. этих глаголов по аналогии к другим лицам имеет ударение на основе, то напряженное *ô* проникает и в это лицо: *в$\hat{о}$зю, в$\hat{о}$зишь, в$\hat{о}$дю, в$\hat{о}$дишь, бр$\hat{о}$дю, бр$\hat{о}$дишь, х$\hat{о}$дю, х$\hat{о}$дишь, он х$\hat{о}$дя, прогн$\hat{о}$ишь, л$\hat{о}$мит, нал$\hat{о}$мит*,[2] *пр$\hat{о}$сю, пр$\hat{о}$сишь, к$\hat{о}$сишь, н$\hat{о}$сю, н$\hat{о}$сишь, м$\hat{о}$лю, м$\hat{о}$лишь, м$\hat{о}$чу, м$\hat{о}$чишь, стр$\hat{о}$чу, стр$\hat{о}$чишь, т$\hat{о}$чишь, кл$\hat{о}$нится, по-, кал$\hat{о}$тю, вол$\hat{о}$чишь, огор$\hat{о}$дишь* и даже *пл$\hat{о}$тит* (срвн. *к$\acute{о}$рмишь*). Впрочем, в этом говоре есть исключения: с одной стороны *пол$\acute{о}$жишь, сл$\acute{о}$жишь* и *с$\acute{о}$дить*, а с другой *прогл$\hat{о}$тишь, кр$\hat{о}$шится*.

В словинском языке в соответствии с русским принадлежат следующие глаголы: bróditi, vóditi, vóziti, góniti, klóniti, lómiti,[3]

---

[1] Этот глагол представляет наглядное подтверждение перехода из третьего типа акцентовки во второй с приобретением фонетических его особенностей: и сравнение с другими славянскими языками (слов. lovíti, -im, сербск. lòvīti, lòvīm), и указания памятников (Псалт. улов$\acute{а}$ть 131, Сборн. ло|в$\acute{и}$тъ 182, Новг. Лет. лов$\acute{а}$тъ 399, 448) указывают на древнюю принадлежность его к третьему типу, поэтому в правленом л$\acute{о}$в[ѧ]тъ Псалт. 12 об. и 13 следует видеть неудачную поправку, а не исключение.

[2] Как здесь, так и в других случаях надо иметь в виду, что Ф. Тонышин расставлял обозначения звука *о* на словах, написанных мною по литературному, не исправляя их на новосельское произношение целиком.

[3] Что касается глагола l$\acute{о}$žiti — l$\acute{о}$žim, то он отличается от других глаголов тем, что с приставками он имеет акцентовку 3-го типа: položíti, -ím, (na-, raz-, za-, v-), а кроме того в говорах русского языка сохраняет открытое *о* в формах praesens'a (Ряз.), причастия прош. врем. (Ряз. и Вологодск.) и пов. накл.: *пол$\acute{о}$жь, пол$\acute{о}$жьте* (Ряз.); в памятниках древнерусского языка он обычно имеет акцентовку 3-го типа: Сборн.: вл[ѡ]|ж$\acute{и}$ши 155, неположѝши 327 об., по[ѡ]ложѝмъ

móliti, mǫ́čiti, nǫ́siti, prósiti, [skǫ́čiti],[1] tǫ́čiti, hǫ́diti (все они в praesens'e имеют ǫ́: brǫ́dim, vǫ́dim ... hǫ́dim; такая же акцентовка остается если к глаголу присоединяется приставка: poklǫ́niti — poklǫ́nim, obhǫ́diti — obhǫ́dim и т. п.); кроме того, к этому типу принадлежат: 1) strójiti — strǫ́jim и vǫ́liti — vǫ́lim, которые в русском относятся к предыдущему типу (п. I), 2) несколько глаголов, которые в русском литературном языке (ибо в говорах возможны и другие акцентовки) имеют акцентовку 3-го типа: plǫ́diti — plǫ́dim (при plodíti — plodím); pǫ́stiti se — pǫ́stim se, slǫ́niti — slǫ́nim, tǫ́liti — tǫ́lim, tǫ́riti — tǫ́rim и 3) глаголы, не имеющие соответствия в русском литературном языке: kǫ́liti — kǫ́lim, vkǫ́niti — vkǫ́nim, sklǫ́piti — sklǫ́pim. Что касается глагола mǫ́triti, -im (вместо ожидаемого mǫ́trim), то с приставкою он относится к другому типу акцентовки: razmotríti, -ím. Более заслуживают внимания глаголы, которые и в неопределенном наклонении имеют ǫ: kǫ́žiti se, -im se, okǫ́žiti, -im, но: izkǫ́žiti, -kǫ̂žim; zakǫ́toriti, -im; lǫ́ščiti, -im; ǫ́bliti, -im, но: izǫ́bliti, -ǫ̂blim; ǫ́ljiti, -im (po-); skǫ́bljiti, -im (od-); osǫ́biti, -im, но: poosǫ́biti — poosǫ̂bim; osǫ́čiti, -im (при sočíti, -čím): все они, за исключением последнего, для меня неясного, имеют ǫ в infinitiv'e не под влиянием форм praesens'a, а под влиянием слов, образующих их: kǫ́ža, kǫ́tva, lǫ̂šč, ǫ́bɑl, ǫ́lje, skǫ́bɑlj, osǫ̂ba (срвн. подобное же проникновение ǫ в глаголы первого типа акцентовки) совершенно подобно тому, как глаголы имеющие ǫ (из древнего носового гласного) сохраняют его и в неопр. наклонении: sǫ́diti, blǫ́diti, krǫ́žiti, tǫ́žiti (при praesens'e sǫ́dim и т. д.) под влиянием sǫ̂d, blǫ̂d, krǫ̂g, tǫ́ga (срвн.: без ударения zobíti от zǫ̂b, krotíti от krǫ̂t).

§ 43. Причастия прош. врем. страд. зал. от глаголов на *-ити* в виду незначительности собранного нами материала не

138, Псалт.: положи́ши 25 об., приложи́тъ 13 об., 54 об., положѝтъ 30 об., положа́тъ 105 об., возложа̀тъ 68 об.

[1] Русское вскóчишь в говорах, знающих напряженное *о*, имело бы, я думаю, *ô*.

нуждаются в особом рассмотрении. В Ряз.: *спр҃шен, изнд҃шен* — напряженность *ô* подтверждается подобными формами из словинского языка: shǫ̑jeni, ulǫ̑mljeno (Хостник), gǫ́ńen, prǫ́šen, zlǫ̑mljen (Rad, 132, 139); naklǫ̑njenost, предполагающее ǫ и в причастии; сербск. дòношен. Повидимому, ô здесь поддерживалось или даже возникало под влиянием форм настоящего времени. Что касается полбжени Псалт. 64 об., роѣбжѐno Тотемск. 103, *полбжен, залбжен* Ряз., то открытое *о* здесь находится в связи с таковым же *о* в формах настоящего времени (см. § 42).

§ 44. В формах аориста на *-охъ* при ударении на *о* всегда наблюдается *ô*. Сборн.: соблюдôхъ 13 об., снидôхъ 13 об. (170 об.), прїи҆дôхъ 100 об., 235, встрасôхса 112, впадôхъ 128, ѡбрѣтôхъ 183, возмѡгôхъ 195 об.; оу҆мрб̑ста 312; прѡи҆дôхо^{м} 269 об.; и҆дôхо^{м} 172 об., прїи҆дôхомъ 185 об., -о^{м} 238, рекôхомъ 133, 164 об., принесôхомъ 9, ѿвергôхомса 130 об., и҆знемогôхо^{м} 237; прїи҆дôсте 69 об., и҆знемогôстѣ 70; нарекб̑|ша 259 (272 об.), погибб̑ша 278, потра|сб̑шаса 301, оу҆спб̑ша 274 об., прейдб̑ша 278 об.; попекôша̂ 316, ѿбѣгôша 223, ѿвергôшаса 195, падôша 174 об., принесôша 160 об. 174 об., 176, ѡбрѣтô|ша 71, прѡбодôша 115, прейдôша 130, прїи҆дôша 147 об., 193, 232, 235, прѡ|и҆дôша 166 об., пожгôша 147 об., оу҆мрôша 150 об., и҆зомрôша 227 об., и҆сторгôша 196 об. Псалт.: идб̑хъ 48 об., и҆счезб̑хъ 52, воздви|гб̑хъ 168 об., и҆схб̑хъ 138, нево|змѡгб̑хъ 53 об., оу҆глебб̑хъ 89, сътрасб̑хса 156; пожрôхъ 33, возведôхъ 178 об., 179 об., снидôхъ 215 об., и҆зыдôхъ 203 об., ѿверзôхъ 174 об., привле|кôхъ ib., во|знесôхъ 183 об., прибѣгô^{х} 195 об., въздвигôхъ 30, несѣдôхъ 31 об., ѡбрѣтôхъ 161 об., текôхъ 76, -ôхь 167 об.; введб̑ста 56 об., срѣтб̑стаса 117; прѡи҆дб̑хомъ 84 об., ѡбрѣтб̑|хомъ 183 об.; сѣдôхомъ 189, съблю|дôхомъ 216; изрекб̑|стѣ 84 об., вознесб̑стѣса 183, и҆знемогб̑стѣ 156, и҆счезб̑стѣ 174, и҆зведб̑стѣ 175, ѿрыгб̑стѣ 177; оу҆нзб̑ша 49 об., пожрб̑ша 149 об. bis, сътрб̑ша 212 об., со|схб̑шаса 137 об.; нарекб̑ша 64 об., сѣдб̑ша 167, завжегб̑ша 99 об., небрегб̑ша 164, ѿверзб̑ша 26 об., ѿверзб̑|шаса 154,

изче|зо̑ша 171, спасо̑шасѧ 26, оу̯молко̑ша 152 bis, прейдо̑ша 144 об., прїидо̑ша 145 bis, 146, 208 об., о̀быдо̑ша 154 об., 163, снѣдо̑шѧ 149, -а 145 об., поѧдо̑ша ib., ѧдо̑ша 28, потеко̑ша 146 bis, разсѣко̑ша 99 об., навы|ко̑ша 149, о̀хрѡмо̑ша 22 об., необрѣто̑ша 102, 150 об., вознесо̑ша 152, надо̑ша 46, про|забо̑ша 128 об., прѡнико̑ша ib., непремого̑ша 182, возмѡго̑ша 193 об., возмо‖го̑ша 25 об. и 26; пожро̑ша 208 об., оу̯глебо̑шѧ 11 об., о̀брѣ|то̑шасѧ 161 об., ѝзнемого̑ша 151, -ѧ 210, ѿверго̑шасѧ 109, погразо̑ша 204 и 204 об., о̀бы|до̑шамѧ 163 об. bis, взыдо̑|ша 179, прѡи́до̑|ша 205, сѣдо̑ша 179, надо̑ша 25, напрагло̑ша 47, -ѧ 13 об., ѝсчето̑ша 27, ѝзлеко̑ша 47. В Псалт. замечено одно исключение: ѝзнемогѡхъ 121.

Штокавское наречие сербского языка своими восходящими ударениями предыдущего звуку *о* слога ясно показывает на древнее восходящее ударение этого *о:* плѐтох, плѐтосмо, плѐтосте, плѐтоше; трéсох, трéсосмо, трéсосте, трéсоше; протéгох, протéгосмо и т. д.

§ 45. В причастии настоящего времени страдательного залога о̑ при ударении на нем обычно. Сборн.: блюдо̑ма 278 об., ѝско̑|маго 264 об., насо̑мы̀ 247, неоу̯гасо̑ма ѥ̑ 24 об., что̑мъ 267, что̑ма 289 об.; блюдо̑ма 275, небрего̑мыи 33 об., жго̑мы 328 об., жено̑ми 124 об., ѝско̑моє 140 об., насо̑мы᷑ 215, 244, насо̑|мїѝ 243. Псалт.: несѣко̑мыи 160.

Сравнение этих форм с сербскими и словинскими невозможно, за отсутствием таковых.

§ 46. Сербский язык со словинским своими нисходящими ударениями за̏кла̑т, нѐ закла̑то; zmlêt, oplȇt заставляет предполагать открытое *о* в ко̀лот, мо̀лот, по̀лот, однако оба мои источника, в которых встречаются подобные причастия, указывают напряженное *о̑*. Тотемск.: ispȏloto, Ряз.: *мо̑лот, ко̑лот,* гряда *отпо̑лота.* Объяснить происхождение здесь *о̑* довольно затруднительно. Однако укажу, что сербский и словинский языки, в отличие от русского, в глаголах, которые имели на корне восходящее ударение в причастии на *-л*: сербск.: бӣо — бӣла, крӣо —

крӣла, нàдуо се — нàдула се и др.; слов.: bìl — bíla, krìl — kríla, в причастиях на *-т* вместо восходящего имеют нисходящее; сербск.: бӣт, ӣзбӣт, крӣт, сàкрӣт, нàдӯт; словинск.: pobît, skrît; русский же язык и в последних причастиях неподвижностью ударения указывает на восходящее ударение: *убúт, покры́т, задýт* и т. д. Древность, повидимому, на стороне сербского и словинского языков. Отсюда возможно допустить, что в русском языке после того, как развилось полногласие, причастия на *-т* изменили по каким-то причинам нисходящее ударение в восходящее,[1] а так как в *молот, колот, полот* было уже *-óло,* то изменение в последних ограничилось лишь переходом *ó* в *ô*.

§ 47. Кроме того, напряженное *ô* в открытом срединном слоге имеют следующие наречия. Сборн.: докôлѣ 108; дотô|лѣ 271 об.; ѿтôлѣ 146 об., 200 об., 267; Псалт.: докӧ́лѣ 79, 99 об., 110, 111 об., 113 об., 124 об., 126, 129 об. bis; докôлѣ 5 об., 7, 15 несколько раз; ѿтӧ́лѣ 102, 139; Грязов.: *оттôля;* Ряз.: *докôле.*

ГЛАВА VII.

Напряженное *ô* в закрытом срединном слоге.

§ 48. Имена сущ. муж. рода двухсложные, имеющие *ô* в слоге перед исчезнувшим глухим, а также j, Ряз.: *кôзлы, вôйлок; кôзлик, кôнчик.*

§ 49. Имена сущ. женск. рода двухсложные, имеющие *ô* в слоге перед исчезнувшим глухим. Сборн.: пӧ́лъѕа 106 об., -ѣ 100, -ѕ 39; напӧ́лъѕ 274, напôлъѕ 6, 7 об., пôль|ѕ 158, пôльзы 239. Тотемск.: Tôťma 46, но: bói̯na. Ряз.: *пôльза, бôйня, прôсьба.*

§ 50. Звук *ô* в именах сущ. ж. р. с суффиксом *-ка* обычен. Сборн.: кôтка* 152 об.; Тотемск.: nôška, vôtka, ťôtka, vdôfka, kôška, dvôi̯ka, trôi̯ka 38, goťôfka, dorôška 43, nasxôtku 47, po-

[1] В памятниках в причастии на *-н* корень *кла-* переносит ударение на приставку: зáк'лана Хрон. 185, зáкланъ Сборн. 1647 г. 68 об., -ѕ ib. 120 (срвн. зак'лáнъ Новг. Лет. 388 об., -ни 389 об.).

str̂ḑka 38; исключение prǵrka; правильно: bóćka 38; Грязов.: *гôрка, кôрка, кôшка, страхôфка;* Костр. Шунг.: *стуóйка* 7; Ряз.: *гôрка, вôдка, лôмка, кôшка, лôдка, нôска, нôжка, стрôчка, трôйка, пôлка, сôшка, скôрка* (= корка), *голôвка, корôбка, сноровка* (срвн. применительно к существительным именам с суффиксом *-ък-: скôрочка, гôрочка, лôдочка, вôдочка*); *ворôвка, плутôвка, торiôвка; улôвка, нахôдка, похôдка, обнôвка, подпôрка, убôрка, обôрка, повôзка, заслôнка, пострôйка, в догôнку, обстанôвка,* исключениями являются: *кóвка, нóчка, кóсточка, скóбка, прóбка, подкóвка;* правильно имеют открытое *о* (из *ъ*): *дóчка, лóшка, крóшка, пóчка, кóчка, сóтка, тóчка; золóвка, игóлок, цепóчка.*

Сербск. дèвôjка, трr̀ôвка указывают, что при ударении на предпоследнем слоге имена сущ. этой категории имеют восходящее ударение; двухсложные чак. slánka, stránka, bárka, májka (при шток. mâjka, двôjка, трôjка, лôвка) указывают на то же ударение. В слов. языке здесь обычно наблюдается ǫ, но при близкой ассоциации с производящим словом вместо ǫ может быть *о:* при dvǫ̂jka, trǫ̂jka, nǫ̂žka, rǫ̂vka, slǫ̂vka, sǫ̂pka, sǫ̂vka, trǫ̂ška, а также lǫ̂mka, stǫ̂jka, tǫ̂njka, имеется kǫ̂stka, rǫ̂dka, rǫ̂žka под влиянием kǫ̂st, rǫ̂d, rǫ̂g; при prislǫ̂vka, а также sirǫ̂vka, devǫ̂jka, rogǫ̂zka, zahlǫ̂pka, pokrǫ̂vka, имеется nadgǫ̂rka, podnǫ̂žka, primǫ̂rka, sirǫ̂tka, под влиянием na gǫ̂ru, pod nǫ̂gu, pri mǫ̂ri, siṛǫ̂ta; им. сущ. с суффиксом *-ov-,* повидимому, всегда имеют ǫ: borǫ̂vka, sinǫ̂vka, trgǫ̂vka и т. п. В чешск. яз. здесь довольно часто наблюдается *ů:* kůstka, půlka; libůstka, milůstka и другие многие на -ůstka; hospůdka, lahůdka, jahůdka; pomůcka, podkůvka, předhůrka, pohrůzka, snůška, pochůzka; borůvka, rakůvka, rohůvka.

§ 51. Напряженное ô имеется в именах существительных среднего рода с суффиксом *-ьс-:* ворôтце[x] дат. пад. Сборн. 213; *кôльца* мн. ч. Ряз., *кôльцям* Грязов.; слов. kǫ̂lce, -čese; срвн. правильно *о* из *ъ:* ѻкѡ́нце Сборн. 20, вокóнце ib., ѻсóлнъцы ib. 250 об.; сóлнце Псалт. 142 об., сóлнца род. пад. ib. 75 об.;

sóńće Тотемск. 84, *сóлнце* Ряз. Отметим здесь же *o* в okóško Тотемск. 39.

§ 52. В соответствии колебанию в русских говорах напряженного *ô* с открытым в словах муж. рода с суффиксом *-ъk-*, сложенных с приставками: *облôмков* Грязов.; *облôмки, обнôски, отрôсток* Ряз. и рядом *подмóстки* Ряз., наблюдается колебание *ǫ̂* с *ǫ̂* и *ô* в словинском яз.: oblǫ̂mak (iz-, od-), zanǫ̂sak и premǫ̂stak; приведем еще примеры на тот и другой звук: obǫ̂rak, obrǫ̂dak, odskǫ̂čak, ogǫ̂nak, otǫ̂čak, potǫ̂mak, ulǫ̂vak, ukrǫ̂jak, dohǫ̂dak, izkǫ̂pak, izvǫ̂dak, nadgrǫ̂bak, naklǫ̂nak, odpǫ̂rak, namǫ̂tak, obglǫ̂dak, razkǫ̂ljak, razmnǫ̂žak, vzǫ̂rak, zatǫ̂nak; opǫ̂rak, oddǫ̂jak, dogǫ̂dak, izgǫ̂rak, nadrǫ̂bak, nalǫ̂žak, naslǫ̂nak, ognǫ̂jak, okǫ̂lak, pomǫ̂čak; okôvak, oslobôdak, ovôjak, nabôdak (срвн. izlǫ̂čak, где *ǫ̂* из носового звука). Срвн. сербск. дòходак, прѝплодак, òбломак, òбложак, зàгризак, пòдзимак, ỳзглавак. Чешский язык имеет *ů* у тех слов, которые без суффиксов *-ъk-*, *-ьk-* имеют *o*, и наоборот: drůbek (и drobek), klůcek, bůček (и boček), růvek (и rovek), můsek, plůtek, růžek, můstek (и mostek), brůdek, krůvek, tvůrek (narůdek, pohůnek, parůžek, poklůpek, schůdek, potůček),[1] но: volek, stolek, domek, dvorek, nožejček (okolek, přidvorek, přidomek), есть исключения: bůžek, důlek и hrobek; здесь же приводим: javůrek, ostrůvek, topůlek, jablůnek, živůtek.

§ 53. В именах существительных ср. рода с суффиксом *-ъstv-* обычно наблюдается *ô*. Сборн.: довôльство 71 bis, ѝнепокôрьствѣ 102 об., непо|кôрьство[м] 196; нейстôвство[2] 273 (ударение ′ над и перечеркнуто); непомнôжествъ 36 об.; достôйньствѡ[м] 161; Псалт.: непокôрства 222 об.; мнôжъство 37 об., помнôжеству 150, 217 об. (см. еще 147 об., 198, 200, 204 об.), премнôже-

[1] Чаще с *o*: obložek, oblomky, zarodek, pohrobek, odkrojek, přednovek и т. д.

[2] Такая акцентовка изредка возможна в великорусских памятниках: неистóвства Новг. Лет. 478 об. (но: нейстово Хрон. 154; писец летописи и хронографа один и тот же); нейстóвьства Злат. 105 при нейстóви ib. 105 об., нейстóвыѧ ib. 86, ѥистóваѧ ib. 88: нейстóвствѣ Кормч. 1650 г. 26 об. (но: нейстовъ ib. 434, нейстовным ib. 254 об.); срвн. еще истóвою Нов. Зав. XIV в. 127 об.

ства 1 об.; Вологодск.: udovôlstvo, sirôtstvo; Ряз.: *свôйство, знакôмство*.

Срвн. слов.: mnǫ̂štvǫ, svǫ̂jstvǫ, nedovǫ̂ljstvǫ, pokǫ̂rstvǫ (срвн. еще: bǫ̂štvǫ, dvǫ̂rstvǫ, kǫ̂njstvǫ, plǫ̂vstvǫ, slǫ̂vstvǫ, rǫ̂bstvǫ, snǫ̂vstvǫ, vǫ̂jstvǫ, otrǫ̂štvǫ, gospǫ̂dstvǫ, razdvǫ̂jstvǫ, razstrǫ̂jstvǫ, obstǫ̂jstvǫ, potǫ̂mstvǫ, pretvǫ̂rstvǫ, upǫ̂rstvǫ, samǫ̂tstvǫ, bogǫ̂vstvǫ, popǫ̂vstvǫ, oslǫ̂vstvǫ и др.). Что касается: 1) sirǫ̂štvǫ, то здесь ǫ под влиянием sirǫ̂ta (= русск. *сúрота*), срвн. pomǫ̂rstvǫ (под влиянием pomǫ̂rje, которое в свою очередь под влиянием mǫ̂rje), а 2) dostojânstvǫ — заимствование из сербского языка. В bôrstvǫ, gôrstvǫ, lôvstvǫ, как и в rójstvǫ при rojstvǫ следует видеть оттянутое ударение.

§ 54. Имена прилагательные с суффиксом -ьн-, не осложненные приставками и имеющие перед суффиксом один слог или два, явившихся через полногласие, в памятниках обыкновенно имеют *ô* в членных формах. Сборн.: вôлнꙋю 36, вôлно° 76 об.; вгôрнѣи книсѣ 104, гôрнѧа 265; злôбнаѧ 273 об.; пôстныи 162, впôстныѧ 164, ѿпôстны[х] 133; Псалт.: вôлнаа 173. В нечленных же формах может быть открытое *о* в том случае, если и производное слово имеет таковое. Сборн.: йбщ̑ленъ 205 об.; мбщнѡ ѣ 40, 103, 133 об., нембщнѡ ср. р. 147 об., имщ̑шны мн. ч. 143; здесь же упомянем: стрбпотнѡ 225 (221); срвн. *бóль, мóщь* (см. § 11), *стрóпот*. Если же производное слово известно с *ô*, то это *ô* является и в нечленной форме имени прилагательного. Сборн.: свôйственно 274 об., 288 об., не- 317 об.; нестрбинъ 75; Псалт.: вôленъ, срвн. *свôйство, вôля, стрôй*. Исключение представляет скщ̑тнѡ Сборн. 263 об., где мы ожидали бы *ô*. Что касается *ô* в имени существительном, по своему образованию имени прилагат.: вôйпъ Сборн. 10, вôини ib. 111 об., то в пользу *ô* говорит выдержанная акцентовка корня при склонении слова: о вôине — вôины — о вôинах и так в других падежах.

Данные Тотемск. соответствуют показаниям памятников: при bólńö 81, 88, xólodno 43 имеются: rôvnoi̯ 42, pôźńöi̯ 39, kôńei̯

36, 53, gołôdnoi̯, xołôdnoi̯, mołôšnoi̯ 43 (срвн. еще Грязов.: *молôшной, холôдна*); в móžno 128 мы ожидали бы ô; срвн. *мôжешь*. Здесь же отметим Тотемск. połôtńanoi̯ 43.

Обращаясь к данным из Ряз., мы сталкиваемся с проникновением открытого *о* из нечленных форм (а равно и слов производных) в членные, в которых на основании соответствий *хóлодно — холóдный, гóлодно — голóдный*, а также срвн. чак. dûžăn — dúžnĭ, glâdăn — gládnĭ, râvăn — râvnĭ, и полнейшего отсутствия энклизы при предлогах, возможной от нечленных имен прилаг., мы ожидали бы в согласии с памятниками видеть *ô;* не только *тóмно, бóльно, плóтно, грóзно, рóвно,* но и *гнóйный, гóрный, грóзный, знóйный, плóтный, пóтный, прóбный, рóвный, сóрный, сóчный,* хотя *рóдный*. Другие случаи имеют *ô: вôльный* и *вôльно (вôльность), дôйная корова, кôпный, молôчный, пôздний* и *пôздно, пôстный, прôчный, скôтный, стрôйный, хвôный, холôдный, шкôльный,* но: *можно* с открытым *о*, как и в Тотемск.

В словинском языке замечается однородное с русским языком явление: характер звука *о* зависит от производных слов, с одной стороны, имеем: kǫ́žan, kǫvan, lǫ́man, lǫ́žan, mnǫ́žan, mǫ́čan, mǫ́žan, rǫčan, vǫ́ljan, škǫ́dan, hǫ̑jan, glǫ̑tan, mnǫ̑štvan, pǫ̑štan, rǫ̑žan, strǫ̑jan, svǫ̑jstvan (срвн. kǫ́ža, kǫv, lòm — lǫ́ma, lǫ́že, mnǫ̑g — mnǫ́ga, mǫ́ča, mǫ́žeš, ròk — rǫ́ka, vǫ́lja, škǫ́da, hǫ̑ja, glǫ̑ta, mnǫ̑štvǫ, pǫ̑šta, rǫ̑ža, strǫ̑j, svǫ̑jstvǫ), а с другой, dǫ̑man, dvǫ̑jan, lǫ̑jan, ǫ̑čan, plǫ̑tan, skǫ̑zan, sǫ̑lan, stǫ̑jan. trǫ̑jan[1] (срвн. dǫ̑m, dvǫ̑j, lǫ̑j, na ǫ̑ko, plǫ̑t, skǫ̑z, sǫ̑l, stǫ̑, trǫ̑j), повидимому, это ǫ̑ остается и в членной форме: dǫ̑ljnji, gǫ̑rnji (dǫ̑ł, na gǫ̑ro), впрочем, у Хостника skǫ̑zni. Большинство же имен прилагательных с суффиксом -ьn- в слов. яз. в нечленной форме имеют акцентовку, указывающую на древнюю наконечную, напр.: bóčan, bójan, bółan при bolân, bóran, brójan, dójan, dróban, dróžan, dvóran, gnójan, gódan, gółan, góran, góstan, gózdan, gróban, grómaп, grózdan, grózan, hódan, hótan, kópan, kósan, kóstan, krójan, krótan, króvan, lóvan, móstan, móčan и močnǫ̑, nó-

[1] Мне известно два исключения: brǫ́dan, kǫ́łan (kǫ̑łno) при brôd, kolǫ̑.

čan, nósan, nóžan, plódan, plóščan, plóvan, póstan, pǫ́tan, pózdan, ródan, rósan, róvan, rǫ́žan, skóčan и skočə̂n, smólan, snóvan, sóčan, sǫ́pan, stǫ́lan, svójan, tvóran, vódan (от vóda и vóditi), vójan, vózan, zlóban и zlobə̂n, znójan, zóran и др.; срвн. русск. *силён, чудён, красён* и т. п., которые часто отличаются от словинских тем, что в памятниках в других формах, за исключением им. пад. ед. ч. ж. р. и им.-вин. пад. мн. ч. ср. р., имеют накоренную акцентовку. Псалт.: страше́нъ 102, дивёнъ 88 об., но: стра́шнѡ 135, ди́внѡ 102; страше́нъ Торж. XVI в. 241, но: воᲂ̆бразѣ́ стра́шнѣ ib. 235; впрочем: воле́нъ Улож. 69 — вольнѡ̀ ib. 3 об., 34.

В членной форме эти имена прилагательные в словинском языке, изменяя ударение ´ на ^, вместе с ним иногда изменяют и качество *o:* при gôzdni, grôzdni, hôtni, kôstni, lôvni, stôlni мы имеем не только nǫ̑sni, rǫ̑dni, rǫ̑žni, pǫ̑tni (под влиянием nǫ̑s, rǫ̑d, rǫ̑g, pǫ̑t), но: gǫ̑rnọ (горное право), plǫ̑dni. Последнее под влиянием plǫ̑d, а первое, может быть, по той же причине, что и русское *гóрный* (из памятников), т. е. вследствие восходящего ударения, получавшегося специально в членной форме (срвн. русск. *холóдный* при *хóлод*).

Что касается Ряз. *спóрный* (выгодный) с открытым *o* при слов. spǫ́ran, -rna, то производящее их имя прилагат. слов. spȍr — spǫ́ra, может быть, и не соответствует своей акцентовкою русск. *спор* (срвн. слов. rȍk — rǫ́ka, а в шток. pȏk — pȍka); шток. спȍр, -а, -о при нѐспор, -а, о, может быть, более подтверждает открытое *o*, срвн. нȏв, -а, -о и нâново.

В заключение отметим имена прилагательные с суффиксом -ьn-, имеющие *ó* из *ъ*. Сборн.: дóлжни 5, дóлъжни 29, 323 об., дᲂ̆|лъженъ 110, дóлъженъ 263, 323; скᲂ̆ръ|бны[м] 143; здесь же упомянем: бóдреною 140 об., сóлънечны[м] 190 об., 259 об.; Псалт.: лóжь|наа 52 об.; Ряз.: *дóлжный, крóвный, лóжный, скóрбный, сóнный*.

§ 55. Имена прилагательные с суффиксом -ьn-, не осложненные приставками и имеющие перед суффиксом два и более сло-

гов, при ударении на *о* в слоге перед суффиксом имеют таковое напряженным, как в памятниках так и говорах. Сборн.: жи|вотныѧ 15 об., живо̑тнѡю 318 об.; ниработны^{x} 212 об.; хо̑до̑жне 30, по̑|сто̑шныи 124 об. и 125; Псалт.: госпо̑дне 145, 162 об., 181 об., 182 об., -ѧ ж. р. 162 об., р. п. ib., мн. ч. 157 об., -и 218 об., -ю в. п. 199, -ихъ 190, госпо̑день 158, госпо̑дне 159, 162, 180, -ѧ р. п. 148, ж. р. 147, 163 об., ср. р. ib., -ю 189; живо̑тнаа 143, живо̑тнѡ 199, -ꙋ дв. ч. 212; рабо̑тна 171 об.; очень интересно мозо̑чна 84 об., в котором *о* не из *ъ*, а вставочное; ѡво̑|щнѡе 110 при одном исключении вра̑та госпо̑дна 164; Тотемск.: słobôdŏn 39, 127, kołokôlĭna 38 (имя сущ.); Костр. Шунг.: *льнуо́тной, безолыуо́тной* 22; Ряз.: *живо̑тный, колоко́льный,* но: *око́нный, стекло́льный, трехуго́льный, песо́чный.*

Слов. živótan, lagótan, slobódan, gospódnji имеют наконечную акцентовку (срвн. русск. *овощно́й* при «ово̑щенная лавочка»); rabȏtan — под влиянием rabȏta, и только ovȏčan, -ȏčni вполне отвечает старорусскому (и диалектич.) *овощный* (срвн. еще ѡво̑ще̑ное Новг. Лет. 557). Сербским ра̀ботни̑ подтверждается рабо̑тный. Что же касается шток. пу̏стошан, сло̏бодан, жи̏вотан, то они имеют акцентовку нечленных имен прилагательных. Такую акцентовку имели и др. русские памятники в слове *свободен:* (Нов. Зав. XIV в.: сво̑бодни 84 об., но: ѿсвобо̑дныѧ р. п. 123 об. и ѿсвободны́ѧ ib.; Торж. XVI в.: сво̑боденъ ib. 685 об., сво̑бодни же ib. 336 и свобо̑дна р. п. 20 об. по аналогии к членной форме, но: свобо̑дныѧ р. п. ib. 586 об. и свободна́го 586). Отношение *сво̑боден* шток. пу̏стошан к *свобо́дный, пусто́шный* мне напоминает однородное отношение *хо́лоден* к *холо́дныи;* срвн. еще при *ве́чер — вечёрнии* (шток. вѐчѐрни̑, но: чак. vȅčȅrnī̑ и слов. večȇrnje применительно к vȅčȅr — večȇr), при *о́сень — осе́нний,* при *по́мощь — помо́щник,* при *ро́скошь — роско́шныи,* при *до́черь* — съ дочёрнымъ Улож. 28 об., 194 об. (но: ма́тернею ib. 140: ибо за́дочерью ib. 49, 278, за́дочь ib. 323 об., но: нама́терь ib. 16 об., 58 об., 324), при *пре́лесть* — прелёстныхъ

Сборн. 143 об., при *о́блак* — сто́лпъ ѡбла́|ченъ Пал. XVI в. 62 об. (срвн. *о́блачный* приноровление к *о́блак*), при *трепе́т* — трепе́тнаѧ Сборн. 121 об. и т. п.

В нечленной форме подобные имена прилаг. имели, вероятно, открытое *о:* Ряз. *бо́язно* при *богобоя́зненный*.

§ 56. Имена прилагательные с ударенным суффиксом -ôv- перед суффиксом -ьn- обыкновенно имеют в -ôv- напряженное ô. Сборн.: верхо̑вныи 274 об., 295 об., верхôвныи 125 об., 165 об. (244), винô|внѡ ср. р. 154 об. (155 об.), винô|вна р. п. 322, вогрѣхôвныѧ 29, ѿгрѣхôвны^{x} 236 об., садôвныи 37, исключениями являются: верхô|вныи 295, нейстóвнаѧ 72 об. и часто встречающееся, всегда написанное под титлом, *духóвный:* дх҃ѡ́вно 16, 24 об., 76 об., дх҃ѡ́внаѧ 18 об., 127 об., дх҃ѡ́|внагô 48 об., см. еще лл. 4 об., 17, 27 bis, 35, 39 об., 40, 42, 110, 127 об.,[1] один раз написано через *о:* дх҃бныи 40 об.; Псалт.: грѣхô|вными 222/222 об.; Тотемск. vinôvön 39, кроме того: Ṕotrôvna 37; однако в Ряз. здесь обыкновенно наблюдается открытое *о: винóвный, грехóвный, духóвный, сынóвний;* непонятно, чем оно обусловлено; но в именах существительных с такими же суффиксами обыкновенно наблюдается *ô: часôвня, жарôвня, попôвна.*

Слов. язык при ударении на -ov- обычно имеет ǫ: blagǫ́vαn, bledǫ́vαn, borǫ́vαn, domǫ́vαn, duhǫ́vαn, gladǫ́vαn, glasǫ́vαn, gnezdǫ́vαn, gostǫ́vαn, gradǫ́vαn, klasǫ́vαn, kupǫ́vαn, ledǫ́vαn, listǫ́vαn, skalǫ́vαn, vrhǫ́vαn и т. д.; срвн. также шток. грòмôвнй, кỳпôвнй, врхôвнй (рядом возможна наконечная и накоренная акцентовки: светòвнй, годôвнô, миро̀вна[2] и да̀рôвнй, дỳхôвнй; последние, вероятно, под влиянием нечленных имен прилагательных).

---

[1] Появление открытого *о* здесь, по моему мнению, обязано чисто графическим причинам: писец после двух согласных написал *ѡ* (см. об этом приеме в § 1), над которым он не ставит ˆ, а только ´.

[2] Наконечная акцентовка таких имен прилагат. обычна в малорусск. наречии (данные по словарю Желеховского): баришівнé, будівни́й, бунтівни́й, вандрівний, варівни́й, верхівни́й, ґаздівни́й, медівни́й, пантрівни́й, пастівни́й, рожівни́й, станівний, чарівни́й и др. Интересно, что при ударении на суффиксе

§ 57. Имена прилагательные с суффиксом -ьп-, осложненные приставками, обыкновенно имеют *о* и в членных, и в нечленных формах.

Сборн.: ѻсо|бо́рнѡи 131 об.; привѻ́дни е́смы̀ 238; безвѻ́денъ 203; довѻ́ленъ 108, довѻ́лни 169 об.; оу҃гѻ́днѡе 12; по|до́бенъ 239 (19 об.), подо́бнѡ 24 об. (253), подо́|бни 9, подо́бнаѧ 7 об., 119 об., подѻ́бенъ 69 об., -бне 23-2 об., -бнаѧ 7 об., -бнꙋ́ю 130 об., -бны^{м} 27; оу҃до́бнѡ 26 об.; незазо́рна р. п. 198, зазо́|рны^{м} 132, любозазо́|рны^{м} 214; неоу҃клѻ́ннѡ 324 об.; неоу҃клѻ́ненъ 75 об., неоу҃|клѻ́ннѡ 234; поклѻ́ннѡю 18 об.; незако́ннѡ 10, зако́ннаѧ 26 об.; непрелѻ́жными 27, пре|лѻ́жнѡ 210, не҃ѡлѻ́жна ср. р. 150, -ны р. п. 157 об.; возмо́жнѡ 26 об., не- 103, 142; возмѻ́жнѡ ср. р. 15, пово҃мѻ́|жнѡмꙋ́ 316; бесплѻ́днѡ 203; прейспо́дни^{х} 116 об.; наро́чно 314, непо|ро́ченъ 261, непоро́чны 40;

-ов- обычного удлинения не наблюдается, напр.: верхо́вний, вино́вний, гріхо́вний, гурто́вний, ґвалто́вний, ґусто́вний, духо́вний, ефекто́вний, жиро́вний, зимо́вний, інтересо́вний, исто́вний, ладо́вний, листо́вний, людо́вний, рантовний, сано́вно, сино́вний, скарбо́вний, сорте́вний, судо́вний, хісно́вний, цино́вний, безчино́вний, чудо́вний, шано́вний и т. п.; исключения из другого ряда редки: купі̀вний, мандрі́вний, чарі́вно — годовни́й, ситовни́й. То же самое наблюдается в именах существительных на *-овник*: баришівни́к, бобівни́к, вагівни́к, вандрівни́к, вартівник, вербівни́к, горохівни́к, градівни́к, домівни́к, дубівни́к, карбівни́к, ладівни́к, лусківни́к, мандрівни́к, медівни́к, предметівни́к, мудрівни́к, пастівни́к, пунтівни́к, рабівни́к, поратівни́к, рогівни́к, садівни́к, скусівни́к, столівни́к, старівни́к чарівни́к, чатівни́к, числівни́к (в словаре Желеховского я заметил одно исключение: бездомі̀вник); блохо́вник, бронзо́вник, бубо́вник, будо́вник, буко́вник, бунто́вник, верхо́вник, вино́вник, гербо́вник, гурто́вник, годо́вник, дідо́вник, дубо́вник, дубро́вник, духо́вник, кардо́вник, квітовник, клопо́вник, книго́вник, крото́вник, липо́вник, листо́вник, пило́вник, півко́вник, псо́вник, рисо́вник, прослідо́вник, солодо́вник, чато́вник, чино́вник и др. (исключений здесь больше: бобровни́к, боровни́к, гордовни́к, картовни́к, мозговни́к, роговни́к, садовни́к, солодовни́к, столовни́к, толковни́к, торговни́к, тростовни́к, чатовни́к и, может быть, нек. др.). Является вопрос, что это, заимствования из других говоров, не знающих удлинения *о* перед исчезавшим ъ, или дубликаты, обусловленные различным местом ударения, — вопрос, который я здесь не буду решать, а укажу, что подобное колебание наблюдается и в других категориях слов в устах одного и того же человека (см. Етн. Збірн. т. VIII, стр. 21: во́йна-во́йну, до во́йни bis и до війни́ quater, т. XIII, стр. 74: ў ті во́йны і по скінчењу війни́). Не находится ли в связи с этим явлением вышеотмеченное отсутствие напряженности *о* в Ряз.?

ѡ̑сб̑нѡ 255 об., ѡ̑ѡ̑сб̑ны[х] 197 об., ѡ̑сб̑|нѡе 121; ѡ̑сб̑нѡ 168 об., -нѣ 327, -ны[х] 212 об., ѡ̑ѡ̑сб̑ны[х] 132; недостб̑|инъ 33 об., недостб̑инѡ 24, -на 23-2 об., -ныи 17, 17 об., 128 об., -нагб̑ 136, -ны[м] 276 об., достб̑инѡ 14 об., -на 25 об., -нѣ 276 об., -ныа 249 об.; (не)достб̑йнъ 13 об., 38 об., 104 об., 166 об., 167, 175 об., 228 об., достб̑ини 200, недостб̑ина 9 об., 232 об., -и|ныи 128 об., недостб̑|йне 11 об.; замечено четыре исключения: безгб̑|дныи трѫдъ 125, оу̯дббе|нъ 41 об., срб̑|днѡмѫ 295 об., скрб̑внѡ 168 об., похб̑тныа 253 (срвн. правильно: нелб̑жнаго 27, -ѡмѫ 263, ѿнелб̑жны[х] 219 об.; безмѡ́лъ|вно 7, -ъ|внѡ 196 (18 об., 242 об.); прискѡ́рбенъ 7, 114, -ръбныи 162; бе[з]сѡ́|нны 185. Псалт.: вбезвб̑дныхъ 146, -нѣ 148 (150 об.), безвб̑днаа 195, -ноую 152 об., вбезвб̑днѣ 208; подб̑бенъ 118 об., -бни 160 об., 187, преподобнїи 184, 201 об., 219 об., -ны[х] 223, -ымъ 201 об., непреподб̑|бна 56 об.; преподббенъ 198 об., 199, -бнїи 198 об., -бнымъ 202 и в др. местах; покб̑инѣ 28 об.; впрейспб̑днихъ 191 об., вп|рейспб̑днаа 81; бе[з]|зарб̑чна 222 об., непорб̑чнѡ 171, непорб̑ченъ 21, -чнаа 207 об., -чнїи 165 об.; потб̑пныа 69; понепрѡхб̑днѣ 153; одно исключение: подббенъ 204 об. (срвн. прискѡ́рбна 55 об.). Тотемск.: dovôĺno, spokôjno 39, narôšno, vostôšnoj Их. 148 (при vostóšnoj), исключиние posóben 39, где в *o*, впрочем, О. Брок не уверен. Костр. Шунг.: *довуóльно* 67. Ряз.: *побóчный, обвóдный, подвóдный* (от *подвóда*), *привóзный, нагóрный, удóбный, поднóжный, перенóсный, спóрный* (оспариваемый), *подпóльный, ссóрный, осторóжно, простóрный, перехóдный;* однако нередко: *безбóжный, безвóдный, подвóдный* (от *вода*), *бездóмный, подрóбный, роскóшный, раскóчный* (= разгульный), *бесплóдный* при правильных: *бескрóвный, безмóлвный, прискóрбный.*

Сербский язык обыкновенно в этих именах прилагательных указывает на древнее восходящее ударение на звуке *o;* шток.: бѐзбожан, бѐзводан, пòдводан, у̀годан, пòдобан, за́зоран, пòкòјнӣ (пòносан), нàрочно, дòстòјан, прèисподњӣ; чак.: pokójni, podôben

как и в русском языке *(на́божный)*, возможна и наприставочная акцентовка дȍвôльан.

В словинском языке в соответствии с вышеприведенными русскими словами обыкновенно наблюдается o̯, которое бывает или и в членной, и в нечленной формах: pobó̯čan (pri-), (nabó̯-žan, po-), privó̯dan (от *водить*), brezvó̯dan (от *вода*), dovó̯ljan, privó̯zan (do-, iz-), ugó̯dan, podó̯ban, udó̯ban, pokó̯jan, raskȍ̯šan, preló̯žan, odló̯žan, vzmó̯žan (po-), brezpló̯dan, poró̯čan (poró̯dan), posó̯ban, dostȍ̯jan (iztó̯čan), potó̯pan, (obhó̯dan, od-, na-, do-, s-) или только в членной форме: zbórən — zbȏrni (но: izbó̯ran — izbȏrni), prenósan — prenȏsni (od-, do-), spóran — spȏrni, prehódan — prehȏdni[1] (nazóran — nazȏrni, nad-, po-, ob-, при zazóran членной формы не отмечено. Прилаг. osȏban и obvȏdan имеют ˆ под влиянием слов, производящих osȏba и obvȏd, а последнее само под влиянием obȏd, где ȏ обусловлено исчезнувшим v. Русским с открытым *о* в слов., повидимому, соответствуют podvódan — podvȏdni (срвн. еще podnóžan — podnȏžni, predmóstan — predmȏstni), spȏdnji, а также nagó̯ran, sogó̯ran (прилагательные же potrȏjan, okȏlan, pomȏčán, pomȏstan[2] и т. п. должны бы были соответствовать в русском языке словам в роде *на́божен*).

§ 58. Имена существительные мужеск. р. на *-ик* и женск. р. на *-ица*, образованные от имен прилагат. с суффиксом *-ьн-* при

---

[1] Такое чередование нередко, срвн. еще: nadgróban — nadgrȏbni, navóran — navȏrni, nadvóran — nadvȏrni (pri-), pozóvan — pozȏvni, predpóstan — predpȏstni, prestółan — prestȏłni, zapóran — zapȏrni (od-), zavójan — zavȏjni (o-), obstójan, -ȏjni, odbójan — odbȏjni, okópan — okȏpni, opójan — opȏjni, opróstan — oprȏstni, oslobódan — oslobȏdni, podstójan — podstȏjni, ustrójan — ustrȏjni. Как будто бы причиной появления восходящего ударения на *о* и развития напряженности в нем было осложнение имени прилагат. членом; срвн. также: многие имена прилагат. этого типа, без приставок имеющие наконечную акцентовку, приобретают накоренную при осложнении с приставкою: pribó̯čan (po-) -bóčan, raznó̯žan, -nóžan, obhó̯dan (ad-, na-, do-, iz-), -hódan, dovó̯zan (iz-), -vózan, izkó̯-pan, -kópan, izró̯dan, -ródan и др.; русск.: безро́дный — родно́й, подно́жный — ножно́й. Вспомним также приобретение восходящего ударения именами сущ. муж. рода при осложнении приставками: *во́рот — оборо́т, го́род — огоро́д*.

[2] Срвн.: pogȏvoran, pregȏvoran — nerazgovȏran, prezgovȏran.

ударении на *о* в слоге перед суффиксом, обыкновенно имеют это *о* напряженное.

Сборн.: разбо̀иникъ 106, 122, кразбо̀иникъ 312 об., ра̀-бо̀|йникъ 240 об.; оу̀го̀дникъ 104 об., -а ib.; подобнѝ 172 об.; по|мо̀щникъ 28 об., помо̀щника 124; по̀|стницы 15 об., по̀стникъ р. п. 26, 246 об., впо̀стницѣхъ 295 об., спо̀стника 234 об. (по̀стническиѧ 235, по̀стническаѧ 219, ѿпо̀стничествѣ 22 (кин. sic!), по̀стничества 31; ѝсто̀чникъ 203, -цы 307, ѝсто̀|чницы 113; но правильно: безмо́лъвникоу̀ 69 об., то̀ръ|жникѣ 217, что касается сѣпо̀рникъ 12 об., то здесь *о* правлено; Псалт.: оу̀го̀дника 222 об.; бе҃зако̀нницы 48, 143 об.; помощникъ 41, 160 об. bis, 161, 163 bis, 173, 199 об.; помо̀щьникъ 204; ѝсто̀чникъ 222 об., -ки 141 об., -цы 219, войсто̀|чники 160; Тотемск.: oftôrńik 36, 147, pokôjńićok 36, исключения: dvoŕńik, płóťńiki 84; Грязов.: *сро̀дственник;* Ряз.: *повѣ̀йник, го̀рница, дво̀рнпк, покло̀нник, поко̀йник, зако̀нник, помо̀щник, коро̀вник (-ица), но̀жницы, по̀стник (-ица); клопо̀вник, письмо̀вник, полко̀вник (-ица), садо̀вник,* исключения: *пло́тник, мо̀дница, чино̀вник (-ица), вино̀вник (-ица), полуно́чник (-ица).*

Сербский язык указывает в данных случаях древнее восходящее ударение: шток. по̀во̀јница, у̀годнѝк, по̀ко̀јнѝк, у̀то̀рнѝк; и̏сточнѝк — под влиянием и̏сточнѝ, и̏сто̀к, срвн. за̀точнѝк; гро̀мовнѝк, ста̀но̀внѝк. Что касается помо̀ћнѝк, то здесь другая акцентовка: колебание акцентовки (ударение то на конце, то перед суффиксом) в этих словах обычно не только в разных языках (русск. *духовни́к* — сербск. дȕховник, русск. *садо̀вник* — слов. sadovníḱ), но в пределах одного и того же языка (*ле́дник,* а у Крылова: *ледни́к*), даже в пределах одного литературного про-изведения; напр., в Ратн.: полко̀вник 10 об., оу̀полко̀вника 25 об., полко̀вникъ ib. и рядом полковникъ 25, полковникѣ; в Лек. Памвы Берынды: чаро̀внѝ 21 и чаровни|ка̀ 25; бȕнто̀в- никъ 84 и бȕнтовни́къ 136.[1]

[1] Срвн. обычное колебание акцентовки у производных имен прилагат.: *перево̀дный — переводно́й; оборо́тной — оборотно́й; заповѐдный — заповедно́й; нагру́дный — нагрудно́й; окру́жный — окружно́й* и т. д.

В словинском языке обыкновенно наблюдается *o̯:* razbo̯jnik, -ica;[1] ugo̯dnik, po̯stnık (название месяца марта) при postník (один из случаев вышеуказанного колебания в акцентовке), izto̯čnik, dvo̯rnik, povo̯jnik (go̯rnik); poko̯jnik, -ica, polko̯vnik, no̯žnica; o pomočník срвн. сказанное выше. Что касается go̯rnjica, то здесь o̯- под влиянием go̯rnji, которое в свою очередь под влиянием na go̯ro; такое влияние в слов. языке довольно часто: oko̯lnik, -ica; (oko̯li), obno̯čnica (no̯č), срвн. Ряз. *полуно́чник, -ица,* poko̯stnica (ko̯st) и т. п. Замечательно совпадение открытого *о* в трех источниках в слове плотник (Тотемск., Ряз. и слов. plo̯tnik), несмотря на то, что в памятниках *плот* имеет *о̑* (см. § 64).

§ 59. Имена прилагательные с суффиксом -ьsk-: скѡ̑тъ|скѡ бо ê се Сборн. 262 об., скѡ̑тьски нар. ib. 71 об., кѡ́нстѣ̀ Псалт. 200 об., zavo̯tskoi̯ Тотемск. имеют *о̑* применительно к *скѡ̑т, кѡ́нь, завѡ̑д* (срвн. слов. ko̯njski, zavo̯dski); в гѡ̑|рскїа Псалт. 215 об. возможно *о̑* такого же происхождения, как в *го̑рний* (см. § 54); слов. górski имеет оттянутое ударение так же, как в póljski, mórski, sóĺski. Что касается бо́жьски Сборн. 110, то здесь *о*, может быть, обязано нечленной форме (но возможно влияние производящего слова, распространяющееся и на членную форму, срвн. слов. gro̯mski), срвн. *по́-городски* Арх. Шенк. Изв., а также срвн. несколько ниже. Правильно открытое *о* из *ъ:* нето́ржъски нар. Сборн. 110, манастырѧ̀ сѣ́цькѧ̂ ib. 236 об.

Что касается имени сущ., прежде имени прилагательного, *во́йско,* то Ряз. *во́йско* имеет открытое *о* применительно к нечленной форме, а в Тотемск. vo̯i̯śkŏ 39 *о̑* обусловлено членною формою.

В именах прилагательных с суффиксами -ovьsk-, имеющих ударение на суффиксальном *о,* это *о* обыкновенно напряженно.

---

[1] Образующее имя прилагат. имеет наконечную акцентовку razbójan; перенесение ударения на слог перед суффиксом при образовании имен прилагат. с суффиксами -ik и -ica нередко: poškočan — poskočnica; prizoran — prizornica; nesvobódan — nesvobo̯dnik (но svobȏdnik под влиянием svobódo); nadbrójan — nadbró̯jnik; negódan — nego̯dnik; срвн. подобное явление при образовании членной формы.

Сборн.: бѣсо́вски р. п. 322 об., нежи|до́вьски 45, ѿклобу́ко́въ|-скѡго 235; Псалт.: попо́вскѡю 223; Ряз.: *бесо́вский;* Грязов.: *Смирно́ские, Штито́ськёй.*[1] Срвн. слов. Čeho̜vski, Kozlo̜vski, Orlo̜vski, popo̜vski, stano̜vski, volo̜vski, vrho̜vski и т. п., а также сербск. по̀повскй, во̀ловскй и т. п. Есть основание догадываться, что нечленная форма этих прилагательных, при корне с нисходящим ударением, имела ударение на корне: во́ровски Улож. 3, но: воровски́мъ ib. 73 об., воровскїе ib. 74 об. Остатки акцентовки этого типа следует видеть в слов. bêsovski, knẽzovski, а также с перенесенным ударением: sino̜vski, trgo̜vski, в которых o̜ по аналогии к другим прилагательным этого типа.

§ 60. В глаголе *помнить* в разных формах его приставка *по* имеет напряженное *о́,* в этом согласны и памятники, и говоры (Сборн.: по́мнити 228-2, непо́мнители 306; Тотемск.: pômlĭť, pômlu, -lĭš, zapômlĭi̯; Грязов.: *по́мнят;* Ряз.: *по́мнить*). Славянские языки в данном случае не подтверждают *о́* (впрочем, срвн. в слов. яз. есть глагол dǫ́mneti или dǫ́mniti). Однако есть косвенное указание на то, что в русском языке приставка *по* в глаголе *помнить* произносилась с восходящим ударением, а потому *о* в ней напряженное.

Существует закон, по которому звук *ъ,* находящийся в одном из смежных слогов, каждый из которых при ударении на нем получает таковое в виде восходящего, переходит в *и,* если ударение падает на соседний слог.

Суффикс им. сущ. ж. р. -ica при ударении на нем указывает старое восходящее ударение: чакавск. divȉca, kra̯ȉca, mladȉca и т. п. Изв. XIV_2, 224—225. Слова *дъ́ва, сънь* предполагают в корне также восходящее ударение (сербск. сȅн); образованные от них имена сущ. с суффиксом -ica и прилагательные от последних при ударении на суффиксе в памятниках, не знающих переход *ъ* в *и* или знающих этот переход в очень ограниченном размере, имеют в корне *и:* надиви́чье горѣ Царств. Лет. XVI в.

[1] Здесь же можно упомянуть: наросто̀в'скѡе Сборн. 223 об.

F. IV, 232, 469 об. (срвн. в Московской Жалованной несудимой грамоте царя И. Вас. Покрова Пречистые Богородицы Суздальскому девичьему монастырю 1563 г. сент. (Собр. Гос. П. Библ.): дивича; синúца Алф. 300 об. (срвн. сѣницѫ ib. 444 об., дóльнюю сѣницѫ Сборн. 1647 г. 77 об.); может быть, сюда следует отнести гусиница Радз. лет. 98, 98 об. (срвн. гѫсѣница Псалт. 1568 г. 156).

Суффикс сравнительной степени -ějš- имел восходящую долготу: чакавск. bledȉjī, cenȉjī, gladnȉjī и т. п. Изв. XIV$_2$, 234: пéрвїе Тр. П. 1589 г. 60, Охт. 1594 г. 248 и т. д. (часто), стáрший или старїйшїй (Моск. Грам. XV в.) следует читать с ударением на *á* (срвн. у Грибоедова: Нет-с *стáрее* меня по корпусу найдутся; чакавск. stârijī op. cit.); сверхпíе Алф. 211 об., Мин. 1611 г. 26 об. (191 об.); дáльнiша Погод. № 84, 157, держáвнiйшй ib. 209 об. и много других; засим в глаголах, находящихся в связи с сравнительной степенью: свѣрхпивши Алф. 219 об., по|здравíетъ (без значка ударения) Служ. 1602 г. 273 и других глаголах этого же типа: ѡбезѹми|вшисѧ Тр. П. 1589 г. 58; ѡбесúлиша Погод. № 84, 299 об.

Суффикс *-ѣти, -ати* глаголов типа *летéть, кричáть* имел восходящую долготу: чакавск. držȁt, gorȉt, progorȅli и т. д. Изв. XIV$_2$, 249; поэтому в Московских грамотах XV в. часто: обидити, ѡбúдилъ Ап. 1564 г. 46 об.; вúдити Торж. XVI в. 423 об.; вѣдителю Тр. П. 1589 г. 357 об., 395 об.; вúсити Торж. XVI в. 673 об., вúсилица Косм. 401, -ѹ ib.; обратно, если ударение падало на суффикс, *ѣ* в корне переходило в *и;* свидéтель[1] (обычно в Моск. грам. и старопеч. книгах), восвидѣнїѧ Тр. Цв. 1591 г. 159; сюда относятся: сидéти (обычно в Моск. грам. XV—XVI в. в разных формах); в более древнее время последний глагол мог иметь, подобно глаголу *висеть* (срвн. теперешнее *висéть*, а в пам. обычно вúсеть и т. д.), ударение на корне; этим я объясняю

[1] В памятниках более древних это слово часто изменяет не первое *ѣ* в *и*, а второе *свѣдитель* (напр., в Путеимском еванг. XIV в.), очевидно, под влиянием ударения на слоге *-ѣ-*.

описку в Лаврентьевском списке летописи *седити* 293; означенная описка повторяется в Торж. XVI в., но с ударением на слоге *сѣ-:* нисѣ́дити ѣи мощѝ ни па́|ки на о̀дрѣ̀ своѣ̀ возлещѝ 770 об.

Возвращаясь к глаголу *помнить,* отметим, что в древнейших русских памятниках этот глагол пишется через *ѣ* (см., напр., под этим словом: Материалы для словаря древнерусского языка И. И. Срезневского),[1] срвн. слов. pômnẹti, чешск. pomněti (возможно, что однородным законом *ѣ* превращалось в *і* и в других славянских языках, но мы не будем отвлекаться в сторону). Я и думаю, что *ѣ* в этом глаголе перешел в *и* в силу указанного закона, т. е. благодаря тому, что сам будучи под восходящей долготой имел перед собой слог с восходящим ударением.

Возможно, что таким же образом следует объяснить *о* в про̀зритъ Псалт. 47; срвн. оўзрити Охт. 1594 г. 213, призрилъ Грам. Моск. 1613 г. (С. Г. Гр. I, 608, 613), при́зри|лъ Торж. XVI в. 235 об., ўзривше Алф. XVII в. 356 об., но в Сборн. мы имеем открытое *о:* прώзрѣ аор. 233, прбзриши 11. Неустойчивость характера *о* в этом глаголе объясняется тем, что ударение в нем не укрепилось, как в *помнить,* на первом слоге и, колеблясь в древних памятниках (Торж. XVI в.: про́|зра 584 и про|зра́же 609, про́зритъ 722 об., но прозрѣ́лъ 563 об.), перешло в литературном языке, как и во многих говорах, на суффиксальный слог (*прозре́ть, призре́ть* и т. д.); однако следует обратить внимание, что в глаголе заподо́зрить мы склонны писать *и.*

Случаи во́зратъ Сборн. 124, во́ззрить Псалт. 159 имеют открытое *о* из *ъ.*

§ 61. В сложных словах при второй части с ударенным *о* это *о* обыкновенно является напряженным. Сборн.: бг҃осло́ва 30 об., бг҃ωсло́вѹ 253, бг҃ωсло́ва 64 об. (в киновари с ω вместо *о*); бг҃ωсло̀въ 150 об., 157 об., 166, воѣво̀дѣ 10,

[1] В Ев. 1616 г. (Евю): непо́мнѣти 30 об., по́мнѣли 143, злопо́мнѣти 31 об. (и злопомнѣ́ти ib.).

сердѡбблѧ им. ед. ч. 76 об.; бл҃горо҆дьствомъ 206; прекосло҆вїе 295 (28), наславосло҆вїс 139 об., здесь же упомянем: пре^{дн}сло҆вїе 5; самово҆лі҃ѐ^{м} 327; прекосло҆вїе 16, -їемъ 22 об.; бладосло҆вїе 207, въславосло҆вїе 31, славосло҆вїю 32 об., -ій 34, гране́сло҆вїе 31, гранесло҆вїихъ 32, ѿмно҆госло҆вїа 42, напразнѡсло҆вїе 146, въскве́рносло҆вїй 186 об., гнилосло҆вїй 187; двѡесло҆вца 72 об., бг҃ѡсло҆вецъ 107, чюдотво҆рцꙋ 233, -рцѡвъ 218 об., молвѡт҃ворца 154 об., знаменно҆сцемъ 15 (над *мено* надписано *но,* но другими чернилами); счетвероно҆гими 293 об.; четвероно҆га 203 об.; бго҃но҆сныхъ 269, первѡро҆днꙋ 25, недобрѡро҆дныи 33 об., ѿмиротво҆рнаго 272 об., бл҃гооу҆го҆дны 13; дх҃оно҆снїй 130, живоно҆снаѧ 5, знаменоно҆сныхъ 6 об., ѐдинаро҆дныи 5 об., 72 об., бл҃горо҆денъ 206, бл҃горо҆|днѡмꙋ 226, бл҃гото҆чныѧ 15 об., бл҃госло҆вна 181 об., непрекосло҆внѡ 31 об., бл҃гопоко҆рнꙋ 22 об., хр҃топодо҆бнѡе 27; чл҃кооу҆го҆дникѡ^{м} 23–2 об.; плѡдоно҆сиши 17 об., празнѡсло҆вити 32 об., 151 об., -ва 153 об., прекосло҆вй^{м} 75, правосло҆вй^{м} ib., немно҆госло҆вимъ 186, злѡсло҆виши 240 об., смиреносло҆вити 89 (но правильно: краеоу҆гóлнѡ^{м} 16, мно҆гокó҆знень 75); замечено одно исключение: бл҃го|сло́вны 157 об.; Псалт.: ѥди́норо́дъ им. ед. ч. 31, и҃норо́гъ 109 об., -а 128 об.; сы́нъ ѐди|норо́жъ 35, ѐдинорóжъ р. п. 27 об.; плѡдонóсна 201, плѡдонóсноую 152 об., бго҃но҆сныхъ 223, ѐдинаро҆дноую 27 об., 44, мно҆гопло҆ды 197 об.; Тотемск.: śönokôs, na śönokôśe, samałôf, paraxôt, paroxôda 36, słovooxôtńik 38 (Их.), słovooxôćeį ib., toųstogołovaįa rýba 43; искл.: połnomóšnyį 148; Грязов.: *сенокóс* и даже *рукомóйник;* Ряз.: *парохóд, водовóз, Иван Богослóв, рыболóв, водоворóт* (но правильно: *молокосóс*); *богорóдица, миронóсица; голонóгий, кривобóкий, черноборóдый, седоволóсый* (но правильно: *косорóтый, белолóбый*); *малосóльный, судохóдная река* (но: *мелковóдный, худосóчный,* по ассоциации с *вóдный, сóчный* и правильно: *рукомóйник*).

Сербский язык вполне подтверждает восходящее ударение в сложениях такого рода: самòток, водòпој, житòрод, празнòслов; књигòноша, главòбоља, колòвођа, коњòмора; богòмоље;

рудòслȏвье; мишòлȏвка; богòродица; крвòточина; прнòгорац, божòгробац; главòбољан, четверòножан; првòстȏлнйк, кривòрȏтнйк; вргòмоскй; двòрогаст: празнòсловити, костòломити.

Словинский язык свидетельствует о напряженности *o* во всех вышеприведенных, а также и некоторых других категориях:

1) Им. сущ. м. р. (без особых суффиксов): listobòd, -bǫ́da; zobobòł, -bǫ́ła; parobròd, -brǫ́da; sẹnokòs, -kǫ́sa; samokòł, -kǫ́la; glinokòp, -kǫ́pa; ladjelòm, -lǫ́ma; ljudolòv, -lǫ́va; samomòr, -mǫ́ra; vodonòs, -nǫ́sa; samoròg, -rǫ́ga; bogoslòv, -slǫ́va; časoslòv, -slǫ́va; samosòv, -sǫ́va; parostròj, strǫ́ja Хостник (у Плетершника с *ó*); pesmotvòr, tvǫ́ra; krvotòk, -tǫ́ka; vodotòč, -tǫ́ča; drvotòn, -tǫ́na (drvotan имеет *a* из *ъ*, срвн. ц.-слав. тати — тьнж); vodovòd, -vǫ́da; им. прилаг.: blagovòlj, -vǫ́lja; dvodòm, -dǫ́ma; suhokòst, -kǫ́sta; črnokòž, -kǫ́za; krivonòg, -nǫ́ga; krivonòs, -nǫ́sa; samoòk, -ǫ́ka (в членной форме с нисходящим ударением: samoǫ̑ki Хост.); ravnoplòsk, -plǫ́ska; šesterostòp, -stǫ́pa и т. п.; рядом с этими формами обычны, но встречаются реже, формы с открытым *o*, предполагающие наконечную акцентовку: dvobòj, -bója, rakolòv, lóva (ribo-, samo-), zlatokòp, -kópa, kozodòj, -dója, kolodvòr, -dvóra, svẹtozòr, -zóra и т. п.; предположить древнее нисходящее ударение можно лишь в одном случае: listognǫ̑j[1] (да еще в слове ж. рода: slonokǫ̑st), срвн. еще в сращении: polubǫ̑g.

2) Им. сущ. ж. р. (грам.), без особых суффиксов: zabobǫ́lja, sadjegǫ́ja, snohǫ́ja, krvomǫ́ča, pismonǫ́ša, osamosvǫ́ja, delovǫ́dja, (četo-) и т. п., повидимому, в этих словах возможно и нисходящее ударение (črevobǫ̑lja, см. еще у Хостника 4-е и 6-е из приведенных), оно, конечно, нового происхождения; krvomǫ́ka, srakonǫ́ga, črmnoǫ́ka; исключениями являются samorǫ̑ga, vójvoda vǫ́jvoda (срвн. сербск. вȍјвода) или vẹvǫ̑da.

---

[1] В сербском языке этому типу акцентовки соответствует: сȕнцокрȇт, лȉстопа̏д, цȉнокрȕг, срвн. у других категорий слов: хȉтропрења, дȉвокоза, ȕхолажа; цр̏вопȉсак; зȉмомбран, мȁлокрван; вȍдоплȁван; лȉстопа̏дскй, (обычно и для русского: кóновязь, жúвопись); из далее приводимых словинских сложений и сращений отношу сюда: slonokǫ̑st, samorǫ̑ga, vẹvǫ̑da, drugǫ̑rje, sẹnodǫ́lka, prǫ̑tidǫ̑mac, pustopǫ̑ljina, obadvǫ̑jan, skozinǫ̑san, dobrodǫ̑jnica (почему не с ǫ?), tretjegǫ̑rski.

3) Им. сущ. ср. р. с суффиксом -ıje: glavobǫ̑lje, četrtogǫ̑rje, samohǫ̑tje, rudokǫ̑pje, koristolǫ̑vje, enakonǫ̑čje, blagorǫ̑dje, bogoslǫ̑vje, besẹdotvǫ̑rje, šesterostǫ̑pje и т. п.; очень редко сохраняется ǫ, свидетельствующее о древнем нисходящем ударении: drugogǫ̑rje, tretjegǫ̑rje, что касается blagovǫ̑nje, то оно заимствовано из сербск. яз. так же, как sredotǫ̑čje (с *o* из ъ) из русского.

4) Им. сущ. м. р. с суффиксом -ъk-: dołgonǫ̑sak, zimorǫ̑dak; в сращении: polutvǫ̑rak.

5) Им. сущ. ж. р. с суффиксом -ъk-: vratolǫ̑mka, mišelǫ̑vka, detomǫ̑rka, širokonǫ̑ska, rdečenǫ̑žka, hrbtoplǫ̑vka, domorǫ̑dka, rdečerǫ̑žka, zlatotǫ̑pka, dobrovǫ̑ljka; исключения редки: sẹnodǫ̑łka.

6) Им. сущ. м. р. с суффиксом -ьc-: bogobǫ̑rac, vzporednodǫ̑mac, jezikodrǫ̑bac, pẹšehǫ̑dac, zlatokǫ̑pac, suhokǫ̑stac, novcekǫ̑vac, debelokǫ̑žac, kamenolǫ̑mac, zvẹzdomǫ̑lac, očetomǫ̑rac, listonǫ̑sac, dvonǫ̑žac, ladjeplǫ̑vac, inorǫ̑dac, samorǫ̑gac, votlorǫ̑žac, modroslǫ̑vac, ognjestrǫ̑jac, krvotǫ̑čac, računovǫ̑dac, radovǫ̑ljac и т. п. реже встречаются с открытым *o*, свидетельствующим о наконечной акцентовке: kolodvórac, samosvójac (срвн. сербск. првозо́рац, чудотво́рац); нисходящее ударение встретилось только в сращениях: prǫ̑tidǫ̑mac, но: prǫtinǫ̑žac, trirǫ̑gljac.

7) Им. сущ. ж. р. с суффиксом -ic-: glavobôljica, samokǫ́lica, motorǫ́žica (но: bogorodíca против русск. *богоро́дица*).

8) Им. сущ. ж. р. с суффиксами -in-, -ьn-: samotǫ́čina (vodo-), domorǫ̑dkinja, но: pustopǫ̑ljina.

9) Им. прилаг. с суффиксом -ьn- и производные от них имена сущ. ж. р. с суффиксом -ost-: umobǫ́lan (-łnost), dẹlobǫ́jan, mnogobǫ́žan, rogobǫ́ran, parobrǫ́dan, malobrǫ́jan, novodǫ́ban (eno-, staro-), istodǫ́ban (-bnost), dvodǫ́man, bẹlognǫ́jan, glubokohǫ́dan, blagohǫ́tan (-tnost), tvrdokǫ́ran, debelokǫ́stan, enokǫ́san, želẹzokǫ́van, bẹlokǫ́žan, starokrǫ́jan, krvolǫ́čan, ledolǫ́man, plenolǫ́van, polnomǫ́čan, malomǫ́čan (от могт-), težkomǫ́čan (от мок-), samomǫ́ran, ladjenǫ́san, dvonǫ́čan, dvonǫ́žan (osmo-,

kratko-), svętloǫ́kan, beloǫ́čan, četveroǫ́stan, enoǫ́san, blagoplǫ́dan, lomopǫ́ran, bogoprǫ́san, malorǫ́dan (-dnost), krivorǫ́tan, peterorǫ́žan, četveroslǫ́včan, nravoslǫ́van, težkosǫ́pan, enostrǫ́pan, zlatotǫ́pan, blagotvǫ́ran, sladkovǫ́dan (от vóda), plinovǫ́dan (от vóditi), radovǫ́ljan (-ljnost), brzovǫ́zan и т. п.;[1] то же наблюдается иногда и в сращениях: polurǫ̂dan, medsebǫ̂jan (-jnost); впрочем, нередко встречаются эти слова и с открытым *o:* kratkodóban (-bnost), drugogóran, rudokópan, pustolóvan, pravomóčan, svętonóčan (veliko-), čistopójman, srędopóstan, solzorósan, kugosópan, samostójan (-ójnost), samosvójan, prvostólan, malovódan; в сращениях: posihdóban; в сращениях же возможно нисходящее ударение: obadvǫ̂jan, skozinǫ̂san. Неясно, почему samosǫ̂ban имеет нисходящее ударение в нечленной форме.

10) Им. сущ. м. и ж. родов с суффиксами *-ьnik-* и *-ьnic-*: в этих именах обыкновенно наблюдается *ǫ* с нисходящим ударением подобно членным именам прилагательным с суффиксом *-ьn-* (novodǫ̂bni, rudokǫ̂pni): duhobǫ̂ĺnik, mnogobǫ̂žnik, dvodǫ̂mnica, stirigrǫ̂šnica, samokǫ̂vnik, zrakoplǫ̂vnica, blagorǫ̂dnik, krivorǫ̂tnik, -ica, dvorǫ̂žnik, zemljevǫ̂dnica, četovǫ̂dnik, radovǫ̂ljnik и т. п., это наблюдается даже в тех случаях, когда имена прилагательные с суффиксом *-ьn-* и имена сущ. на *-ьnost-* имеют открытое *o:* samostǫ̂jnik, samosvǫ̂jnik; особо стоит: beloǫ́čnica, изредка сохраняется открытое *o:* velikonóčnica (срвн. сербск. зимомо́рница); кроме того: dobrodǫ̂jnica (срвн. dobrodǫ̂šlica).

11) Им. сущ. ж. рода с суффиксом *-ьnj-:* rudokǫ̂pnja, senokǫ̂šnja, kamenolǫ̂mnja, zrakoplǫ̂vnja и т. п.

12) Им. прил. с суффиксом *-ьsk:* kolodvǫ̂rski, četrtogǫ̂rski, bratomǫ̂rski, jezikoslǫ̂vski и т. п.; редко: tretjegǫ̂rski.

13) Им. сущ. ср. рода с суффиксом *-ьstv-:* dvobǫ̂jstvǫ, kruhobǫ̂rstvǫ, parobrǫ̂dstvǫ, dvodǫ̂mstvǫ, dędinolǫ̂vstvǫ, verolǫ̂mstvǫ, krvolǫ̂štvǫ, samomǫ̂rstvǫ, ladjeplǫ̂vstvǫ, bogorǫ̂dstvǫ, krivorǫ̂tstvǫ, samosvǫ̂jstvǫ, zlatotvǫ̂rstvǫ, računovǫ̂dstvǫ и т. п.; редко: prvorójstvǫ (срвн. сербск. богомо́льство).

[1] Срвн. еще državnozbǫ́ran при zbóran.

14) Имена прилаг. с суффиксом *-ast-:* koconǫ́gast, kljukonǫ́sast, motorǫ́gast, samo- (срвн. не в сложении: kósast, lózast, sóhast; lǫ̑jast, nǫ̑sast, rǫ̑gast, zvǫ̑nast, vǫ̑skast; но: ostrǫ́vast, vǫ́njast, ибо и производящие имеют *ǫ:* ostrǫ̀v, -ǫ́va, vǫ́nja).

15) Глаголы на *-iti-:* rogobǫ́riti, -ǫ̑rim; opoľnomǫ́čiti, ǫ̑čim; jezikoslǫ́viti, -ǫ̑vim; osamosvǫ́jiti, -ǫ̑jim; oživotvǫ́riti, -ǫ̑rim; krvotǫ́čiti, -ǫ́čim; rokovǫ́diti, -ǫ̑dim; dobrovǫ́ljiti, -ǫ̑ljim; реже: blagoslovíti, -ím; неясно: blagovǫ́liti, -im, имеющее, кроме странной акцентовки, l вм. lj.

Что касается изредка встречающихся в словинском языке сложений с так называемым соединительным ǫ́: vinǫ́grad, vertǫ́grad, makǫ́tar, krvǫ́sačan, samǫ́tež нар. с произв. samǫ́težar, то их следует сравнивать не с великорусскими и сербскими сложениями, а с довольно обычными сложениями малорусского наречия: кругóворот, пізнóцвіт, первóвзір, дурнóслов, білóок; білóверба, дивóкоса, первóкраса, макíтра; сухózолото; первóлíток; добрóдíйка, однóлíтка; однóстеблець, крутóголовець; земнóродний; сухóлíсний; самóстійность; добрóдíйство; живóпись, рукóпись, самóросль (лѣтóросль Лекс. Памвы Бер. 102); наречия: сухóручь, рукóпашь (изредка такая акцентовка возможна и в белорусском наречии: самóдруг нар., а также см. Белоруссы Е. Ф. Карского, т. II, 1, стр. 544, где указаны: сырóводка, однóмасны, и очень редко в великорусском: *чернóслив* Орл. Бряск. (Тихонов, не заимствовано из малорусского наречия?).

Особенного внимания заслуживает производное от слова gǫ̑vor имя прилаг. gǫ̑voran, когда оно входит в сложение второю частью: при prostogǫ̑voran (под влиянием gǫ̑voran так же, как samopǫ̑močan под влиянием pomǫ̑čan) имеются: malogovǫ́ran (-rnost), radogovǫ́ran, lêpogovǫ́ran (опечатка вм. lẹ-?), lẹpogovǫ̑rnik (срвн. samogovǫ̑r, которому в сербск. яз. мы ожидали соответствие в виде *сàмоговор). Своим перемещением ударения с первого слога на второй оно напоминает русские полногласные формы (срвн. *гóлову, бóроду, вóлос,* но в сложениях: Тотемск. toųstogoľǫ̑vaja, Ряз. *черноборóдый, седоволóсый*).

§ 62. В сложных словах при сохранении второстепенного ударения на звуке *о* первой части сложения, имеющей при самостоятельном ударении напряженное *о*, звук *о* в памятниках иногда отмечается напряженным.

Сборн.: немно̂гослóвимъ 186; мно̂гокóзненъ 75; мно̂гоо̂чи́таѧ 115; немно̂горе̑чивъ 21; о̀зло̑твωра́щй 28 об.; зако̑нополага́ютъ 262 (срвн. при обозначении второстепенного ударения в но́вонача́лны̑ 30 об. напряженность *о* не отмечена вполне правильно); Псалт.: мно̑гомо̂лтивъ 198, мно̂гомо̂лтиве 221 об., мно̂гоимени́тыи ib., мно̂гоплóдны 197 об.; зако̑ноположи́ 167 об., зако̑нопрестоупова́хъ 169, зако̑нопрестоу́пнъ 136, зако̑нопрестоу́пнї|цы 171 об., зако̑нопрестоу́|пныѧ 173, зако̑нопрестоу́пнїцы 6; до||бро̑гла́сны̑ 202 || 202 об.

Срвн. словинск.: mnǫ̑gǫkatę́ri, mnǫ́gǫkedǫ̀, mnǫ́gǫkjè, ǫ̑čivę́stiti, -vę̑stim и, может быть, mnǫ́gǫkráten (у Плетершника не совсем ясно).

О сохранении первоначального характера гласного звука в первой части сложений при главном ударении на второй части сложения см. объяснение 3 в нашей работе: «К истории звука ѣ в московском говоре в XIV—XVII веках», Изв. X_2, 177—227, в котором мы указали на сохранение звуков: 1) *ъ* в подобном положении в говорах, изменяющих вообще неударенное *ъ* в *е*, и 2) *о* в том же положении в акающих говорах.

§ 63. Кроме того, напряженное *о̂* в закрытом срединном слоге имеют следующие наречия: 1) Сборн.: ко̑лми 177 (при колми̑ 177 об.); 2) Грязов.: *то̑лькё*, Тотемск.: skô'kö, tô'kö, stô'kö 147, Ряз.: *ско̑лько, сто̑лько*.

ГЛАВА VIII.

Напряженное *о̂* в закрытом конечном слоге.

§ 64. Напряженное *о̂* наблюдается у имен существительных муж. рода в им.-вин. пад. ед. ч. и двусложных формах множ. числа при ударении на корне; в других падежах ед. ч. *о̂* не

встречается, ибо ударение падает на окончание. К этим словам относятся:

Сборн.: кѡ́нь им. п. 273 об., никѡнеи 212 об. (ударение ´ над *е* перечеркнуто); плѡдъ им. и вин. пад. ед. ч. 37, 174 об. bis, 175, 189 об., 190, 325; пѡ́пъ 150 об., пѡпъ 185 об.; напѡ́стъ 41 об., 47, пѡстъ 18, впѡстъ 47 об.; скѡ́тъ 124; исключение представляет слово: вѡ́жъ 5 об., 207 (*о* из *ъ*: дѡ́ж҃ь 143 об., может быть, сюда же следует отнести: сѡнъ 40, сѡ́нъ 136 об.). Псалт.: двѡ́|ръ 90 об. и 91; кѡнь 39, накѡнехъ 24 об.; плѡдъ 3 об., 96 об., 145 об., плѡ́дъ 25 об., 76, 85 об., 117, 152 об.; плѡ́тъ 79 об.; как исключение, дважды отмечено: кѡнь 41, 205 об. (*о* из *ъ*: дѡждь 200 об., 218 об., вдѡ́ждь 224 об., стѡ́лпъ 78 об., может быть, сюда же следует отнести сѡнъ 183 об., сѡ|нъ 181 об., и здесь же отметим: сѡнмь 99, срвн. ѥсѡнмѡ́мъ 31 об.). Тотемск.: предполагаемое О. Броком *bôbr или *bôp, kôĺ, kôń,[1] kôńi мн., kôt, nôš, pôp, stôu̯, xvôs 36, dvôr 105, korôĺ 43; исключениями являются bop 37 и заимствованное voĺ (срвн. твор. пад. vaĺóm 113, если только наблюдатель не смешал этого слова со словом *вал*); отнесенное сюда О. Броком krôt хотя и имеет ô, но это *о* из *ъ* (срвн. сербск. кр̀тица, чешск. krtek, слов. kŕt и др.), но правильно: doš, son, stoup 34. Грязов.: *кѡ́ни, кѡ́т, стѡ́ў*. Костр. Шунг.: *за стуо́л* 65, *на стуол* ib. Ряз.: *бо́б, двор, кло́п, ко́вш, ко́л, ко́нь, ко́т, но́ж, по́н, по́ст, сло́н, сно́п* (но, повидимому, слышится и *сно́п*), *ствол, стол, хвост, хворост, корóль* (срвн.: *горб, дош, крот, огóнь, сон, столб, холм — холмá*); исключениями являются: *грош — грошá, вол, плод — плодá, дрозд — дроздá*.

В производных от них именах существительных с суффиксом *-ик* напряженное *ô* удерживается: *кôвшик, кôник, кôтик, нôжик, снôпик, стôлик*, но: *дóждик* Ряз.; nôžyk, bôbŕik Тотемск. 36 (при bóbŕik ib.); срвн. открытое *о* в подобных именах существительных, образованных от имен существительных с открытым *о* (§ 5).

[1] На стр. 136: kóń rżot возможна неточность записи.

В памятниках наконечная акцентовка этих слов в ед. ч. является для них единственно возможной и, кроме того, в отличие от слов, разобранных в § 5, они почти никогда не подвергаются энклизе при предлогах: бобрà Алф. 342; бобр̀ р. п. Косм. 194 об., бобрмъ тв. п. Триф. Кор. 58 об.; вожà р. п. Кн. Степ. 674 об., вожѝ м. п. Нов. Зав. XIV в. 59; волà р. п. Хрон. 254 об., на- ib. 295 об., волѐ м. п. Сборн. 1647 г. 213, о̀- Новг. Am. 84 об. (как редкое исключение: нивóла Новг. лет. 397 об.); додворà Нов. Зав. XIV в. 15, из̀- Сборн. 1647 г. 569, кдворъ̀ Кн. Степ. 188, кодворъ̀ Журн. Черем. 50 об., здворбмъ Новг. лет. 575 об., задворбмъ Улож. 56 об., водворѐ Новг. лет. 394, водвóръ ib. 394, Торж. XVI в. 222, Тр. П. 1589 г. 97, Улож. 274 об., надвóръ Новг. лет. 416, Сим. лет. 123 об., 489 об., задвóръ Арифм. (Г. П. Б.) 109 об.; вковшѝ Новг. лет. 330 об., ковшѐ Новг. Am. 125 об.; наколъ Лет. 312 об., 350; скона̀ Новг. лет. 618 об., коню̀ Сборн. 1647 г. 126 об., накóнь Пал. XVI в. 27 об., Новг. лет. 448, 451 и в др. м., Сим. лет. 32 об., 344 об., Лет. 54, Косм. 54, Пат. Скитск. 123, Ратн. 30 об., Сб. 1647 г. 214; откорола̀ Новг. лет. 623, королю̀ ib. 529 об.; ѿножà Кормч. 1650 г. 241 об., ножéмъ тв. п. Новг. лет. 425 об., Улож. 112, Сб. 1647 г. 49, нанóжь Лет. 209; плодá Нов. Зав. XIV в. 5 об., 34 об., 129 об., Псалт. 181 об., 213 об.,[1] плодбмъ Ратн. 198 об., съ- Кормч. 1650 г. 316; плотъ̀ р. п. Кн. Степ. 592, наплотѐ Лет. 51, наплóтъ ib. 51 (но в Сим. лет.: заплотъ 7 об.); ѿпопà Пал. XVI в. 356, попъ̀ д. п. Ратн. 25, попбмъ Новг. лет. 580 об., за- Подл. 223 об., припопѐ Новг. лет. 632 об.; постà ib. 401 об., Улож. 100 об., ѿ- Обих. К.-Б. 376 об., посту̀ д. п. Новг. лет. 555, к̀- Пат. Скитск. 375 об., впѡ|стѐ Сборн. 47 об., впостѐ Новг. лет. 400, ѡ̀- Кормч. 1650 г. 578, напóстъ Пат. Скитск. 230, Сб. 1647 г.

[1] Рядом с этим в нашей Псалт. трижды отмечена ѿплѡда 5 об., 142, 184; в виду редкости такой формы в древнерусских памятниках я склонен отнести ее насчет южнославянского влияния, хотя и русский язык знает накоренную акцентовку этого слова.

226; скота̀ Нов. Зав. XIV в. 156 об., Пат. Ск. XVII в. 90 об.; до- Псалт. 186 об., Новг. лет. 429, Кн. Степ. 25; соскотóмъ Кормч. 1650 г. 250 об., над- Ратн. 199 об.; скотѣ м. п. Хрон. 352, на- Пат. Скитск. 239 об., ѡ- Сб. 1647 г. 198 об. (редко: вскóтѣ Пал. XVI в. 49, срвн. ib. доскота̀ 61, нискотѫ̀ д. п. 58 об.), наскóтъ Торж. XVI в. 269 об., Сим. лет. 139 об., Сб. 1647 г. 454 об.; достволà Ратн. 48 об. (но: въствóлѣ ib. 45 об.); столà Новг. лет. 513, до- Новг. Ап. 77, столѫ̀ Сб. 1647 г. 195 об., застолóмъ Обих. К.-Б. 298, настолѣ Новг. лет. 441 об.; застóлъ Лет. 158, настóлъ Сим. лет. 24 об., 53, 61 об., Новг. лет. 442, Улож. 99; ѫ̀хвостà Косм. 273, Новг. Ап. 103 об., ѿхвостá же Алф. 183, хвостѫ̀ д. п. Торж. XVI в. 602 об., Новг. лет. 440, схвостóмъ Новг. лет. 600.

Итак, в пределах тех памятников, к которым по характеру ударения принадлежат и Сборник, и Псалтырь, все эти слова обыкновенно имеют в ед. числе наконечную акцентовку и в вин. пад. ед. ч. и формах мн. ч. энклизе при предлогах не подвергаются. Однако было бы ошибочно распространять последнее наблюдение на современный русский литературный язык и великорусское наречие, ибо и в том, и в другом можно услыхать от этих слов энклитики в вин. и дат. пад. ед. ч., которые, впрочем, в отличие от энклитик типа *на́ год* и т. п. встречаются значительно реже. Представляют ли они остатки еще более глубокой древности, чем то состояние, которое нам представляют памятники, или новообразования по аналогии, или диалектические особенности, этот вопрос я оставляю в стороне и приведу лишь примеры, подтверждающие энклитики этого типа: *по́ двору* обычно, «не пришло поле *ко́ двору*, пускай его побд гору», Даль, Посл. 29, «жить двор *о́ двор*» Даль, Слов.; «не колом *по́ боку*, а боком *по́ колу*» Даль, Посл. 952, *на́ кол* обычно; «люди, *на́ конь!* эй живей!» (Пушкин); «невеста родится, а жених *на́ конь* садится» Даль, Посл. 381, «вижу, едут стремя в стремя, *о́-конь-конь* богатыри» (А. Коринфский, Бывальщины; под влиянием былинных ударений?), «верхом мы ездили далеко, и всю дорогу шли *конь-о́-конь*,

я говорлив был, как сорока, а ты был нем, как сонный окунь» (Минаев);[1] «кто тонет, нож подай, и *за́ нож* ухватится (Даль, Слов.); *по́ столу* довольно обычно, *об стол* Моск. Рузск. (Н. Дурново).

Прежде чем перейти к сравнению с другими славянскими языками, отметим, что слово плот отнесено мною к словам с наконечною акцентовкою на основании таковой акцентовки, встречающейся в древних памятниках, однако там же встретилось *за́плот* (Сим. лет.); в современном языке акцентовка его колеблется, но в Ряз., где плот имеет открытое *о*, ему свойственна накоренная акцентовка (срвн. серб. шток. плôт — плôта и чак. plôt — plôta, слов. plôt); срвн. слово *хворост*, идущее в одном говоре по одной акцентовке, а в другом по другой, а также вышеприведенные уклонения от русской акцентовки в сербском и словинском языках.

В сербском языке русским словам с наконечной акцентовкою в большинстве случаев соответствует таковая же акцентовка: бôб — бòба, кôњ — кòња, снôп — снòпа, пôп — пòпа, двôр — двóра, нôж — нóжа, вô — вòла, стô — стòла, хрâст — хрáста, крâљ — крáља. Чакавское наречие указывает, что долгое нисходящее ударение в им. пад. вторично и явилось на месте старого восходящего: dvór — dvorà, stól — stolà, vól — volà, hrást — hrāstà, krȃl — kralà; рядом со шток. пôст — пòста в чак. нар. pôst — postà. Уклоняются от русской акцентовки, с одной стороны, плôд — плóда, а с другой скôт и вôљ, повидимому, имеющие выдержанную накоренную акцентовку во всех падежах, однако краткое *о* в им. пад. указывает на старое восходящее ударение.

Словинским языком также подтверждается наконечная акцентовка большинства этих слов: dvòr — dvóra, klòp — klópa, kòl — kóla, kònj — kónja, nòž — nóža, pòp — pópa, pòst — pósta, slòn — slóna, snòp — snópa, stòl — stóla, stvòl — stvóla, vòj — vója, vòl — vóla. Напряженное *о* в им. пад. не сохрани-

[1] За точность редакции не отвечаю, ибо привожу на память.

лось, ибо произошло сокращение гласной; за то это ǫ выступает в других падежах: v bǫ́ju, na grǫ̂bu, na kǫ́ńu (почему разница в ударении?), na kǫ̂ńih, s vǫ̂li, s kǫ́ńi (Rad 132, 168). Может быть, не случайно, что отклонение от наконечной акцентовки в ед. числе среди вышеприведенных примеров наблюдается в древнерусских памятниках в местном падеже *(в ско́те, в ство́ле)*; впрочем, здесь другое окончание, нежели в словинском языке. Накоренная акцентовка форм множ. числа сохранилась в русск. *ко́ни — ко́ней — ко́ням — ко́нями — ко́нях* при параллельной наконечной *коня́* и т. д.; другие слова, как и *конь*, сохранили память о накоренной акцентовке в древнерусских памятниках[1] и вместе с тем памятники ясно указывают, что ударение в этих формах было восходящее, а не нисходящее: они не подвергаются энклизе при предлогах *(по дво́ром, под ко́ни, о ско́тех)*, срвн. *на́ годы,*

[1] Для примера приведем рядом с накоренною акцентовкою и наконечную. Им. п.: вожи́ Нов. Зав. XIV в. 12 об., плоди́ Хрон. 265, нѡжи́ Сборн. 176 об., кони Нов. Зав. XIV в. 152 об., Торж. XVI в. 269 об. и рядом: нако́ни Ратн. 13 об., по҃ко́ни Кн. Степ. 283 (большая редкость: на́кони Новг. Лет. 519 об.); ско́ти Новг. Лет. 428, Пал. XVI в. 3 об., Тр. П. 1589 г. 251, Сб. 1647 г. 780 об.; дат. пад.: конѣ́мъ Нов. Зав. XIV в. 155, 157 об., ското́мъ Торж. XVI в. 156, Новг. Лет. 264 и рядом: ко́немъ Новг. Лет. 456, Лет. 13 об., ско́томъ Пал. XVI в. 45 об., подво́ромъ Лет. 256; вин. пад.: бобы́ Новг. Ап. 55 об., бобры́ Улож. 152, волы́ Новг. Лет. 552 Сб. 1647 г. 670 об., дворы́ Новг. Лет. 520, Улож. 35, водворь Псалт. 83 об., плоды́ Торж. XVI в. 418, Новг. Лет. 265, Мин. 1608 г 16, плоты́ Улож. 19 об., попы́ Обих. К.-Б. 305 об., посты́ Кормч. 1650 г. 59 об., скоты́ Тр. П. 1589 г. 124, на- Новг. Лет. 431, скѡты́ Псалт. 108 об., в'снопы́ Торж. XVI в. 417 об , столы ib. 240 об., хвосты́ Новг. Лет. 462 и рядом дро́зды Алф. 294, пло́ды Торж. XVI в. 355 об., ско́ты ib. 186, Пат. Скитск. 5 об., Кн. Степ. 183 об., Алф. 384, Сб. 1647 г. 418; твор. пад.: ножи́ тв. п. Торж. XVI в. 483, скоты́ Кормч. 1650 г. 46 об. и рядом съско́ты Пал. XVI в. 24; местн. пад.: водвѡрѣ́хъ Псалт. 116, 162 об., Сборн. 279 об., дворѣ́хъ Улож. 121, скотѣ́хъ Сб. 1647 г. 864, впостѣ́хъ ib. 224, опонѣ́хъ Новг. Лет. 612 об. и рядом: ѡ҃ко́нехъ Пал XVI в. 63, вко́не҃ Сим. Лет. 69, 399, нако́нехъ Новг. Лет. 406, вод'во́рехъ ib. 496 об., надво́рехъ Лет. 259, (во)двор҃ѣ́хъ Улож. 24, 35, ѡ҃ско́те҃ Пат. Скитск. 223; в род. пад. означенное колебание наблюдается лишь при окончании древней основы на -ĭ: ко́неи Новг. Лет. 565 и сконе́и ib 491 об., при окончании же -овъ ударение падает всегда на это окончание: вожде́въ Сб. 1647 г 227 об., ѡволо́въ ib. 272, дворо́въ Новг. Лет. 498, коне́въ Нов. Зав. XIV в. 156 об., Торж. XVI в. 418 об., но|же́въ ib. 483, плодо́въ Нов. Зав. XIV в. 128, отпопо́въ Новг. Лет. 454, ското́въ Пс. Брюн. 25 об., снопо́въ Кн. Степ. 586 об.

о́ громех, со́ духи (впрочем, в дат. пад. и для этих слов мне не удалось найти энклизы). О словах drǫ̑zd, plǫ̑d, hvǫ̑st см. выше. Слово skȍt — skǫ́ta = сербск. ско̑т — ско̑та.

Мы видели, что иногда слова муж. рода не только в разных славянских языках примыкают к разным типам акцентовки (русск. *плод — плода́* — сербск. пло̑д — пло̑да), но это наблюдается и в пределах одного и того же языка (сев.-вел. *хво́рост* и южнорусск. *хворо́ст*, сербск. ро̑в — ро̑ва и ро̑в — ро̀ва). В виду сего нисколько не удивительно, что в чешском языке ů наблюдается не только в словах, которые должно отнести к типу слов с наконечной акцентовкой: půst, dvůr, nůž, stůl, vůl, kůň, kůš при koš, kůl, но также с накоренной (нисходящее ударение): bůh, důl, dům, hnůj, lůj, vůz.[1]

§ 65. Подобно словам *дво́р — двора́* и двусложные имена сущ. муж. рода с наконечною акцентовкою имеют в им.-вин. пад. ед. ч. *о̑: живо̑т — живота́*, срвн. сербск. шток. жи̏вот — живо̀та, чак. živȍt — životȁ, указывающие на восходящее ударение в форме им.-вин. пад.; слов. živòt, -óta подобно dvòr — dvóra; в tóror ударение оттянуто, род. пад. toróra. Сюда относятся: Сборн.: живо̏тъ 259 об., живо̑тъ 5, в- 7, 11 об., 162; Псалт.: живо̑тъ 120, вживо̏тъ 84 об., живо̑тъ 195, 215 об.; сапо̏гъ 153 об.; однажды отмечено: живо̀тъ 80 об.; Тотемск.: topȏr, pirȏk 36, Их. tvarцȏk 47; Грязов.: *топо̑р, сапо̑г;* Костр. Шунг.: *сапого́, творого́* 21; Ряз.: *топо̑р, творо̑г, -гу̀*.

Повидимому, сюда следует отнести и mozȏĺ Тотемск. 36 и *музо̑ль* Ряз., но слов. mozǫ̑lj при mozǫ́lj указывает как будто на начальную акцентовку с нисходящим ударением.

§ 66. В повелит. наклонении на -ȏj глаголов разных классов является напряженное ȏ. Сборн.: небо̏иса 48, бо̏иса 197 об.; сто̏ите 306 об.; по̏ите 68 об.; Псалт.: бо̏итеса 42, неѵбо̏иса 65; по̏ите 143 об., 200 об., вос- 143 об., 189, въс- 201 об., по̑ите

[1] Наблюдение, что ů в чешском языке чаще встречается в односложных словах под перенесенным ударением, сделано проф. С. М. Кульбакиным (К истории и диалектологии польского языка... 156 и след.).

186, 218 об. неск. раз; Тотемск.: stôi̯ 141, stôi̯ťe 142, dôi̯ (но рядом есть и новообразования ńe bóiśö 10, ńe bói̯t'öś 100, 142, что касается trôń Их. 40, то здесь *о* может быть из *ъ*); Ряз.: *бо̂йся, сто̂й*.

Сербский язык указывает в данном случае восходящее ударение: шток. по̀стôj, по̀пôj, по̀пôjте (от по̀јати), на̀пôjте (от напо̀ја́ти, чак. bôi se. Напряженность *о* отразилась в чешском языке: stůj, диалект. bůj sa (срвн. еще диалект. huň — huňće, skuč, старочешск. wuol, а также růsť, můž). I. Gebauer, Hist. mluvn. jaz. českého I, 605.

§ 67. Не вызывают сомнения в древности восходящего ударения формы неопр. накл. и причастия прошедшего времени действительного залога глаголов: *коло́ть, моло́ть, поло́ть, поро́ть;* срвн. серб. кла̂ти — кла̂о — кла̂ла; мље̂ти — мли̂о — мље̂о — мље̂ла; пље̂ти — пље̂ла; пра̂ти; слов. kláti — klàł — klálǫ, mléti — mlèł — mlęla, plęti — plęla; pràti; здесь всегда напряженное *о̂*. Тотемск.: koł̂oť, moł̂oť, poł̂oť, porôť 137, poł̂oǫ̂, poł̂oła, porôǫ̂, porôła (при poróła 43), kolôǫ̂ 137, moł̂oǫ̂, moł̂oła 43 (при moł̂oǫ̂, moł̂oła 137), Ряз.: *коло̂ть, моло̂ть, поло̂ть, боро̂ться, расколо̂л;* вероятно, восходящее ударение имел и глагол *поло̂зть, уполо̂з* Ряз. (срвн. народн. *поло́зиют*); в глаголе *волочь* Ряз., voł̂ok Тотемск. 134 восходящее ударение явилось как следствие переноса ударения (слов. vlęčі), точно так же, как и в следующих глаголах: помо̃глъ|быми Псалт. 130 об. (срвн. и̑знемо̂гшаѧ Сборн. 185), môk (= мог) Тотемск. 135, *мо̂г, занемо̂г* Ряз. (срвн. слов. mǫ́gαl); rôs Тотемск. 133, *зарос* Ряз.; мы бы ожидали иметь напряженное *о* и в *пробол*, срвн. слов. bǫ́dαl, но Брок отметил probóǫ̂ 133; *я измо̂к* Ряз. можно сравнить с словинским отглагольным прилагат. zamǫ́kαl, mókla.

В следующих словах имеем *о* из др. *ъ*: ѡ̑бо́лъ|кшесѧ Сборн. 111 об., pół̂s Тотемск. 133, toǫ̂k ib. 134, *засо́х, изсо́х* Ряз.

§ 68. Формы причастий прошедшего времени действительного залога в краткой форме (т. е. без *в*), может быть, не всегда книжные (Б. М. Ляпунов, Рассуждение о языке синодального

списка 1-й новгородской летописи, СПб., 1900 г., 98—99), от глаголов с выдержанною накоренною акцентовкою имеют обычно *о́* (примеры см. в § 42), также имеют *о́* в этих причастиях глаголы типа *хожу́ — хо́дишь:* прекло́ньсѧ Сборн. 14 об., прекло́нь Псалт. 196 об., с *о́* ib. 20. Что же касается глаголов типа *рожу́ — роди́шь,* то данные памятников распадаются на две группы: 1) если перед суффиксом был согласный *р,* то пишется *о́:* сотво́рь Сборн. 33 об., 39, сотво́рши 33, -аго 36, -аго́ 156; сътво́ршаго́ Псалт. 178 об., 199 об., -ему́ 161, 187 об. неск. раз, 225 об. bis, -имъ 131 об., о́сътво́рше́ 201 об., ство́ршаго́ 180, 208 об., сътво́ршаго́ 148 об.; 2) если же — шипящий, то — *о́:* ро́жшагосѧ Сборн. 197; ро́жшаго́тѧ Псалт. 208 об., ро́ждьшимсѧ 28, поло́жшаго́ 84 об. Чем объясняется означенное различие, трудно сказать; однако укажем, что судьба глухого *ъ* после *р* и шипящих была различна: после первого *ъ* исчезало ранее, нежели после вторых (см. нашу работу: «Одно соображение в защиту написаний *гръ, гръ, гръ, глъ* древнерусских памятников, как действительных отражений второго полногласия», Ж. М. Н. Пр. 1909, № 8, стр. 298 и 302).

§ 69. Для несклоняемых имен прилагательных: *осо́бь, свобо́дь, удо́бь* нормальные явления *о́.* Сборн.: неоу́до́бь 73 об., 238, 275 об., 281; о́со́бь 49 об., 121 об., ѡ́со́бь 96 при одном исключении оу́дѡ́бь 210 (срвн. и́спо́лнь 253 об., 293); Псалт.: свѡбо́дь 120, но: ѱ҃лѡ҃ о́со́бъ писанъ 203 (срвн. и́спѡ́лнь 40). Срвн. Тотемск.: osóbe 42).

§ 70. В притяжательных местоимениях *мой, твой, свой* и в памятниках, и в говорах обычно отмечается напряженное *о́;* для оттенения этой особенности в памятниках я сопоставляю эти местоимения с им. пад. ед. ч. указательного местоимения *тъ* в членной форме *той* с открытым *о* (<тъи).

Сборн.: пр҃тлъ сво́и 298 об., сво́ свои 300 об.; бж҃е мо́и 4 об., а҃ре́мъ мо́и 17 об., сло́гà мо́и 173; ѡ҃цъ тво́и 10 об., тро́у́ тво́и 104 об., сво́и хло́ 7, оу҃мъ сво́и 39 об. и так в других местах без исключения (срвн. то́иже са́мъ 5 об., то́и им. пад. ед. ч. м. р.

28 об., 105, 260 и в др. местах), сюда, повидимому, относится им. пад. ед. ч. кѡи҃ждѡ 215, кѡи҃ждѡ 193; Псалт.: мо҃и им. п. 153 об., бо́гъ мо҃и 56 об., бг҃ъ мо҃и 57; цр҃ю мо҃и и бж҃е мо҃и 57, жре́бiи мо҃и 37 об.; гнѣ́въ тво҃и 110 об., ра́бъ тво҃и 162 об.; поуть сво҃и 166, гла҃ сво҃и 88 об. и так во многих других местах без исключения (срвн.: вто́и день 199 об., то́и им. п. ед. ч. м. р. 11, 30 об., 40 об., 50, 79, 144, 168, 183 и т. д. без исключения); Тотемск.: mô҆i, tvô҆i, svô҆i 37, kô҆i, kô҆ia, мн. kôi 125; но: ро-mо́҆ötu 33; на стр. 143 несколько раз отмечено mo҆i, но видимо это опечатка (срвн. mô҆i 33, 125); Грязов.: *сво́й, мо́й;* Ряз.: *мо́й, тво́й, сво́й.*

Чакавск. mój, tvój Изв. XIV$_2$, 237 ясно указывают на восходящее ударение; штокавск.: мô҆j, твô҆j, свô҆j имеют нисходящее ударение такого же характера, как в кра̑ль (см. § 64). Показания же моих словинских источников расходятся: Хостник отмечает mô҆j, tvô҆j, svô҆j (Грамм. 115), Плетершник mój, tvój, svój, а Valjavec (Rad 132, 159) — mo҆́j, tvo҆́j, svo҆́j; последний и признает здесь старое восходящее ударение. Интересно, что Плетершник в подобных звуковых комплексах числительных dvo҆̀j, tro҆̀j отмечает нисходящее ударение, срвн. серб. штокавск. дво̀је, тро̀је и чакавск. dvòje (dvòje), tròje, а также энклизу их при предлогах у̀ двоје, ясно указывающую на древнее нисходящее ударение. Русские памятники и говоры в этих числительных указывают а) открытое *о* дво́е Псалт. 80, dvo҆́o, tro҆́o Тотемск. 130 (33), *дво́е, тро́е* Ряз. и б) обычную энклизу при предлогах: на́двое Охт. 1594 г., Ратн. 39 об.; на́трое Тр. П. 1589 г. 371 об., Грам. Смотр. 1648 г. 18; литер. и диалект. *на́ двое, за́ двое, по́ двое* (трое) — часто. Числительное же *обои* в Ряз. имеет напряженное *о́* в согласии с шток. *дво̀је;* что касается словинск. obô҆j, то оно имеет перенесенное ударение (срвн. древнерусск. о҆́ковы, о҆́бои Торж. XVI в. 565, ѡ҆́бою р. п. ib. 328, ѡ҆́бои^{x} ib. 448; о҆́бои по҆ля́цы Новг. лет. 421 об., о҆́боемъ ib. 409; ѡ҆́боимъ Хрон. 363; о҆́боегѡ Ратн. 25; эти формы чередуются с формами с наконечною акцентовкою: ѡ҆ѡ҆́бою̀ Торж. XVI в.

365 об.; ѡбоймъ по̑комъ Новг. лет. 643, ѡбойми Хрон. 282; ѡ̑боемоу̯ Сборн. 1647 г.; о̑боѐ сѐ пра̑вило Кормч. 1650 г. 188; о̑бои́хъ Улож. 123 об.; новообразование обѣи всегда имеет ударение на *ѣ:* со|ѡбѣ̑ю сторо̑нъ Новг. лет. 599, о̑бѣ̑ими Ратн. 208, и̑зобѣ̑ихъ Улож. 136 об.; акцентовка же собеймѝ Ратн. 170 крайне редка).

Чешский язык своими můj, tvůj, svůj подтверждает напряженность *o;* впрочем он имеет dvůj, trůj, obůj при obój; в последних можно видеть образование по аналогии к местоимениям, а в obůj и непосредственно явившуюся форму.

§ 71. Суффикс род. пад. мн. ч. *-ов-*, если на него падает ударение, всегда имеет напряженное *о̑.*

Сборн.: вапо̑въ 234, грѣхо̑въ 106 об.; вѣко̑въ 256, мѡзго̑въ 305 об., родо̑въ 248, ѿбѣсо̑въ 101, 137, 178 (186); дрѫго̑въ 323, часо̑въ 34, сано̑въ 42, трѫдо̑въ 107, 137, 144 об., 225 об., 226, грѣхо̑въ 114, 127, 320, чаро̑въ 119, ѿпопо̑въ 123 об., нидїако̑въ 212 об.; здесь же отметим им. пад. мн. ч. на -о̑ве: попо̑ве 123 об., бѣсо̑ве 197, 241. Псалт.: плѡдо̑въ 181 об., сыно̑въ 84, 98, 197, ѿсыно̑въ 203 об.; родо̑въ 95 об., бого̑въ 113 об., ѿгласо̑|въ 129 об., домо̑въ 100 об.; ѿсьно̑въ 14 об., сыно̑въ 18 об., 59, 119, 119 об., 149 об., 182, 197; ѿсыно̑въ 25 об.; и̑здѡмо̑въ 155, бого̑въ 113 об., лво̑въ 27 об., родо̑въ 207 об., волȏвъ 213 об.; здесь же отметим им. пад. мн. ч. на -о̑ве: воло̑|ве 197, воло̑вѣ 66. Замечено два исключения, оба в киноварных надписях: сыно̑въ 62 об., сн̑ѡ́въ 59.

В окончании род. пад. мн. ч. -ôf «*о̑* утвердилось категорически» замечает О. Брок (стр. 40): synôf, psôf, vozôf, mužykôf, ľekrutôf, sapogôf, ćuĺkôf (стр. 39), ućeńikôf-to 126, domôf 119, ḿostôf 121, и по аналогии после j̓: Их. vorobj̓ôf 40 при Панк. vorobj̓ôf. Грязов.: *годо̑в, мужико̑в, домо̑в.* Ряз.: *зубо̑в, мужико̑в, лесо̑в, воро̑в* и т. д.

Словинский язык в род. пад. мн. ч. с окончанием на -ov, а равно и в других падежах, принимающих суффикс -ov-, указывает *o* в этом суффиксе; срвн. данные, извлеченные из грамма-

тики Хостника: а) род. пад. мн. ч.: darǫ̂v 95 и по аналогии, как в Тотемск.: kupcǫ̂v 62; б) им. п. мн. ч.: glasǫ̂vi 113, darǫ̂vi 95, valǫ̂vi 318, zvonǫ̂vi 85, sklepǫ̂vi (Плетершник); в) род. пад. ед. ч.: sinǫ̂va, zvonǫ̂va, glasǫ̂va 84; г) им. п. дв. ч.: dva zvonǫ̂va 84. Нисходящее ударение во всех падежах, кроме род. пад. мн ч , не подлежит сомнению: оно явилось, как следствие переноса ударения с предыдущего слога (срвн. сербск. дат. пад. ед. ч. гра̏дови, дру̏гови, им. пад. мн. ч. дру̏гове;[1] нисходящее ударение подтверждает и M. Valjavec (Rad 132, 195—197), но указывает не напряженное ô, а ǫ: godǫ̂vi, gradǫ̂ve,[2] что, вероятно, первоначальнее для слов с нисходящим ударением на корне. Что же касается отмечаемого Хостником нисходящего ударения в род. пад. мн. ч., то оно или является опечаткой, или развилось по аналогии к другим падежам, которые в свою очередь заимствовали из род. пад. *ǫ*, ибо M. Valjavec (op. cit 172) вполне определенно оттеняет в этом случае восходящее ударение: bobǫ̂v, kolǫ̂v, sokolǫ̂v, poslǫ̂v. Чешский язык своим -ů̂v, в противоположность словацкому языку, знающему -ov, подтверждает восходящее ударение на *o*.

Здесь же отметим Тотемск. domô̤ 39, Костр. Шунг. *домуо́й* 68, Ряз. *домо̂й, долô̂й* из древних *домо́въ, долóвъ*. В слов. domǫ̂v перенесено ударение; но чешск. domů̂v, dolů̂v вполне соответствуют русскому языку.

§ 72. Род. пад. мн. ч. имен сущ. женского рода с основою на *-a*, муж. (в старой форме без *-ов*) и ср. родов с основою на *-о* имеет напряженное *ô*.

Псалт.: ѿво̏дъ | мно̏гъ 197, ѿго̏|ръ 102, но̏гъ 84 об., 157, во̏дъ 90, 104; ѿвôдъ 21, вôдъ 83 об., 129 об., во̏|дъ 39, гôръ 101, 131 об., 141 об.; одно исключение: наве́рхъ гôръ | 96 об.; ѿро̏|гъ 27 об.; дорôгъ ѡлтаревыхъ 164 об. Сборн.: сто̏пъ 25, вôдъ 5, 323 об., нôгъ 141; но в муж. роде только один раз и то

[1] При древнем же ударении на -ov- это о в сербском языке носило восходящее ударение, срвн. дат. пад.: соко̀лови, ва̀лови, ду́бови, пру́тови.

[2] Срвн. еще в других падежах: sinǫ̂vom, sasinǫ̂vi, pri sinǫ̂vih.

с открытым *о:* а̊невты́саща ро́дъ 261 (правильно: пать со́тъ 273, 278 об. (262), дева́со́тъ 312). Тотемск.: nôk, kôs (от коса и коза), gôr, s-têx pôr 33, с полногласием: storôn, gołôf, połôs, skovorôt 43; sirôt, gospôt 37; slôf, pôl′, môŕ 33 и лишь иногда слышится kos, por 33 (Их.); но правильно: snox 34, dostók 39, drof 34, dvux sot 130, ṕeť sot ib. Костр. Шунг.: *волуо́с* 71. Ряз.: здесь правильно сохраняется напряженное *ô* лишь в словах с полногласием: *полốс, голốв, борốд;* другие же слова или имеют открытое *о* по аналогии к вин. пад. ед. ч., накоренная акцентовка которого иногда сохраняется (*го́ру, во́ду, зо́лу, по́лу,* обычнее: *расу́, казу́* и т. д.), а главным образом к им.-вин. пад. мн. ч. и звучат так: *вод, гор, гроз, коз, пол, рос, сов,* или же имеют напряженное *ô,* но тогда это *ô* слышится и в вин. пад. ед. ч. и в им.-вин. пад. мн. ч. и даже в других падежах мн. числа: *нốг* срвн.: (*нốгу, нốги*),[1] *вдốв (вдốвы),* и даже с *ô* из древнего *ъ: снốх, снốхи, снốхами.* В других случаях слышится *о* из *ъ: блох.* Для имен сущ. ср. рода имеется пример слов, где открытое *о* по аналогии к падежам ед. ч. при правильных: *дров, пятьсо́т.*

О древнем восходящем ударении в этих формах прежде всего свидетельствует отсутствие в русских говорах и памятниках энклизы этих форм при предлогах: 1) догóръ Сим. лет. 97, ѿгóръ Пат. Скитск. 112, Тр. П. 1589 г. 367; оу́нóгъ Подл. 96, ѿнóгъ Кн. Степ. 150; срвн.: безро́у́къ Сборн. 1647 г. 474, отро́у́къ Новг. лет. 506, 582, достѣ́н Тр. П. 1589 г.;[2] 2) изрóгъ Новг. лет. 483, и̊згро́бъ Тр. П. 1589 г. 285, Св. 1647 г. 465, ѿгро́бъ Чин Страшного Суда (Москва) 42, ѿро̀дъ Нов. Зав. XIV в. 130 об.; срвн. ѡтво́лкъ Новг. лет. 370 об.;[3] 3) для слов

---

[1] Напряженность *ô* тем загадочнее, что энклиза этого слова в разбираемом говоре при предлогах обычна: *по́д ногу, на́ ногу, за́ ногу, на́ ноги,* срвн. *на́ воду, за́ воду, на́ воды, за́ полу, по́д полу, за́ гору, на́ горы.*

[2] Как на единственное мне известное исключение я могу указать лишь на случай, отмеченный М. Колосовым: *до́ гор* Муромск. (Заметки, 302).

[3] Примеры энклизы на последнее слово в других падежах: попала *на́ волка* овца (Измайлов), на́волка Св. 1647 г. 488 об., на́волки ib. 474.

ср. рода я приведу лишь примеры на слово с некогда долгим гласным: ѿмáсъ Злат. XVII в. 191 об.[1]

Сербский язык для слов женск. рода указывает восходящее ударение: штокавск. кóсâ, кóзâ, нóгâ, чакавск. gór Изв. XIV_2, 226, также и для среднего рода: штокавск. пóлâ; что касается род. п. мн. ч. слов муж. рода, то мы в параллель словам с долгими гласными штокавск. дрýгâ, кýмâ, лúстâ (от дрýг, кýм, лúст), чакавск. vlásīh, предполагающая *vlás Изв. XIV_2, 218, ожидали бы в словах с кратким *о* иметь нечто подобное, но чак. brôd ib. 217 указывает на нисходящее ударение.

Также и словинский язык подтверждает восходящее ударение: vǫ́z (Rad 132, 172), kǫ́s, nǫ́g (ib. 173), но напряженность *о*, как показывают приведенные примеры, здесь подобно Рязанскому говору исчезла; однако Хостник в своем словаре в наречных выражениях dosih dǫ̂b, posih dǫ̂b отметил *ǫ* в противоположность Плетершнику: dosih dôb, posih dôb; нисходящее ударение в последних случаях свидетельствует о переносе ударения с sih, срвн. zásihdob (Плетершник), где ударение с среднего слога отгянуто на первый. Напряженное *о*, кроме того, слышится в род. пад. ǫ́vɑc и многосложном слове konǫ́ɑlj. I. Gebauer[2] указывает долгое *о*, откуда *uo, ů*, в старых чешских памятниках и говорах чешского языка в род. пад. мн. ч. имен сущ. ср. и женск. родов: стар. z těch kuol, tych sluow; диал. slův; стар. všech huor, jeho nooh, s nuoh, podle stoky wuod; диалект. nóh; как и в других случаях я здесь вижу отражение напряженного *о* под старым восходящим ударением.

§ 73. I. Твор. пад. ед. ч. имен сущ. муж. и ср. родов с основою на *о* имеет всегда открытое *о*.

Сборн.: животóмъ 8 об., сѫдóмъ 11, соврагóмъ 23-2, стѡлпóмъ 31, 151, крт҃óмъ 40, 111 об., 319, снѡ́мъ 44, 137 об., стрѫдóмъ 44 об., 205 об. (262, 313), полкóмъ 307 об., прѣпол-

[1] Энклиза при других падежах: ѿмаса Торж. XVI в. 528, нáмѧсо Треб. 1623 г. 231 об.

[2] Historická mluvnice jazyka českého. I, 599.

кѡмъ 115, солвѡмъ 129 об., жеѕлѡмъ 146 об., 226 об., х҃ѡмъ 169 (197, 305); перо́мъ 157, числѡмъ 171 об., вино́мъ 207, чело́мъ 328, всеѻрѫжьствомъ 23-2, добрѡмъ 46. Псалт.: сра-бо́|мъ 170, стоудо̀мъ 124 об., 184 об., постѡмъ 44, 89 об., снѡмъ 102, с҃сѡнмѡмъ 31 об., жеѕлѡмъ 123 об., съо̀трѡко́мъ 209; вино́мъ 78, с҃сребрѡмъ 146, сребрѡ|мъ 88, числѡмъ 144 об., бѫ́тво̀мъ 222. Тотемск. без исключений *о:* gn̓ozdóm, stołóm, ćeŕedо́m и др. (35), p̓oš̓kóm 22. Для Грязов. имеется один пример в наречии *нутро́м* с *о́*, а потому трудно сказать что-либо положительное.

Ряз.: всегда открытое *о: орло́м, коло́м, молотко́м, сапого́м; село́м, перо́м* и в наречиях: *пешко́м.*

Сомневаться в том, что здесь *о* из древнего *ъ*, не приходится (срвн. об этом с указанием на древнерусские памятники и малорусское наречие, а также со сравнением с другими славянскими языками у Б. М. Ляпунова, Исследование о языке синодального списка 1-й новгородской летописи, вып. I, 1900 г., 54 и след.; кроме того, на древнее *ъ* указывает особый характер аканья некоторых русских говоров, см. Изв. IX$_1$, 350).

II. Неясным является открытое *о* в дат. пад. мн. ч. имен сущ. муж. и ср. родов с основою на *о.*

Сборн.: грѣхо́мъ 38, 122; вѣко́мъ 16 об., 30, 41, 127 об., 210 об.; зѹбо́мъ 121 об., 302 об.; бѣсо́мъ 154 об., 203 об. ter; бого́мъ 311; бѣсово́мъ 100; о̀бразо́мъ 234, помы|слѡмъ 140 об., помыслѡ́м 283, о̀блако́мъ 143, оу̑чн̄ко́мъ 14 об., 170 об., долъжнико́мъ 45; ковратомъ 210 об., къоу̑стѡмъ 320; срвн. еще в дв. ч.: крыло́ма 162. Псалт.: рабомъ 217 об., скѡто́мъ 64 об., 200 об., скѡто̀мъ 142, врагомъ 12 об., 25 об., 54 об., 70 об.; врагѹмъ 109, 210 об. bis, 216; бого́мъ 65, 208 об.; бого̀мъ 187 об., 225 об.; зоу|бо́мъ 180; вѣко̀мъ 219 об., 223, сыно́мъ 161; оу̑сто́мъ 51, оу̑стѡмъ 172 об.; зло́мъ 45; срвн. еще в дв. ч. вѣко́ма 183 об.

Может быть, в живом произношении писца существовали лишь формы, явившиеся по аналогии, на *-ам,* и этим обстоятель-

ством следует объяснить неправильное обозначение *о* в этой форме (открытое вместо напряженного), хотя в других несуществовавших в его произношении формах (напр. в аористах) писец по традиции обозначил *о* правильно. Только один раз писец Псалтыри обозначил *о* в форме дат. пад. мн. ч. напряженным: рабо̀мъ 216 об.

Решение вопроса о звуке *о* в этой форме затрудняется прежде всего невозможностью дать определенный ответ на другой предварительный вопрос, а именно, насколько были живыми для писцов наших памятников означенные формы. Если они были мертвыми, то, конечно, можно ожидать разного рода неожиданностей, в частности, например, писцы могли их уподоблять формам твор. пад. ед. ч., где открытое *о́* правильно. Но мало того, если эти формы были живыми, то трудно настаивать, что ото всех слов *о* в окончании было одинаковым; ибо слова с нисходящим ударением в корне на глазах историка приобрели наконечную акцентовку (в Нов. Зав. XIV в. еще обычна накоренная акцентовка:[1] повсе́мъ гра́домъ 69, вла́сомъ 84 об., до́момъ 136 об., зꙋ́бо̀ 6, ве́комъ 112, 146, 153, да́ромъ 113, сле́домъ 101, и очень редко: поградо̀мъ 73 об.; изредка она встречается в Новг. лет. и Хрон.: полꙋ́гомъ 614, зꙋ́бомъ 364, дрꙋ́гомъ 566 об., но здесь уже чаще: градо́мъ 401, ве́ко́мъ 388, бого́мъ 425 об., сыно́мъ 478 об., зꙋ́бо́мъ 441 и др.; в нашей Псалтыри: бе́сомъ 208 об., проу́гомъ 108; кроме того, в Мин. 1608 г.: ѿ она̀ све́томъ 205; срвн. еще для дв. числа в Кн. Степ.: гро́бома 112, ро́гома 138, Кормч. 1650 г.: слоу́хома 67), в отличие от форм род. пад. мн. ч. на *-ов,* которые от слов с коренным нисходящим ударением издревле имели наконечную акцентовку (напр. Нов. Зав. XIV в.: дарò̀въ 108, громо́|въ 157, Новг. лет.: бе́со́въ 424, даро́въ 428 об., чино́въ 547, крꙋ́го́въ 606 об., возо́въ 316 и т. п.). Поэтому если у последних форм обычно *о̀* (см. § 71), то у первых его могло не быть, потому что ударяемым *о* стало

[1] На таковую же акцентовку указывают чакавские говоры vȍzȍn, vlȃsȍn (Изв. XIV$_2$, 208—209), так что в древности ее сомневаться трудно.

в очень недавнее время. Под влиянием этих форм с открытым *о* могли исчезнуть и формы с напряженным *о*, употреблявшиеся от слов с наконечною акцентовкою; сохранение древности я вижу в единственной форме из Псалтыри: рабѣмъ 216 об. Однако, повторяю, вопрос не может быть решен окончательно. Ко всему этому присоединяется загадочное какое-то взаимодействие между падежами дательным мн. ч. и творительным ед. ч. в словинском языке: в говорах, имеющих дат. п. на -am, появляется и твор. пад. ед. ч. на -am (Arch. f. Slav. Phil. XI, 551—552, статья В. Облака); впрочем для последнего возможно объяснение из -ъть. Чешский язык, в противоположность древнерусскому, сохранил и распространил на другие категории слов формы с напряженным ô, откуда теперешнее -ům (в словацком языке -om).

§ 73а. Кроме того, напряженное *ô* в закрытом конечном слоге имеют следующие наречия: Сборн.: ѡ̑ кôль краты 116 об., Псалт.: кôль 37 об., 97, 108, 115, 172, 184 об. и в других местах при одном исключении кôль 84, Грязов. *стôль*.

ГЛАВА IX.

Напряженное *ô* в конечном открытом слоге.

§ 74. Им.-вин. пад. ед. ч. имен сущ. ср. рода, а равно прилагат. (и образовавшихся от них наречий), причастий и местоимений нечленной формы того же рода имеет обыкновенно напряженное *ô*.

Сборн.: числô 258 об., бревнѡ̑ 11 (*е* исправлено на ъ), хѵ́дô-ствô 292; днô 291 об.; сребрô 9, брьвнô 11; вѣ́винô 15 об., винô 23 об. bis, 122 об., 238 об.; вокнô 227, числô 153, платнô 174, млекô 293, мѵ́жествô 39 об., дѣ́въствô 107,[1] рốствô 121 об.; [с поправкою: чи́слô 133 об.]; краснô 42 об.; слô

[1] Акцентовка последних двух слов, как и нижепомещенного из Псалт. бѣгъствѣ, хотя и странна, но для памятников колебание ударения в словах с суффиксом *-ство* обычно: моуже|ствѡ̑мъ Псалт. 86/86 об.; художествѣ ib. 209 об.; мѵ́жествѣ Сборн. 43 об., хѣдо=ствѣ ib. 30 об., поже|стѡчьствоу́же ib. 285; обратно: соу́щество ib. 250, е᷑стество᷑ 32 об.; то́ржество Торж. XVI в. 172;

нар. 111, злô 19, 23, 239 об., наслô 135 об., злô зâслô 28 об., незлô 23 об., кра|снô 249, бѣлô 116, 311, набелô ѡзеро 223 об., быстрô нар. 19-2, легкô ѣ 17 об., ровнô 161, добрô 6, 15, 28 об., 101 об., 109, 164 об., 299, надобрô 18, сѣлô 34, 42 об., 58; данôти 164 об., данô бы́сть 319; прѡшлô 254; ôнô 36 об. bis; ѡнô 145 об., мѣсто ѡнô 268; таковô смиренïе 171; таковô дѣло 137 (191 об., 230 об.); каковô | слѡво 153 об. (171 об.); ѧкѡвôлюбо ѣ 33, ѧковô 35; [с поправкою: та́ковô 281 об.]. Псалт.: селô 61, числô 51 об., ви|нô 142, гнѣздô 115 об., сребрô 187, бѣгъствô 194 об.; винô 89 об.; наронô 95 об. (= роу-); сребрô 160 об. (84 об.); винô 208 об., 209 об., 210; гнѣздô 208, млекô 170, 208, сребрô 15, 225; тръжествô 1; слô 127, злô 68 об., 193, назлô 73 об.; сѣлô 25, 37, 47 об., 62 об.; слô 8, 207; добрô 182, 184 об., 186, 224 об.; сѣлô 7, 141, 145, 153, 156 об., 162, 165 об., 168 об., 169, 172, 175, 191, 191 об. и в друг. местах. Исключением можно было бы считать: вначалô ѱâлм 1 об., если бы самая акцентовка не внушала подозрения в описке.

О. Брок отмечает, что напряженное *ô* в окончании им.-вин. пад. ед. ч. вышепоименованных форм слышится «постоянно» (стр. 41): śôlô, ŕôbrô, śeŕebrô, kol'ôsô, molokô (41); oknô, piśmô, krylô, pôrô, źornô (122), gńozdô (127); Их. ŕešotu̯ô 46; davnô, rovnô, šyrokô, dou̯žnô, dobrô (41); bôłô, gŀybokô, ľokô, ŧoplô, vysokô (128) и даже, по аналогии, после шипящих на месте *o* из древнего *e:* xorošô, d'úžô, gožô (128); nasažonô (41); rostŕeśônô (ib. 133); cvôlô (ib. 41); onô (ib. 41). Исключений отмечено 5; из них 3: rožostvó, palitó (ib. 41), davnó 114 явились, вероятно, под влиянием чужого произношения (таково

ме́ньшеньство ib. 587 об.; празднествъ Триф. Кор. 107 об.; познакомъствоу Улож 333 об., в'послѣшествъ ib. 141. То же самое наблюдается и в великорусских говорах: *знакомство* Новг. Устюж., Мат, № 28; Вятск. Орл., Мат., № 42 (*знáкомство* Псковск. Холмск., Мат., № 54); *мужство́* — мошонка с детородными ядрами, Арх. (Подвысоцкий); *о́бчество* и рядом *в абчествѣ* Моск. (Чернышев), срвн. еще *сво́йство* и *свойство́*.

мнение и О. Брока); четвертое samò (ib. 125) — неясно; а в пятом naćalò 135 возможно видеть опечатку.

У В. Мансикки отмечено: *молокѡ, давнѡ, тяжолѡ, грешнѡ* и по аналогии *дюжѡ; отошлѡ, онѡ.*

У Н. Виноградова можно отметить следующие подходящие сюда случаи: *всё роўнудѡ* 76, и по аналогии явившееся *хорошудѡ* 73.

Ф. Тонышин привел следующие примеры: *днѡ, селѡ, помялѡ, колесѡ, ремеслѡ, обществѡ; веселѡ, краснѡ, сильнѡ, далекѡ, серѡ, теплѡ, холоднѡ, голоднѡ, студенѡ, злѡ, на злѡ,* и по аналогии: *вонючѡ, горячѡ;* исключением являются имена существительные на *-цо* и *-чо* с открытым *о: кольцо́, яйцо́, лицо́, плечѡ;* в *виньцѡ* хотя наблюдатель и отметил напряженное *ѡ,* тем не менее видно из поправок в этом месте, что первоначально он обозначил его открытым.

Характерным исключением и в памятниках, и в говорах является числительное *сто:* сто́лѣ Сборн. 269 об., sto Тотемск. 130, *сто* Ряз. Ответ на это явление можно найти путем сравнения с сербским и словинским языками: в то время, как в сербском языке во всех приведенных выше категориях *о* является кратким и не передающим своего ударения предшествующему слогу в виде ", шток. сѐло, вретѐно, жу́то, грѐбло, гребѐно, дно, са́мо, чакавск. mlīkȍ, vīnȏ, golȏ, bēlȏ, onȏ, zorānȏ, в числительном же *сто* наблюдается долгота и нисходящее ударение: шток. и чакавск. stô: вряд ли означенную особенность можно объяснить только исчезновением глухого после *с,* ибо в подобных случаях у имен существительных и прилагательных наблюдается сокращенное *о:* шток. днȏ, цклȏ, злȏ; словинск. stǫ̑ не так характерно, ибо при dnȍ имеется zlǫ̑.

Сербский и словинский же языки указывают в местоимении to долгое *о* с нисходящим ударением (шток. tô, но чакавск. tȏ; слов. tǫ̑, zatǫ̑, obtǫ̑, natǫ̑). Данные Сборника свидетельствуют исключительно об открытом *о:* тѡ 37, тѡ́ 47, тѡ́же пар. 155, втѡ́|же числѡ 133 об., тѡ́ѣ 18 об., тѡ́ соу̑ кѡ́злища 120, тѡ сѡ́мое 211, и̏тѡ́ ѣ̂ 317, прѡтѡ 318 об., втѡврема 219, 227 об., втѡ́

врéмА 222 об., 223. Псалтырь дает противоречивое показание: затѡ̀ 38 об. и тѡ̂ 22. Брок слыхал форму to с открытым *о* (подстрочное примечание на стр. 125), но в парадигмах выставляет тѡ̂,[1] считая первую форму чужою; мы думаем в виду вышеизложенного, что форма тѡ̂ новее формы то.

В отличие от сербских форм štѡ̂, tkѡ̂, но в согласии со слов. kdó, а у Хостника kdǫ̂, и Брок, и Тоньшин отмечают эти формы с открытым *о*: хто, ščo, što (124), štó-žo (144) — *што, кто (що)*. Однако Тоньшин при двукратном расспросе подтвердил, что при сложении с предлогами форма што звучит с *ô*: *зашто̂, нашто̂*. Памятники удивительным образом подтверждают сообщение Тоньшина.

Сборн.: ктѡ́ 8, 9 об., 70 об., ктѡ̃ 25 об., ктѡ́ли 25 об., ктѡ́ ѣсмъ 33 об., чтѡ́ 6, 8 об., 10, 11, 12, 76, 249, что́ 7, йнѡ что̀ 45, чтѡ́же ѣ̀ 129, что́ | ради 130 об., зайнѡ что̀ 325 об., но: нивочтѡ̂же 16, вочѡ̂ 8 об., почтѡ̂ 11 bis, 69 об., 104 об., почтѡ̂мА 295 об.; впрочем, возможно и: почтѡ́ 147 об., 182, 282, 285, 286 об., 310, почто́ 291; срвн. еще: ничтѡ́ 20 об. bis, ничтѡ́же 49 об., 107, 134 об., кроме того: ни|ктѡ́же 139. Псалт.: ктѡ́ 102, 147, 153, 154 bis, 159 об., 183, чтѡ́ 116 об., 162, 163, чтѡ́ти 160, чтѡ́сА хвáлиши 68 об. (4 об.), чтѡ́ ради 13, но: нивочтѡ̃|же 51 об., почтѡ̃мА 56, ничтѡ̃же 28 об., 102, 123, ничтѡ̃же 191 об.

Что касается местоимения кóждо Сборн. 289, кóжѡ ib. 184, кó|ждѡ̃ ib. 297 об., кóждѡ ib. 28, 132, 193, 197 об., 308, 313, то в нем открытое *о* правильно из древнего ъ (къжьдо), так же, как в тыѝ же тóжде ѣсѝ Псалт. 139 об., относительно кѡ̂иждо см. § 70.

Трудно определить, чем объясняется нисходящее ударение и вместе с ним открытость *о* в числительном *сто* и местоимениях *то, что, кто;* однако, можно догадываться, что означенные слова имели таковую особенность благодаря тому, что им часто прихо-

[1] Вероятно, под влиянием этой формы явилось *ô* в tôt, где мы ожидали бы открытое *о* (< tъtъ).

дилось стоять не в абсолютном конце звукового комплекса: срвн. *кто́-нибудь, что́-нибудь, кто́-либо, что́-либо* (чтóлюбо Кормч. 1650 г. 61; в этой Кормчей, как в Улож. и Ратн., строго проводится употребление значков ´ и `; последний всегда в конце слов), *кто́ это, что́ это,* народн. *кто́-йто, что́-йто, то́ есть, не то́ што, на то́ места* Моск. Клинск. (Чернышев, 27), срвн. у последнего местоимения в других падежах: втѣ́поры Улож. 49, 52, 119 об. и в других местах часто *ф те́ поры* Тверск. Каш., Смирнов, *ф ту́ пору* Терск. Греб., Караулов, наше *то́тчас* при *тотчáс*); числительное *сто* также сливалось со следующим словом: сторýблéвъ Улож. 107 об., столѣ́тъ Ратн. 31, стокрáтъ Сборн. 1647 г. 866; в Сборнике, наоборот, теряет ударение не *сто,* а *лет;* срвн. слияние со следующим словом других числительных: двáгода Улож. 299, трúгоды ib. 300, трúдни ib. 185, Кормч. 1650 г. 589 об.; в говорах очень обычно: купить и в *трúдорога,* да *втрúмила* ДСл., I, 242; *двá года, двá ряда, двá раза, трú рас* и даже *сто́ рас.* Словинский язык дает некоторое указание на перемену характера ударения в конечном слоге при присоединении к нему энклитики. M. Valjavc'om (Arch. für Slav. Phil., V, 157 и след.) указано, что формы ед. ч. повелительного наклонения с кратким ĭ меняют это краткое i на долгое с нисходящим ударением, если к ним примыкает местоимение в виде энклитики (leži̯, nesi̯, но: ležî mi, nesî me). Объясняется это явление Валявцем влиянием форм дв. и мн. ч. ležîva, nesîte; нам же думается, что в последних формах характер î обусловлен окончаниями -va, -te, которые являются такими же энклитиками по отношению к основам leži-, ńesi-, как mi, me к формам 2-го лица ед. ч. ležĭ, nesĭ. Срвн. выделение в русском языке окончания *-те* в особую частицу, то присоединяющуюся к другим формам: *пойдемте,* то отделяющуюся в форме 2-го лица мн. ч. другими частицами и даже словами: сев.-великорусск. *глядикоте* (у Кирши Данилова: *бегикате*), Олон.: *дай волю те-тко,* победные соседушки! (Е. Барсов. Причитанья северного края).

§ 75. I. Род. пад. ед. ч. местоимений с окончанием на *-го* в памятниках всегда имеет напряженное *ô*.

Сборн.: накогô 23 об., нинакогôже 246 об., чегô 156 об., ничегô 154 об., когôжѡ 25, егô 13 об., нанегô 19 об., всегô 172 об., ѿвсегô 7 об., сегô ради 9 об., сегôбо рáди 5, ѡ̀ногô 228, само|гô 145 об., насамогô 19 об., твѡ̀гô 4 об. и в других местах. Псалт.: когó̑са оу̀бою̀ 32 об., ѐгó̑же 143, 164, ѿнегó̑же 40 об., сегó̑ради 38, 55 об., 59 об. bis, 60 об., 85, 157 об., 170, 173 об., 174, 174 об., ѿтогó̑бо 79, тогó̑ ѐсть 131 об., ѿтогó̑ 79 об.; ѐгô 12 об. (26 об., 40 об., 201), рóда тогô 132, моѐгô 36 об., 173 об., твѡ̀гô 186, 216 об., свѡ̀гô 199 об.; ѿкогôса... 32 об., ѐгôже 82 об., 145, ѐгô 23 об., 141 н. раз, 143 об. bis, 144 н. раз, 148 об., 152, ѿнегô 155 об., сегô ради 172 об., 174, 214 об., тогô 131 об., 201, моегô 63 об., 173, 183 об., твоѐгô 122 об. (141 об.), свѡегô 145 (147 об.). Исключение замечено лишь одно: ѿрода сегò 15.

Русские говоры в отношении разбираемой особенности резко распадаются на две группы: 1) северновеликорусские, в которых напряженное *о* сохраняется очень хорошо и 2) южнорусские, в которых напряженность *о* потеряна.

В Тотемск. О. Брок отмечает: «в род. пад. местоимений опять находим при ударении *-ô:* kovô кого, tovô, ćovô» (41); из других мест описания: jòvô 124, samovô 2, śovô 123; впрочем при sóvôdńi 125 встречается śovódńi 99, которое Брок объясняет, повидимому, заимствованием из других говоров.

В. Мансикка также отмечает в Грязов. *ничевô*.

Н. Виноградов указывает, что в Шунг. в этой форме слышится самое резкое *уо* (стр. 7) и, действительно, в его записях здесь чаще всего отмечен этот звук: *ковуò* 68, 71, *човуò* 7, 9, 44, 45, 56, 71, 75, 78, *ничовуò* 7, 9, 22, 38, 60, 64, 65, 69, 73, 78, *ёвуò* 7, 8, 56, 66, 67, 68; *всёвуò* 7, 8, 22, 56, 57, 59, 74, 77, 79; *оттовуò* 68, *одновуò* 67, 68, 72, 76, *твоёвуò* 8, 22; *своёвуò* 65, *своуò* 78, реже: *ёво* 56, *тово* 64, *всёво* 71, *твово*

23 и в др. местах; отметим, что в совбдни звук *уо* не отмечен, хотя слово встречается нередко (см. 9, 17, 23, 58, 64, 69).

Среди трех примеров, приведенных Далем на вятское *уо*, отмечено как раз: *ничевуо* (О наречиях и пр., 27).

Обращаясь к акающим говорам, мы не найдем здесь в этой форме *ô*. Ф. Тоньшин категорически указывает на открытое *о*: *таво, каво, чаво, его, таго, каго, чаго, моего, своего, одного, самого*. В обоянском говоре, как нам удалось выяснить (Гласные в слоге под ударением в момент возникновения в обоянском говоре, СПб. 1904 = Изв. IX_1, §§ 8 и 9), аканье предударного слога находилось в зависимости, между прочим, и от того, было ли в слоге под ударением древнее *о* или *о* из древнего *ъ* *(сяло — лисок)*; в настоящее время мы можем дополнить в зависимости от древнего *о* из напряженного *о*, ибо все примеры, приведенные в § 8 вышеназванной работы, имеют *о* < *ô*; что касается аканья перед древним открытым *о*, то данные обоянского говора, которые мы имеем в своем распоряжении, на этот вопрос ответа не дают, ибо аканье в предлогах *без, перед, через* и отрицании *не*, при которых можно было бы встретить в следующем ударенном слоге открытое *о* с его влиянием на предыдущий слог, было нарушено аналогией (см. § 11, срвн. еще не только *ня поп* IV, 23, 42, 94, но и *ня гот* IV, 87, *ня бох* IV, 17, 102, 103, *ня вор* IV, 30, *ня рот* (= род) IV, 23; не только *ни скора* III, 17, IV, 35, 79, 88, но и *ни добрая* IV, 54; не только: *ня ломя* IV, 32, *ня сходитца* IV, 15, *ня носють* IV, 27, но и: *ни сломитца* IV, 36, *ни ходить* IV, 27). Так вот, в этом говоре вместо ожидаемого *я* перед окончанием *-го* обычно встречается *и* при редком *я* (§ 10): по моему мнению, это было обусловлено переходом конечного напряженного *ô* в открытое *о*, какое мы наблюдаем в Рязанском говоре.[1]

[1] Ни акад. А. А. Шахматов в материалах для *ô* из Кал. губ., ни проф. Е. Ф. Будде в материалах для дифтонгов для Тульск. и Ряз. губ. также не привели ни одного достоверного случая на *ô* в род. пад. местоимений.

Возможно, что в связи с потерей в акающих говорах напряженности *о* в этой форме находится одно характерное отличие акающих говоров от окающих, а именно обычное *-ho* при обычно окающем *-vo:* последнее именно обусловливалось напряженным *о*; когда выпадало *г* звук *о* развивал перед собою *в* (а может быть, и само выпадение звука *г* было обусловлено тем, что его выпирал вновь образовавшийся звук *в*) так же, как в начале слов (см. § 3); эта причина в акающих говорах исчезла, а потому *-vo,* успевшее, может быть, в некоторых говорах развиться в то время, когда еще было *о,* если только эти формы не заимствования из других говоров, — в них редко.

II. Почему в окающих говорах означенное явление не ограничилось местоимениями, в которых *о* находилось под ударением, объясняется не новою аналогией со стороны местоимений, а сохранением издревле, может быть, под тем же влиянием этого *о* и у имен прилагательных, числительных и местоимений с ударением на *о*.[1] Наши памятники дают великолепный материал для этого явления.

Сборн.: йноческагѡ 71, ви́димагѡ 5 об., йстиннагѡ 6, ѿдобрꙋдѣ́телнагѡ 6 об., найскренагѡ 23 об., нѣ́коегѡ 35 об.; вы́шнагѡ 12, 317 об., нѡвагѡ 30 об., теле́снагѡ 103 об., оу҃бо́гагѡ 105 об., ма́лагѡ 129 об., оу҃ти́шнагѡ 141, вели́когѡ 78 (кин.), е҆ди́ногѡ 12 об., на́шегѡ 5 об., 17 об.; вѣчна́гѡ 5, страшна́гѡ 131, хр҃да́гѡ 132 и др.; впрочем, чаще без ˆ над *го:* о҆бращаю́щагоса 21 об., вели́кого 22, ниеди́ного 24 об., молчали́ваго 141, сла́внаго йстрашна́го 23-2, смире́ннаго йкротка́го 16, тр҃бна́го 114 об. и др. Псалт.: йскреннагѡ 136, спаса́ющагѡ 148 об., пра́веднагѡ 8 об.; оу҃бо́гагѡ 156 об., льсти́вагѡ 154, вы́шнагѡ 151, сътвѡршагѡ 148 об., о҆бра|щъшагѡ 160, небе́снагѡ 126 об., си́лнагѡ 178, непови́ннагѡ 12 об., нани́щагѡ 14, е҆ди́|нагѡ 6, доеди́ногѡ 69 об., вса́когѡ 1, 151 об., 172, на́шегѡ 134, 135, 179 об.; горда́гѡ 122, свата́гѡ 148, морска́гѡ 215, чтна́гѡ 221 об., втѡра́гѡ 62 об.; значительно реже без ˆ над *-го:* ни́ща|го 13, а иногда сохранено ˆ над *-го,* но отсутствует основное

[1] О возможности сохранения *о* не в слоге под ударением см. § 62.

ударение: доѣдиногѡ 16, твѡрящагѡ 199 об., нашего 122 об., 135 об., ва|шего 75 об., вашегѡ 112 об.

Но самое интересное в этой Псалтыри заключается в знаке ударения над ѡ при основном ударении: ѡбидящагѡ 93 об., изгѡнящагѡ 58 об., праведнагѡ 101 об., 211 об., праведнаг|ѡ (на подклеенном 47 листе), вышнагѡ 103 об. и однажды при отсутствии основного ударения: въстающагѡ 98. Последнее явление (если только здесь не случайный пропуск главного ударения на -ств-), конечно, следует сравнивать с великорусскими фамилиями на *-во́: Дурново́, Благово́, Сухово́*. Следовательно, хотя *ѡ* у имен прилагательных в окончании *-го* в общей массе и не имело на себе ударения, но оно могло притягивать на себя таковое, если имя прилагательное выходило из категории имен прилагательных, которые своей акцентовкой других падежей препятствовали перенесению ударения на окончание (срвн. сербск. диалект. staregà, staremù, starimì, starimà).

ГЛАВА X.

Напряженное *ѡ* в окончании членных имен прилагательных, а также местоимений и в твор. пад. ед. ч. имен сущ. женского рода и местоимений.

§ 76. Во всех падежах ед. ч. членного склонения имен прилагательных, порядковых числительных и местоимений, где имеется ударенное *о*, за исключением имен. пад. ед. ч. муж. рода это *о* является напряженным.

Сборн.: им.-вин. п. ср. р.: седмѡѥ 257 об.; злѡе 11 об., ѧзлѡѥ 74, назлѡе 210, блгѡе 13, 76, 126 об., 135 об., 225 об., прѡстѡе 164 об., слабѡе 241 об. (акцентовка для великорусских памятников редкая), дрꙋгѡе 5 об., 37, 71 об., 121 об. bis, 141 об., 144 об., вторѡѥ 129, 251 об., втѡрѡѥ 133, 152 об., 162, 173, вовтѡрѡе 111 об., ветхѡѥ 15 об., вседмѡе 266 об., ѡсмѡѥ 256, кроткѡе 141, бѣсовскѡе 41, мирьскѡе 37 об., чнѡе 136, 244, долъжнѡе 30, 149 об.; оумнѡѥ 5 об., блꙋднѡе 72, кртнѡе 19 об., страшнѡе 23-2 об., 113 об., 129 bis, 142, 145 об.,

вѣчнѣе 234 об., мощнѣе 241 об., земнѣе 136 об.; распатѣе 240; инѣе 47, 174, 226 об.; таковѣе 187 об.; род. пад. ед. ч.: иного 23-2 об., 93, 263; свер'стнѣго 212; инѣго 4, 74, 156 об., 185 об., 205 об.; дат. пад. муж. и ср. р.: шестомъ 266, квѣ|чномъ 260, кне|мощномъ 16 об., иномъ 102; злѣмъ 32 об., слѣпѣ|мъ 15 об., постомъ 139, 190 bis, дрѣгѣмъ 99 об. (кин.), блгѣмъ 73 об., 195, 220, 315; прѡстѣмъ 190 об., семѣмъ 256, ѣ|смѣмъ ib., грѣстѡкѣмъ 124 об., мирьскѣмъ 20 об., 149, бѣсовьскѣмъ 165, сладкѣмъ 249 об., вѣчнѣмъ 17, 176, 211 об., кземнѣмъ 136 об., 141; къиннѣмъ 39 об. (193, 205 об.), коинѣмъ, таковѣмъ 145 (249), и по аналогии болшѣмъ 35; дат. пад. ж. р.: шестѣи 266, 271 об. ковтѡрѣи 133, мискѣи 326 об.; твор. пад. ж. р.: блгѣю 42 об., настѣю 119 об., плѡскѣю 327, таковѣю 204 об.; местн. пад. м. и ср. р.: вощсмѣмъ 255 об., врѧдѣ инѣмъ 63 об.; ѣторѣмъ 111 об. (кин.), востѣмъ 174 об., вветхѣ[м] 177; местн. пад. ж. р.: навтѡрѣи 287 (срвн. правильно в им. п. ед. ч. м. р.: сѣхои 221 об., ѡсмои вѣкъ 256). Псалт.: им.-вин. пад. ср. р.: сватое 123 об., 146, сватѣе 144, стѣе 189 об., стое 199, благое 69 об., чермнѣе 188 bis, вче|рмнѣе 147 об.; сватѣе 218, 221 об., стѣе 139 об., страшнѣе 221 об., чермнѣе 226, честнѣе 1; род. пад. м. и ср. р.: инѣго 214; дат. пад. м. и ср. р.: крѣпкѣмъ 55, страшнѣ|мъ 102 об. bis, че|(рмно)[м]моу 147 об.; живѣмъ 55; стѡмоу 150 (с ѡ вм. *о*); твор. пад. ж. р.: морскою 122, крѣпкою 188; немощнѣю 222; замечено четыре исключения: стѡмъ 202 об. (значек ударения поставлен киноварью), стѡю 4, инѣю 9, краснѡю 227.

В род. и дат. пад. ед. ч. ж. р. и местн. пад. того же числа всех родов местоименного склонения в памятниках также отмечается *ѣ*.

Сборн.: род. пад. ед. ч.: истои 267 об.; болѣ тѣи пѣчести 45 об. (вероятно, под влиянием дат. и местн. пад.); местн. пад. м. и ср. р.: инатомъ 5 об., потомѣ 261 об., потомже 257; втѣмъ часѣ 19-2, потѣмже 140, 140 об., 141, 146, 147, 162 об., потѣмъ 31, 39 об., 137 об., въхрамѣ тѣмъ 153, натѣмъ 74

(146), ѡ̑тѣ̂мъ 49 об., 161, втѣ̂мъ 47, 165 (122), всѣ́момъ тѣ̂мъ нѣ̑бси 32, ѡ̑нѣ̂мъ 181, 219, 223 об., 225 об., 230; вчесѣ̂мъ 104 об., нивчесѣ̂мъ 100, нивчесѣ̂мже 102; местн. пад. ж. р.: ѡ̑тѣ̂и 126 bis, ѣ̑тѣ̂и 81 (кин.), тѣ̂и 123, ѡ̑нѣ̂и 181, 219. Псалт.: местн. пад. м. и ср. р.: врѡ́дѣ̀ и̇нѣ̑мъ 63 об., о̇тѣ̂мъ 8, потѣ̂мъ 13 об.

В Тотемск. О. Брок в схеме склонения членных имен. прилагат. и местоимений отметил им.-вин. пад. ед. ч. ср. р. с *о* открытым: zlǫ́o̯ 126, kakǫ́o̯ 125, однако на стр. 41, где идет речь об *ô*, указал, что у длинных (= членных) прилагательных обычно *ô*, и привел 3 примера: ṕrosnô̯ö̯, moł̨odô̯ö̯, parnô̯ö̯ moł̨okô, так что можно думать, что в парадигме опечатки. Что касается случая muśkǫ́o̯ö̯ pł̨ato̯ö̯ 88, то здесь *о* вместо ожидаемого *ô* под влиянием обычного произношения, знающего после мягких согласных лишь одно открытое *о*. Формы других падежей (род., дат. и местн. пад. ед. ч. м. и ср. рода, род., дат., твор. и местн. пад. ед. ч. ж. рода имен прилагательных членных, числительного *один* и местоимений) в схеме склонений они отмечены с *ô*[1] (стр. 125 и 126): zł̨ôva, gł̨uxôva, zł̨ômu, zł̨ôm, zł̨ô̯i̯, tôm, tô̯i̯, kakô̯i̯, samô̯i̯, кроме того: o kôm (стр. 40), odnô̯i̯ (стр. 129), drugô̯i̯ dorôgo̯i̯ (40), при чем это *ô* переходит по аналогии в мягкое склонение: tŕet̨iôva, tŕet̨iômu, tŕetiô̯i̯, но: f tŕet̨iôm (стр. 131), bol'šô̯i̯ тв. п. (стр. 40), ć̣iô̯i̯ (стр. 125), fšô̯i̯ ib., i̯ô̯i̯, i̯ôm (стр. 124), mo̯i̯ô̯i̯, svo̯i̯ô̯i̯, mo̯i̯ôm (стр. 125), svo̯i̯ôm (стр. 40), fšôm (стр. 34).[1] Относительно твор. пад. ед. ч. ж. р. Брок предполагает заимствование со стороны род., дат. и местн. пад., указывая на žonô̯i̯ (стр. 40). Зато им. п. ед. ч. м. р. правильно с *ó*: ńomó̯i̯, kosó̯i̯ 35.

В Грязов. сюда относятся: *потѣ̂м* нар., *тѣ̂й, такѣ̂е, оржанѣ̂е*.

В Ряз. здесь без исключения *ô*: *другѣ̂е, злѣ̂ва, никакѣ̂га;* косв. пад. ж. р.: *больнѣ̂й, прямѣ̂й; слепо́му, в глухѣ̂м, в пустѣ̂м, в дру-*

[1] Kakóva (стр. 125) возможно считать за опечатку так же, как и fšom ib. В случаях xudóva (стр. 73, 144), v-odnó̯i̯ šołuché 25 и na šömóm ńeb̨e (стр. 124) возможно видеть неточности записи, так как примеры приводятся для выяснения других фонетических особенностей. Что касается v' odnóm-to ḿést'é (115), то О. Брок допускает в этом случае влияние извне.

гôм; тôй косв. пад. ж. р., *на тôм, о самôм, о какôм* и по аналогии: *большôй, меньшôй, старшôй* косв. пад. ж. р.

Дат. и местн. пад. ед. ч. женск. рода шток. mõj при чак. tõj, местн. пад. ед. ч. муж. рода шток. tõm (tõme) при чак. tõn ясно указывают на древнее восходящее ударение. Род. пад. ед. ч. ж. р. *тôй* и твор. пад. *тôю* и *тôй* являются как следствие приноровления к другим падежам. Слов. язык не дает материала для сравнения, за исключением местн. пад. о kǫ̑m (Валявец) или o kǫ̑m (Хостник), где ǫ находится вместо ожидаемого *ǫ* или *о* под кратким ударением. Что касается *о* в членных формах, то чак. наречие своим нисходящим ударением novõga, novõmu, novõj вряд ли может свидетельствовать об исконном нисходящем ударении, ибо таковое по общему закону перешло бы на предыдущий слог; с другой стороны, старое восходящее ударение явилось бы виде ̏; это нисходящее ударение, конечно, обусловлено стяжением гласных, из которых в сербском языке первый был ударенным, и явилось в сравнительно новое время. Какой процесс переживал русский язык, трудно сказать; однако по согласному показанию в этой форме *ô,* даваемому памятниками и говорами необходимо предположить, что здесь было восходящее ударение. Мне представляется здесь допустимым влияние местоименного склонения, в котором *о* в известных падежах было безусловно под восходящим ударением (см. выше), и затем проникновение такого *о* в другие падежи (род. и дат. пад. ед. ч. муж. рода и род. и твор. пад. ед. ч. ж. рода), хотя возможно, что и *о,* получавшееся по стяжении, имело восходящее ударение (срвн. особый характер в этом случае нисходящего ударение в сербск. языке).

§ 77. В этом параграфе рассмотрим употребление звука *о* в окончании твор. пад. ед. ч. а) имен сущ. женского рода с осно-

---

[1] Шток. mlȃdõga, mlȃdõm, mlȃdõme, mlȃdõj имеет на первом слоге нисходящее ударение вместо древнего восходящего (чак. mládī и т. д.), так что также не может свидетельствовать о переходе нисходящего ударения с суффикса на первый слог.

вою на *-а,* а также б) личных и возвратного местоимений. Данные Сборника всегда указывают таковое *о* напряженным: а) рѫ̂кѫ̂ю 102, согрѡзѫ̂ю 307 об., и҃вѡдѫ̂ю 277 об., 278 bis, 278 об., лѫ̂нѫ̂ю 278 об.; водѫ̂ю 14 об., 38 об., 275 bis, 278, 278 об., 318 об., рѫ̂кѫ̂ю 234 об., стѣнѫ̂ю 31, 151, ногѫ̂ю 225 об., цѣнѫ̂ю 171 об., 174, съженѫ̂ю 42 об., прѡстотѫ̂ю 13, красотѫ̂ю 160 об., чтотѫ̂ю 7, 263; б) сомнѫ̂ю 16 об., 235; прѣдо|мнѫ̂ю 23-2; подомнѫ̂ю 237 об. bis; предтѡбѫ̂ю 36 об., прѣтобѫ̂ю 70, подтобѫ̂ю 217; прѣсобѫ̂ю 181 об., пѡсѡбѫ̂ю 198 об., сѡбѫ̂ю 20 об.; Псалт. имеет: а) для имен сущ. лишь один раз *ô:* красо|тѫ̂ю 59 об. против двух случаев с открытым *о:* горбю 4, надъглавбю 192 об.; б) для местоимений всегда *ô:* предомнѫ̂ю 98, со|мнѫ̂ю 90 об., предтѡбою 51 об., стѡбѫ̂ю 98 об.; предтѡбѫ̂ю 222 об., предсѡбѫ̂ю 6 об., подтѡбѫ̂ю 59 об.

Говоры не дают согласного указания. В Тотемск. О. Брок определенно указывает (стр. 40), что твор. пад. ед. ч. имен сущ. ж. р. имеет открытое *о* и примеры, взятые из разных мест его описания, подтверждают его слова: žonǫ́ 40, wdowǫ́ 73, sovǫ́ ib., rukǫ́ 102, gorǫ́, za ŕokǫ́ 126, boronǫ́ 139; точно так же и в твор. пад. ед. ч. личных и возвратного местоимения отмечено открытое *о:* mnǫ́, tobǫ́, sobǫ́ 124. Наоборот, в Ряз. и в тех, и в других случаях всегда *ô: рукốй, ногốй, головốй, спинốй, сосно́й; со мно́й, тобо́й, собо́й.*

Сравнение с другими славянскими языками в данном случае не может оказаться полезным, ибо и в словинском, и в сербском языках окончание в отмеченных формах произошло путем стяжения и не может отражать характерных особенностей, связанных с этим звуком *о;* к тому же в местоименных формах была иная акцентовка (сербск. шток. тòбо̑м, сòбо̑м, чакавск. nȁmūn, tòbūn, sòbūn Изв. XIV$_2$, 235; одна лишь штокавск. mnóme при mnôm могла бы свидетельствовать, что по стяжении образовалось восходящее ударение; в слов. tebǫ̑(j), nemǫ̑(j) надо видеть перенесенное ударение; напряженность *о* свидетельствует лишь о напряженности нового звука, явившегося по стяжении).

Как решить вопрос, что древнее, Тотемск. ли открытое *о*, поддерживаемое, правда, слабо данными Псалтыри, или Рязанское *ô*,[1] согласное с данными памятников. Я присоединяюсь к мысли О. Брока, имевшего, правда, данные лишь одного говора (стр. 40), что открытое *о* для этой формы древнее, ибо стать из напряженного открытым для него не было особых данных в этой форме, между тем как оно могло легко приобрести напряженность по аналогии от членных имен прилагательных, где оно было законно. К этому мнению меня склоняет и еще одно соображение, а именно наши памятники указывают, что древнейшей акцентовкой этих форм была наконечная; Псалт.: а) роукою̀ 226, роукою̀| 188, смѡлою̀ 217 об., оуздѡю̀ 39, троубою̀ 112 об., [землею̀ 133 об.]; б) сомнѡю̀ 28 об., 50, 66, предомнѡю̀ 50 об., 58, 66; тобою̀ 21 об., предт̀ѡбою̀ 50, 76 об., 90 об., предъ|тобою̀ 217, предсѡбою̀ 55; предомноу̀ 17, предомнѡю̀ 21, 51, 124, сомнѡю̀ 154 об., съмноу̀ 182, предтѡ|боу̀ 12, 24, 120, предътобоу̀ 195, предс̀ѡбоу̀ 70 об., 119, 125 об., с̀сѡбоу̀ 136 об.;[1] Сворн.: а) трѹ̀боу̀ 301 об.; б) сомнѡю̀ 9 об., 25 об.,

---

[1] Оно подтверждается, кроме того, характером обоянского аканья (Курск. губ.). Одним из обычных примеров, приводимых проф. Е. Ф. Будде для дифтонгов в акающих говорах, является именно форма твор. пад.

[1] Спешу оговориться, почему я склонен считать в данном случае значки ´ и ` над *ѡ* за знак ударения. Дело в том, что в этой Псалтыри часто над конечною гласною после другой гласной стоит знак `, который затруднительно считать за обозначение ударения (в Сборнике такой значок встречается лишь над *и*, которое следует произносить слоговым, а потому значок над *ѡ* не вызывает сомнения, что им обозначалось ударение), ибо современный язык не допускает подобной акцентовки, да и в самой Псалтыри этот значок является обыкновенно *вторым* значком ударения, помимо главного, соответствующего современному ударению. Такие двойные знаки наблюдаются в следующих категориях: 1) в твор. пад. ед. ч. имен сущ. и прилагат. женск. рода (при условии, если главное ударение находится не на предпоследнем слоге), напр.: пра̀вдѡю̀ 195 об., соу̀вто̀ю 69 (срвн. соу̀ета 51 об., Ѡсоу̀ѣты 80, всоу̀ѣтѣ 191 об., въсоу̀ѣтѣ 107 об.), желѣ̀зноу̀ю 4, съкроушѐнноу̀ю 217 и др.; 2) в дат. и местн. пад. ед. ч. членных имен прилагат. женск. рода, напр: повелѝшѣй 67, на|вселѐннѣй 40 об. и др.; 3) в род. и особенно часто в местн. пад. ед. ч. имен сущ. ср. р. на *-ïе*, напр.: в'склица̀нiа̀ 202 об.; ввесѐлiй 86, въ̀обличѐнiй 52, с̀спс̀ѐ|нiй и др.; 4) в им. пад. ед. ч. членных причастий наст. врем. действ. зал. муж. рода, при чем здесь нередко вместо одного ` стоит двойной значок ˝, напр: творя̀̋й 15 об., стрегі̀̋й 181 об.,

46 об., 295, 312 об., 313; сомною| 313; предо|мнѡю 294 об.; тобою 317 об., межоу тобою 261, стѡбою 325 об.; сѡбою 72, предсѡ|бою 234, собою 244 об., 272. О наконечной акцентовке формы, из которой образовалось чакавск. rūkún, догадывался А. Белич (Изв. XIV_2, 228—229). Таким образом, *о* в рукóю, тоббю стало ударенным на глазах истории и первоначально было открытым.

ГЛАВА XI.

Звук *о* в глаголах на *-овать*.

§ 78. Глаголы на *-овать, -ую* очень часто в Псалт. и Сборн. имеют вместо обычной накоренной насуффиксную акцентовку в согласии с другими др.-р. памятниками. Псалт.: въслѣдоу҃е 217 об., наслѣдова́ша 146 об., сѣтоу҃а 50, 56, 56 об., радова-

---

ѵ́збавлѧ́мꙑ 67, спаса́ай 22 об. (следует отметить, что в им. пад. ед. ч. членных имен прилаг. муж. рода такого двойного значка никогда не бывает; всегда: вы|шнiи 119 об., нощны́и вранъ 138); 5) в им. пад. мн. ч. м. р. членных имен прилагат., местоимений, причастий наст. и прош. времен действ. и страдат. залогов, напр.: пра́вы҃ 39, чоужи́ꙋ 70 об., ти́ꙋ 32 об., 46 об., люба́щей 54, стѫжа́ющей 4 об., всѣ́дшей 102, сѧ́ждемы҃ 138 об. и др., и 6) в следующих отдельных случаях: нажре́|бiи҃ 180 об., воiоу҃де́ꙋ 101 об. Иногда вышеприведенные формы встречаются лишь с одним конечным значком, напр.: небеснѣ́ꙋ 218 об., глаголя́ꙋ 136 об., вѣ́дущей 122 об., велерѣчующей 45. В виду последних форм можно было бы отрицать и за значком ` самостоятельное значение в твор. пад. ед. ч. имен сущ. ж. рода и местоимений (троубою, мною). Против такого заключения я выставлю следующие возражения: 1) двойных значков в формах твор. пад. им. сущ. ж. р. при главном ударении на предпоследнем слоге в памятниках не отмечено ни разу; 2) в отличие от второстепенного значка ударения, никогда не заменяющегося ´, значок над *ѡ* в этих случаях очень часто замене́н ´ (примеры см. выше); 3) у тех местоимений, у которых ударяемость *ѡ* в твор. пад. поддерживалась ударяемостью подобных форм, формы с ударенным *ѡ* встречаются во многих древних русских памятниках, в которых уже формы типа рукою и тобою, как не поддерживаемые аналогией, исчезли совершенно; напр.: Торж. XVI в. пре҃нею 69 об., тою 557, Новг. лет. совсе́ю си́лою 477, своею 408 об., Триф. Кор.: снею 50 об., тою 26, Ратн.: ѡ́дною | ро́тою 165, сею 3 об., тою 4 и много др. (тою, ею, своею поддерживались род. пад. тоѣ Улож., 139, еѣ, своеѣ); в Псалтыри сюда относятся: надъ|всею 133 об., си́лою твѡею 25, надъглаво́ю моѣ́ю 192 об. и т. д.; здесь же отметим форму род.-местн. пад. дв. ч.: роу҃кѕ твоею 195 (срвн. твоѣ́ю ро́кѕ Тр. П 1589 г. 83 об.); в Сборнике: снею 232, ѣ́юже 45, всею 76, 168 об., со- 38 об., пре҃- 20 об.; всею дѡю за́повѣ́дїю 107 об.

нїа 55 об., но: рáдо|ваніемъ 62 об., возрáдоуюсѧ 77, оўтреневаха 107 об.; Сборн.: пѹтéмъ | шествовáвъ 320, впоўть шествоўѧ 110 об., сѣтоўюще 72, їсповѣдоўи 40, наслѣдоўи|те 13, послѣдовáша 13 об., требоўемъ 27 об., [спратоўѥтсѧ 35 об., наказоўюще 100,] ѡправдѡвáти 23 и др., но: непомúлова|хѫ 117 об., рáдѹитесѧ 100, назнá|менѹющи 146, знáменовати 215 об., рáтованїе 316 об., рáтѹющеисѧ 317; срвн. Пал. XVI в.: ратоўють 59, но: рáтовахѫсѧ 168; Нов. Зав. XIV в.: вѣровáли 44 bis, вѣровáвшїи 72, требоўюще 89 об., вслѣдовáвше 86 об., вслѣдоўюща 41 об., но: вѣровавшии 144, послѣдоуѥте 84 об., послѣдоваху 157. Срвн. слов. radováti se, slędováti, izpovędováti, znamenováti, milováti при mílovati, но: vérovati (суффикс с древним восходящим ударением). Мне думается, что мы имеем дело в этом колебании в устах одного и того же писца[1] с русскою особенностью, отразившеюся в современном языке колебанием акцентовок по разным говорам, срвн. совр. *мúловать* (прощать), а в народных говорах *миловáть (холить, нежить),*[2] *бáловать* и *баловáть, рáтовать* и белор. *ратовáць, лéтовать* Колымск. Богораз (срвн. лѣтовáти Кн. Степ. 675, но: зимовáти ib. 410) и *лéтовать* Арх. (Подвысоцкий). Если присмотреться к современным глаголам с накоренною акцентовкою, то окажется в них входят такие корни, которые имеют восходящую долготу в словах, образующих эти глаголы: *мúловать* (сербск. мѝо, мѝла, мѝло), *рáдовать* (сербск. рâд), *вéровать* (сербск. вѐра), *рáтовать* (сербск. рâт, рâти), *лéтовать* (сербск. лѐто), *пéстовать* (сербск. пѐст), *гáдовать* Арх. (Подвысоцкий, сербск. гâд)

[1] Писец Сборника, иногда отметив ударение на корне, находил его неудобным и зачеркивал, а вместо него ставил другое на суффиксе: назнáменоўютъ 135 об., ѡбрá|довáніе 154 об., и обратно: невѣровáша 290. Такое колебание писца в обозначении места ударения, можно догадываться, обуславливалось тем, что в этих словах, имевших по две восходящих долготы, каждая из долгот с одинаковою силою притягивала на себя экспиритарное ударение. Писец же Новг. лет. в этом случае ставил особый крючок ˆ: жáлѹютъ 409 и обратно нежáлуетъ 500 об. (жáлѡвати 408 об); срвн. молѡды́е 610 об. при молоды́е 491 об. и молóдыя 491, 517; однако спешу оговориться, что этот крючок далеко не всегда стоит, где мы ожидали бы восходящее ударение.

и т. п., наоборот *голодова́ть* (сербск. гла̑д), *вековáть* (сербск. ве̑к), *гостева́ть* Терск. (Караулов, сербск. гр̑ст), *мужева́ть* Арх. (Подв., сербск. му̑ж), *толкова́ть* (русск. *бе́з толку*), *зимова́ть* (сербск. зи̑му), *торгова́ть* (сербск. тр̑г) и т. п. Итак, для того, чтобы глагол имел ударение не на суффиксе, необходимо было восходящее ударение на корне или на том слоге, который носит ударение, а потому вполне понятно обычное *о̑* в корнях глаголов этого типа.

Сборн.: пр̑лѯова|ти 158 об., непр̑лзовавша 241, пр̑льзу̑ѣтъ 149 об., пр̑лзу̑ѣтъ 102 (145 об.); бе̑зак̑нну̑щаѧ 147 об.; спѡсо̑бьству̑ю̑щїй 230 (срвн.: бе̑ѯмѡ́лъство|вати 103); Псалт.: зло̑боу|ющей 32 об.; беззак̑нноующей 30, -нѡваxомъ 147 об., беззак̑нноуите 207, -нѡваша 171 (срвн. еще со вторым ударением: беззак̑ннѡва́xомъ 216); Тотемск.: por*ȏ*tšyvaťь 39 [но: prospóćivaťь 143]; Костр. Шунг.: *попрýбовал* 65; Ряз.: *по̑льзоваться, расхо̑довать, по̑тчевать,* но: *про́бовать* (срвн. § 29).

Характерно, что основа *способ-*, образуя глагол на *-ствовать,* принимает акцентовку слов типа *зако̑н,* в которых надо предположить восходящее ударение (см. § 5, 27), а не сохраняет акцентовку *спо́соб,* при которой он в великорусском наречии имел бы нисходящее ударение, срвн. *по́вод* (см. § 13).

ГЛАВА XII.

Звук *о* в именах собственных и книжных заимствованиях.

§ 79. В заимствованных именах собственных при ударении на *о* такое *о* в большинстве случаев отмечается напряженным.

Сборн.: е̑но̑хъ 297б об., а̑мо̑съ 300 об., ло̑ть 265 об. (место не ясное), соло̑монъ 254 об., 266 об., соло̑|мо̑скѡе 255, содо̑мляны 278 об., пахно̑тїа 236 об., григо̑рїа 64 об.; а̑вир̑нъ 19, зин̑на 201 об. спиридо̑нъ 233 об., -о̑на 223 об., мамо̑нта 30 об., і҃ѡа́номъ колѵво̑ 152 об., о̑ива́ннѣже колѵвѣ 189 об., ф҃егно̑стъ 320, е̑нбхъ 310, село̑мо|нъ 255, а̑ндр̑нико|вьскїи 233 об., а̑ф̑ньскїа 235 об., гор̑нтїа 223, со҃е̑нїа 301 об., ф҃еѡдо̑сїе

217 об., -їа 226, а҃нтѳ|нїе 190 об. (217 об.), а҃ммѳнїе 150 об., варсѡнѳеіа 105, 228 об., -іе 229, григо҃рїа 72 об., -іе 159 об. (166), пахѳмїю 16 об., феврѳнію 226. Исключений замечено одно: нико́|лѣ д. п. 233.

Псалт.: а҃а҃ро́нъ 135, -а 145, 148, а҃а҃ро́нь прил. 160 об., -ню 184 об., -нею 104, а҃виро́на 148, въе҃лфего́ръ 149, і҆е҃рмо́нъ 122, вавило́на 119 об., фаво́ръ 122, заѣ҃ло́ни прил. 88, а҃ммо́нъ 114 об., воа҃е҃ндо́|рѣ ib., салмо́на ib., сило́мьскоую 109, а҃е҃рмо́нъскаѧ 185, е҃до́мскїа 205, ѿгомо́рры 209 об.; дщи вавилѳпа 189 об. (227 об.), вавилѳньстѣи҃ 188 об., а҃а҃рѳнь прил. 161, 163, е҃дѳма 77 об., е҃дѳмскїа 227 об., всел҃мѳнѣ 87. Исключений замечено одно: е҃до́мскїа 189.

Тотемск.: Ontôn 37, Grigôŕeį 146, но: Jogóŕei 65, 147, L'övónťeį 99, 146, Ovdótįa 144.

Грязов.: *Онтѳ́н, Тимѳ́шка, метропо́лия.*

Ряз.: *Антѳ́н, Спиридѳ́н, Григо́рий, Со́ня, По́ля,* по: *Про́хор.*

Сравнение с другими языками, за недостатком материала, затруднительно, отметим лишь приведенные в словаре Хостника слова: Grǫ̂ga (Григорий), Polǫ̂na (Аполлинария), Tǫ̂ne (Антон).

§ 80. В заимствованном слове *суббо́та* памятники имеют напряженное *о́* (всѫ́бо́тѫ Сборн. 257; е҃соубо́тѣ Псалт. 49 об., соубо́ты ib. 62 об.) в согласии с слов. sobǫ́ta; в слове же *ико́на* открытое (и҆кѡ́ны Сборн. 171 об., 234, и҆кѡ́нникъ ib. 224, пре҃и҆кѡ́ною ib. 233; и҆ко́ны Псалт. 225 об.) в согласии sykónoį Тотемск.; у Плетершника отмечена лишь долгота *o:* ikōna. Слово *апостол* имеет напряженное *о* в Рязанском говоре в согласии со слов. apǫ́stol (но в Сборн. *о:* а҃по́|сто҃ 274, а҃пѡ́столъ 15 об., а҃пѡ́|сто҃скими 184 об., а҃по́сто҃скимъ 115, а҃по́сто҃ское 278 об.).

Здесь же отметим другие заимствованные слова: анагнѳсти ѿана|гнѳстъ Сборн. 123 об., и҆кѡнѳма ib. 204; а҃нафо́ры ib. 71 об., а҃нафо́ре ib. 71 об. (слов. anāfora); кивѳ́тъ Псалт. 184; Тотемск.: prokurôn 37, kartófeĺ 147, pótšta, dóxtur 148 (слов. dōktor); Грязов.; *кардѳ́н, картѳ́шка, ладѳ́н, ремѳ́нту.*

Кроме того, следует отметить открытое *о* на месте вставочного в слове *псалом:* ѱалѡмь Псалт. 112 об., 192, 202 и в других местах, ѱалóмь 24, ѱл҃ѡмь 13 об., ѱл҃ѡ̀мь 141, 190 об., псалóмстѣ 134 об , ѱалóмскихь 95.

ГЛАВА XIII, ДОПОЛНИТЕЛЬНАЯ.

Некоторые общие выводы из наблюдений над русским ударением.

§ 81. Нам приходилось читать (Hirt, Indogermanische Accent), что ударение есть «душа слова»; однако согласиться с таким положением мы не можем: «душа слова» это его значение, без значения слово мертво. Если говорить образно и брать образы из той же области, то к ударению (мы имеем в виду главным образом славянское) может быть приложено всего лучше название «центра тяжести слова». В самом деле, чтобы «поднять слово на ноги», т. е. произнести его, мало того, чтобы последовательно произнести все звуки, необходимо еще знать, около которого звука сконцентрировать все эти звуки, т. е. необходимо знать место его ударения. В сложном слове (2—5 слогов, редко более), ударение может занимать безразлично любой слог, в многосложных же словах ударение, как бы боясь нарушить равновесие слова, чуждается конечных слогов и стремится занять *срединный* слог. Наглядным образом, это видно при сравнении простых слов со сложными. Слова, осложненные приставками: *бытиѣ,* но: *собы́тие, званьѣ,* но: *назва́ние, столà,* но: *престóла, валà,* но: *отва́ла* р. п., *бедà,* но: *побéда, слугà,* но: *заслýга,* кроме того, срвн. сказанное о причастиях страдательного залога на *-ан* в § 22, односложным не чужда наконечная акцентовка, многосложные же таковой чуждаются: *званъ, званà, званò, обéщан, обéщана, -но.* В виду того, что осложнение приставками не делает еще слова многосложным, то часто при сложении сохраняется место ударения простого слова: *бытиѣ* и *забытъѣ, бедà* —

др. р. *победа̀, хвала̀ — похвала̀, звана̀ — позвана̀* и т. п. В словах же сложных, образованных путем сложения двух слов, что делает обычно слово многосложным, этот закон выступает ярче; отсылаю читателя за примерами к § 61, где приведены примеры из русского, словинского и сербского языков.

§ 82. Вышеприведенный закон — стремление ударения занять срединный слог — есть результат времени: чем дальше в глубь веков пойдем, тем чаще встретимся с наначальною и наконечною акцентовками: *челобитьѐ — челоби́тье, по́ложил — положила̀ — положи́л — положи́ла; на́ город — на го́род; на́ сковороду — на ско́вороду; ка́менистый — камени́стый, пра́витель — прави́тель* и другие привлечения ударения на суффиксы с корня. Обобщая предыдущее наблюдение, мы можем построить догадку, что при возникновении экспираторного ударения в славянских языках (вероятно, в общеславянский период) ударение всегда падало на первый слог с Nebenton'ом на последнем слоге. Такое допущение тем вероятно, что и другие родственные индоевропейские языки переживали наначальную акцентовку (срвн. древнеиталийский, древнегерманский и кельтский языки), остаток ее я вижу в чешском языке (германские языки не развили ее, а только поддержали сохранение), а также в северозападных говорах русского языка, где следует видеть не развитие новой особенности, а лишь сохранение старой под влиянием финских наречий. Первыми стали приобретать срединную акцентовку слова, имеющие в середине восходящую долготу при отсутствии ее в первом слоге *(набра́на,* но: *на́ духа,* однако, в др.-р. пам. можно встретить *на́право* — и затем *напра́во,* это очень редко, но очень часто: *на́ сухо, за́ просто; свяще́тель,* но *пра́витель* и затем уже на глазах истории *прави́тель);* другим и, вероятно, более поздним фактором отвлечения ударения с первого слога было исчезновение глухих: слог, за которым исчезал глухой, привлекал на себя ударение: др.-р. *не́су,* но: *несе́шь, несе́ть, несу́ть*; *те́рплю,* но: *терпи́шь, терпи́ть, терпя́ть; зу́бы — зубо́мъ, зубѣ́хъ, лю́ди — люде́й, люде́мъ, люде́хъ,* но в памятниках еще есть: *зу́бомъ —*

зу́бихъ, на́ зубпхъ, лю́дий, лю́демъ, по́ людемъ, лю́дехъ,[1] *на́ людехъ,* совр. *лю́дям, лю́дях,* предполагающих **не́сешь, не́сетъ, не́сутъ, те́рпишь, те́рпитъ, те́рпятъ* (срвн. греч. φέρω, φέρεις, а в Новг. губ. *бе́ру, бе́рутца*).

§ 83. Академиком Ф. Ф. Фортунатовым установлен закон, по которому при восходящей долготе в русском языке имеется орб, олб, ере́ (морбз — мра̂з), а при нисходящей бро, бло, ре́ре (пброх — пра̂х). Нам думается, что этот закон есть проявление более общего закона, по которому слова произносятся то с повышающимся тоном (задбр), то съ понижающимся (пбгреб), то со смешанным (побе́да). К этому нас побуждает сравнение подобных с полногласными формъ:

го́род — огоро́д — при́город: го́вор — разгово́р — при́говор;

хо́лод — хо́лодно — холо́дный: свобода̀ — сво́боду — др.-р. сво́бодни — свобо́дный;

ве́чер — вече́рний; до́черь — дочерний;

мо́лод — молодо́й — диал. моло́дый: ду́бов — дубово́й — дубо́вый;

гро́мов — громово́й — гро́мовый;

су́ров — суровой — суро́вый;

во́лос — воло́сья; по́вод — пово́дья;

полоса̀ — по́лосу — чересполо́сица; о́коло — око́лица;

полощу́ — поло́щешь: хлопочу́ — хлопо́чешь (хло́поты);

хохочу́ — хохо́чешь (хо́хот);

перебью́ — др.-р. пере́бьют; др.-р. отобьетъ (срвн. еще др.-р. о́тобью, не́умру);

пережгу́ — др.-р. пере́жгутъ; др.-р. ото́шлет (срвн. еще о́тошлю).

Кроме того, срвп. еще слов. gǫ̂voran — malogovǫ́ran; gorǫ́čem, klokǫ́čem и мн. других.

---

[1] Отметим, что если перед глухим был звук *а*, то он привлекал ударение сильнее других гласных: *рука́м, рука́х,* в памятниках нет *ру́камъ, ру́кахъ,* срвн. при частых *по́ложил, о́тлучил* и т. п. почти полное отсутствие *по́казал, о́сязал.*

ПРИЛОЖЕНИЯ.

Приложение № 1.

КРАТКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПИСЬМА ПСАЛТЫРИ F. I № 7 И ОТРАЖЕНИЕ В НЕМ ЗВУКОВЫХ И ФОРМАЛЬНЫХ ОСОБЕННОСТЕЙ ПИСЦА ЭТОЙ ПСАЛТЫРИ.

Манера южнославянской орфографии сказалась в Псалтыри в следующих чертах: 1) очень часто *а* вместо ѧ или ѧ в начале слов, напр.: прї а́слехъ 213 об., мѣдна́а 151 об., спаса́аи 22 об., о҃скѡрбла 43, моеа̀ 88 об., дша̄ моа̀ 80, ѿпрерѣка́нїа 38 и т. п.; 2) очень часто *ъ* вместо *ъ* в конце слов, напр.: поси́хь 17, грѣ́хь 77, съгрѣшѝхь 67, доу|ша́мь 106 об., вькрѡ́вь 145 об., [сьвѣщаша 37 об.] и т. п.; 3) чаще, чем в памятниках этого времени с чисто русскою орфографиею, встречаются *-рѣ-, -лѣ-* вместо *-ре-, -ле-*, напр.: посрѣдѣ̀ 107, члѣновны́а 75 об. и т. п., при чем иногда *е* в таких случаях намеренно переделано писцом в *ѣ:* жрѣ́бїи 37 об. *(ѣ* ясно из *е)*. Другие особенности южнославянской орфографии, наблюдаемые в русских памятниках этого времени, или вовсе не сказались, как, напр., употребление *ѫ*, или встречены мною в небольшом количестве случаев, как, напр., написание *ръ* вместо *ор, ер,* всего 2 раза: тръжествѡ̂ 1, о жрътва̄̀ 65 (на поле) и *и* вместо *ы*, всего 1 раз, да и тот сомнительный: прикри́ пы̆ 58 об. (влияние буквы *и* предыдущего слога?); особо: ми́лостиню 40. Кроме того, мною отмечен один случай написания *ѣ* вместо ѧ или ѧ в слове прѣ́мо 41 об. (киноварью, при чем ею же надписано ѧ); этот случай позволяет думать, что если не ближайшим, то одним из первоначальных оригиналов нашего памятника могла быть южнославянская псалтырь: трудно допустить подражание в орфографии отдельного слова и легче помириться с машинальною перепискою, переходившею из одного списка в другой. В заключение об южнославянской манере нашего

писца отметим, что в употреблении вышеуказанных черт отнюдь не замечается какой-либо последовательности, т. е., напр., рядом с случаями *а* вм. ѧ и ѧ встречаются случаи употребления и последних букв в том же самом фонетическом положении и т. д.

Из особенностей орфографии Псалтыри, которые бы передавали звуковые явления говора писца, отметим: 1) обычное употребление ѧ после *ч:* ча́сты 212, поꙋча́хоуса 50 об., въ прите́чахъ 105, при более обычном *а* после других шипящих согласных, указывающее на мягкость звука č сравнительно с другими шипящими звуками; 2) нередкое *ы* после *щ:* щы́тъ 43, щыты́ 61 об., защы́ти|тель 54, указывающую на особую твердость этого шипящего звука сравнительно с другими шипящими звуками; после *щ* — *ы* обычно: прѡ|тцы́й 41 об., концы́ тв. п. 77, ѻцы́стиши 82 об.; 3) изредка встречающееся употребление *щ* вместо *ш* после согласных: ѻбетща́ша 38 об., указывающее на упрощение звука šč в š, наблюдаемое во многих великорусских говорах, именно в этом фонетическом положении (т. е. после согласного); 4) обычные *ки, ги, хи* (но есть, впрочем, и: потѻ́кы 100, ро́гы 101 об.); 5) *и* вместо *ѣ* в словах: ѻцы́стиши 82 об.; свидѣ́нїе 105 об., -їа 171, засвидѣ́тельствоую 113 (при: свѣдѣ́нїе 112 об., свѣдѣ́те|ль 124); ѕилѻ́ 60 об., 62 об., ѕилѻ́ 107, 109 (в последнем случае над *и* надписано киноварью *е*); 6) *е* вместо *ѣ,* встречающееся главным образом в слоге без ударения, что нередко в рукописях этого времени, свидетельствуя о лучшем различении звуков *ѣ* и *е* в слоге под ударением (хотя еще: пѣсѻ́къ 107); напр.: пререканїа 149 (срвн. пре|рѣканїе 71), зе|лѻ́ 110 об. (над *е* киноварью надписано *ѣ*), кра́стели 146, въсвѣ́те 122 об., дѣ́лех 103 об., вчеловѣ́цехъ 87, ни влы́стехъ 200 об., вселе́нней 134 об., срвн. еще: ѻвозлюбленнѣ́мъ 59 *(ѣ* из *е),* срѣ́тѻ́ста 117 *(ѣ* из *е);* повѣда́ть 198, где *ѣ* из другой буквы *(е?),* вдѣлехъ 128 *(ѣ* из *е);* наоборот *ѣ* вместо *е* отмечено редко: волѻ́вѣ́ 66, прѝдѣ́ть 134 об., четырѣ́ˣ сѧ́ 62 (киноварь), лицѣ́ в. п. 41 об. (в киновари *ѣ* переделано из *е*); лѣ́ва 127 (при левѻ́мъ д. п. 75 об.); особо *ѣ* в дв. ч.: похвали́тѣ 80 об., помрачитѣ́сѧ 90 об., подвижастѣ́сѧ 97; 7) употребление *а* вместо *о* в покла́на́тисѧ (3 л.) 84, которое можно объяснить влиянием покланѧтисѧ; в понаша́єтъ 99 об., бразды́ 83 об. *а* старое; 8) отсутствие *г* в разнѣ́васа 99; 9) кромѣ того: времла 41 об., завжеже 77 об., завжегѻ́ша 99 об.; сонемь 79 об. при сѻ́нмь 99, снѣ́мь 119.

Приложение № 2.

КРАТКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПИСЬМА СБОРНИКА СОФ. № 1460 И ОТРАЖЕНИЕ В ЭТОМ ПИСЬМЕ ЗВУКОВЫХ И ФОРМАЛЬНЫХ ОСОБЕННОСТЕЙ ПИСЦА ЭТОГО ПАМЯТНИКА.

Влияние югославянской графики в письме Сборника выразилось: 1) в одном случае написания ѫ: вотмѫ́ 122, 2) в двух случаях постановки плавной согласной со следующею глухою вместо русских *ор, ол:* тръжа́не 127, о́бл҃кшейсѧ 31 и 3) в довольно частом написании *а* вместо ѧ, ѩ после гласной в роде случаев твоеа́ 101, сп҃са́ющїа 106 об., ѿзмїа́ 238 об. и т. п.

В следующих употреблениях букв можно видеть отражение фонетических особенностей говора писца:

1) Отсутствует смешение букв *а* и *о,* что указывает на оканье писца. Следующие случаи не противоречат этому наблюдению, как могущие иметь иное объяснение: бразды́ 5 = древн. бръзды (здесь смешение со словом бразда = русск. борозда), златаоу́стъ (срвн. сказанное нами об этом случае *а* вм. *о* в работе нашей: «Богдановский Златоуст XVI века» § 5, ИОРЯС, X_3), колача́ 164, оу́по|латы 136 об. (в обоих случаях *о* древнее). Интересно параллельное употребление им. пад. ед. ч. ж. р. от местоимения *кѣи:* ка́а 105 об. и рядом обычно при наконечном ударении коа́ 105 об., неск. раз, 107, никоа́же 158, и один раз каа́ 259 об.

2) Буква *о* на месте древнего *е* встретилась несколько раз исключительно после букв *ц* и *щ:* кчѐньцо́ 24, ста́|рцѡмъ 152 об., Быва́лцѡвѫ́ 235 об.; соу́щомѫ́ 152, преслѡ|воу́щомѫ́ 190, вода́що|мѫ́ 192 об., хота́|щомѫ́ 15, и҃моу́щои 304 об. (в последних 5 случаях можно допустить и влияние южнославянских оригиналов).

3) В употреблении буквы *ъ* следует отметить: во-первых, замену ее, с одной стороны, буквою *и,* а после *ц* — *ы* (редко, в определенных случаях), а с другой, буквою *е* (главным образом в слоге без ударения), и во-вторых, замену ею буквы *е* (= др. *е* и *ѣ*). К первым случаям относятся: а) пе́рвїе 32 об., 200 об., ра́звїе 45 об.; б) ѿчи серде́|чнїи 4 bis, оу҃мнїи о҃чи 75 об.; в) несверѣ́питисѧ 22 об., свидѣ́тѣ́ствѹ́ѣтъ 182 об., процыже́нїе 166 (но: сѣ́дѣти 32 об., сѣ́ди́ши 22, сѣда́ 136 об.); ко вторым: набелѣ́ 223 об., тесноѡтоу́ 36, стре|ла́ 301 об., вогресѣ́ 245, поцелоу́и ю҃ 22, целова́|нїе 149 об., спешаще 137, ѿсе-

цáти 100 об., ѿсечéмъ 162, седѣти 151 bis, 152, запретúши 216, ленúсѧ 4, ленúвыхъ 38, ленúве наречие 72, дела 212; лѣнúвеишѣ 216 об., стáрейшиѝ 223, грѣшне|иши 206, ѝзрáднее 135, нúщее сравн. степ. 45 об., 46; блѫдѣ йскве|рне 8 об., насобб|ре 223, ѡдѣле 40 об., нáсѣне 209, нáстрашнѣ мѣсте 160 об., подббне 23-2 об., хѫдóжне 30, колѣне дв. ч. 160, вне|доузѣ 10, ѡпóмыслѣ 22 об., олѣтѣ 226 и т. п. В слоге под ударением *е* вместо *ѣ* редко: кѫпéлію 119 об., злѡпомнéніе 28; особо стоят случаи *é* вм. *ѣ́* в формах в роде: ѡгордéи 123, страшнéи 123, намѣстѣ лобнéмъ 111, ѡгордéмъ 126, стéмъ 175 об. (здесь *é* вм. *ѣ́* обычно во всех памятниках, знающих *е* вместо *ѣ* в слоге без ударения). Буква *ѣ* вместо *е* (= др. *е* и *ъ*) отмечена и в слоге под ударением: нисѣделъ 212-2 (см. примеры на этот случай из других памятников в моей работе: «Несколько данных для определения звукового качества буквы *ѣ* сравнительно с буквою *е*»... § 2, ИОРЯС XV_3), непремѣдливъ 71 об., мѣ|длитъ 136 об., болѣ тби пбчести 45 об. ѡбѣщникъ 35 об., прилѣжнѡ 4, трезвѣнна 6 об., и в слоге без ударения: а) бѣсѣдѫю 187, бѣсѣдовати 131 об., бѣсѣ|довати 209, бѣсѣдѫетъ 17 и рядом: бесѣды 20, бесѣдѫ 14, бесѣдо|вати 191 об.; б) свѣрѣпое 113, свѣ|рѣпаго 196 об. и рядом: сверѣпѫ 245; в) ббранѣхъ 19. Отметим еще несколько интересных употреблений буквы *ѣ*: 1) в ц.-слав. -лѣ-: члѣ|новъ 305 об., ѡплѣ|нéніи 313; 2) дѣмоньскагб 119, вкѣлію 38 об.; 3) смѣжитьсѧ 113; 4) в суффиксе -ѣ́ї: ка|жачѣю 173 об., фотѣю 228-2 об., андрѣи 234, досифѣи 320, мойсѣи 284 об., мойсѣ́а 320 (при мойсíи 310, ѧлексíе 234 об.), ѣврѣиски 257, наархїерѣиствѡ 165 об. (а без ударения *е*: дми|треевича 224 об., васúлеи 129 об.).

4) Употребление букв *ы, и, ѧ*, как показателей мягкости и твердости предыдущих согласных, следует отметить в следующих случаях: а) после *ц* обычно пишется *ы*, свидетельствуя о твердом великорусском произношени звука *ц*, напр.: кѡнцы 106, бвцы 119 об., процыжéніе 166, дрѫгбицы 190 об.; из других согласных *ы* вместо *и* отмечено после *р* в скрыпáнїа 18 об. и после *щ* один раз: нагнѡйщы 106, обычно *и*: клещи 148; возможно, что буква *щ* соответствовала в произношении писца двойному твердому *шш*; б) после *к, г, х* обычно пишется *и*, свидетельствуя о смягченном произношении заднеязычных звуков в этом положении: йскúи 12 об., вбвѣки 18, оуббгїи 33 об., ѿтно|гѝ 151, ветхíи 116, похи|тúша 126 об., и в) после *ч* гораздо

чаще писец писал букву ѧ, нежели *а*, выделяя тем мягкое великорусское произношение звука, соответствующего этой букве, напр.: молчáнїю 6 об., вѣнчáєтсѧ 10, чáсъ 26 об., ѿклича 114 об., высочáиши 134, мечѧ̀ род. пад. 305 об. и т. п. (реже: далечáиши 293 об., прⷭчаѧ 11 об.).

5) Глухие согласные пишутся на месте звонких перед глухими и наоборот. Сюда относятся: въⷭпщⷱ 105, ⷭпщагⷭ 168 об., ⷭпще|жи́телнаѧ 155; оу̑скїи 162, оу̑скимъ 114; зжена́ми 232. Букву *с* в мерзъскíа 158, мерзъскаѧ 309 я рассматриваю, как переходный глухой свистящий звук от звонкого свистящего к глухому взрывному звуку *к*. Из других изменений согласных отметим: мá|хкими 110, лоу́тши 47 об., лоу́тшоую 168, лоу́тче 144 об. (срвн. ветшáное 174). Русское *ч* вместо церк.-слав. *щ* сравнительно редко: нешéпчюще 139 об., шé|пчющи̑ 31 об., скрéгъчюще 124 об., йдⷭчи̑ 70 об. Выпадение *в* отмечено в безмо̑лъство|вати 103, бⷱмо̑ствⷭю̀ще 28.

6) В области форм отметим: а) род. пад. ед. ч. и им.-вин. пад. мн. ч. слов ж. рода на *а* с мягкою основою оканчивается обычно на *и*, после *ц* — *ы*: блúꙁъ кⷱлїи̑ 18 об., ѿкⷱлїи 189 об., ѿꙁемлѝ 35, ѿбрáтїи̑ 149, допе|рвы́ѧ стражѝ 40, тⷱ ⷭвцы 120; б) местн. пад. этих же слов может оканчиваться на *ѣ*, а без ударения на *е*: наꙁемлѣ̀ 7, ꙁемлѣ̀ м. п. 132, вкⷱльє 156 об. (срвн. еще надвѡрцⷱ 224); *и* вместо *ѣ* отмечено в местн. пад. ед. ч.: въ|бесⷱдовници 146 об.; г) им. пад. мн. ч. в функции вин. пад.: вьáмы ивбрéзи впáдаютсѧ 37 об. (срвн. еще оу̑стáвиша сва|тцы̀ 272 об.); д) окончание *ои* в им. п. ед. ч. м. р. вместо *ыи* отмечено в следующих случаях: сѫхои 221 об., ѡ̀смои вѣкъ 256, мúмо колаꙁúнскѡи монасты̀р 238, котворои 70 об., 155, 156, 156 об.; е) влияние других лиц на 1 л. ед. ч. отмечено: йсчезю̀ йⷭпечáлю 36 (срвн. слезю̀ Тр. П. 1589 г. 228 об., Охт. 1594 г. 394 об., в рукописи XVI в. Погод. № 84: снабдю 343, оумⷱрдюса 93 (235); в Лексиконе П. Берынды 1653 г.: вазю̀ вѣнцы, которое, впрочем, может быть вместо вазⷯ, ибо ibidem: оу̑вастѝ вѣнцы); ж) однородное влияние на причастие прош. врем. страдат. залога: ⷭбе|счéстенъ 43 (срвн. ѡ̀бесчéстеное Охт. 1594 г. 216 об., ⷭбрⷭстенъ Ев. 1616 г. в Евю 94 об.); з) очень интересна форма неопр. накл. йзженоу́ти 148 об., 150 (срвн. наше вы́нуть); и) встречается форма *есмя*: ѣсмѧ̀ 323 об., 326; і) в местоименном склонении отметим следующие формы: натобѧ̀ 325 об., всо|бѣ̀ 6, сѣмъ тв. пад. ед. ч. 146 об., скѣ̀ 212-2 об., ничѣмъ 156.

Приложение № 3.

УПОТРЕБЛЕНИЕ КАМОРЫ НАД НАПРЯЖЕННЫМ о̂ НЕ В СВЯЗИ СЪ СИСТЕМОЮ ОБОЗНАЧЕНИЯ УДАРЕНИЙ, ПОДОБНОЮ СОВРЕМЕННОЙ СИСТЕМЕ УДАРЕНИЯ.

Камора (ˆ) над напряженным *о̂* и в Псалтыри, и в Сборнике встречается, как не трудно видеть из предыдущего исследования, среди прекрасных и ясных систем обозначения места ударения в словах; однако последнее не обязательно, и мы можем указать правильное употребление ее для обозначения напряженности *о* и в таком памятнике, в котором значкам, и притом очень многочисленным, затруднительно приписать значение знаков ударения. Таково ее употребление в рукописи в малую осьмушку, доставленной в Архив синода из Юрьевского Новгородского монастыря и хранящейся там за № 3.874. Эта рукопись представляет из себя служебник, писанный двумя почерками XVI и конца XVII веков. Для нас интересен почерк XVI в., обнимающий листы: 1) с 14 по 83 об. включительно, 2) с 224 по 3-ю строку снизу оборота 239-го, 3) с 248 по 4-ю строку снизу оборота 269-го и 4) с 272 до конца.[1]

Прежде чем перейти к рассмотрению каморы в этом памятнике, скажем несколько слов об употреблении других значков. Значки ´ и ` встречаются безразлично и в средине, и в конце слов, часто по два и по три в одном слове; напр.: жи́|вотво́ра̀щи́ 265 об., лю̀бо́|вїю 66, свидѣ́тѣ̂ствѹ̀ѣ̀тъ 62, ѐгѡ́ 60; трудно сказать, что они обозначают, но отрицать известной последовательности в постановке их мы не будем. Значок ˜ обычно стоит над ы̆: прокы̆менъ 42 об. Над начинающими слово гласными обычно ставится ˇ: ӑпо|стол̀ѹ̆ 255, ѡ̆чи 67, оўмно̆жи 50 об. Значок ˘, иногда вместе с `, стоит над начинающими слог гласными; напр.: йспра̀вл̀а̀ю̀ще 231 об., своеѝ̀ю 234 об., ӗли́ко 239, сѣ̆|да̀й 266; ӗко 233 об., ве́черна̀ӑ 254 об., сїӑне 44.

Камора употреблена в вполне определенных (над *о*)[2] и знакомых нам из предыдущего исследования случаях.

---

[1] Из особенностей в области звуковых явлений отметим: 1) *и* вм. *п*: свѣ́ди́тѣ̂ствѡ̂ 233 об., свидѣ́тѣ̂ствѹ̀ѣ̀тъ 62, ѡ̆ищенїе 35, вѣ́рніишиˣ 228 об., пер'вi̯ѣ 63, ѡ̆чи сре́чнїѝ 67; 2) пропуск *г* в к'нѧ́жню 51; 3) *п* вм. *б*: Фоўсон'ныѧ̀ рати 67, и 4) мягкость *н* в к'нѧжню 78. Влияние югославянской графики сказалось очень слабо: вьседрѣ́жителю 18 (так пишется это слово и в других местах).

[2] Над другими гласными камора не встречается, за исключением начинающего слог и̯, где она вместо ˆ: троѝчны̆ѧ 41.

Над *о* из древнего *о:* жи́вѡтъ в. п. 14 об., 226 об., 235 об.; ѿпотѡпа 67; кѵ́востѡкѫ 253 об.; вѡлею̀ 53 об.; щедрѡтъ 31 об.; щедрѡ᷑ 33, 36 об.; щедрѡта́ 235 об., щедрѡты в. п. 255 об.; ще|дрѡты̑ 29 (54); щедрѡта́ми 22, 232, 236, 265 об. (37); помнѡжествѫ 36 об., 54, 231 об. (18, 255 об.); мнѡ|жествѡ᷑ 261; на̑прѡчими 27 об.; мнѡга́го 262 об., мнѡгымъ д. п. 36 об.; мнѡгомл̑тиве 48 (23, 25); мнѡго|мл̑ти́въ 38 (см. еще 41 об.); незл̑ѡби́въ 71 об.; грѣхѡ|вны̑а̀ 67; прѡсимъ 19 об.; принѡсимъ 37 об.; прекл̑ѡни́те 257; мѡлимъ 32 об., 37 об.; мѡлим҃ся 23, 64 об., 255 об.; мѡлимсѧ̀ 18 об., 19 (23 об.), помо̑л̑ся̀ 39, мѡли́м҃ся̀ 256, помѡ|ли́м҃ся̀ 39 и однажды в неопределенном наклонении: мѡлитисѧ̀ 35 (уклонение от употребления каморы в Псалтыри и Сборнике); оу̑мнѡжи́ 50 об.; въпреоу̑мнѡ|женїѥ 237 об.; принесо̑ша 228; что̑ 71 об. (чаще: что́ 82 об., ничто̀же 16 об., на́то 27); грѣхѡвъ 70 об.; пре᷒мнѡю̀ 63.

Над *о* из древнего *ъ*: плѡть 63, бе|сплѡтныхъ 25 об., бесплѡтны̑хъ 47 об. (22 об.), плѡ|тьскаѧ̀ 41 об. | 42; воплѡщыша́го 66 об.; вѡнь в. п. местоимения *и*. Поразительно, что здесь те же исключения, что и встреченные нами в Псалтыри и Сборнике.

Четыре раза встретилась ˆ в соединении с ´: ще|дро̑тъ 32 об., щедро̑та́ми 48; мно̑го 71 об., мно̑жа̑ша́ 72.

Впрочем, очень часто вышеприведенные слова написаны и без ˆ, а кроме того, порядочно слов, над которыми мы ожидали бы видеть ˆ, не имеют ее; напр.: жи́вотъ 238 об., вола̀ им. п. ед. ч. 290 об., волею̀ 37 об., щедро́тъ 83 об., щедрота́ми 47, пре|кло́ни̑ше 25, воз̑нбсите 274 об., мблим҃тисѧ 255, мблимсѧ̀ 18 об. (256), помбли́сѧ̀ 249, помоли́м҃ся 14; грѣховъ 69 об., грѣхо́въ 24 и т. п.; плбти р. п. 233 об., по̑лоти 75, плотьскы̑а̀ 63; кроме того: водвбре᷑ 16 об., вхбды 35 об. (на̑покрбвъ 277 об., сокрбвище 32 об.), соббрны̑а̀ 227 об.; *о* в родит. пад. ед. ч. местоимений на *-го* никогда не отмечено напряженным: всегб 51 об., є҆гѡ́ 60, твоє҆гѡ̀ 230. Я объясняю все эти случаи простым пропуском обозначения напряженности *о;* гораздо важнее, что писец никогда не поставил каморы над открытым *о:* рбгъ в. п. 47; слбво 29, 231 об.; слбвѡ᷑ тв. п. 256; слбве зв. п. 70 об.; мбре 279 об., вмори 25; по|морю̀ 74 об., прбмы̑слбмъ тв. пад. ед. ч. 268 об.; из̑нощи 40 об.; вбмощь 273; пбмощи р. п. 20 об.; ѿпб|хоти 63, полбжбсѧ̀ 42 об., непбстьи̑жбсѧ̀ 272 об. и т. п.; кроме того над *о* из *ъ:* дбл̑гъ 70 об., кровь 276 об., лю̀бб|вїю̀ 66 и др.

Приложение № 4.

ОБ УПОТРЕБЛЕНИИ В СБОРНИКЕ СОФ. № 1460 НАДСТРОЧНЫХ ЗНАЧКОВ

Употребление значка ’. Значок ’ употребляется исключительно над неударенными гласными, начинающими слоги, за исключением последнего открытого слога слова, при чем довольно часто он бывает пропущен. Напр.: оу҆҃а҆҃зве́но 212 об. и рядом: не́приа҆҃знь 48, сѣ҆҃нїа 158 об.; и҆҃зоѡ҆҃бре́та҆҃ще 316, деѡ҆҃ни́сїе 217 об. и рядом: о҆҃ѡсо҆҃бны҆҃ 132; дѣ҆҃лаю҆҃щи҆҃ 194 и рядом: оу҆҃кора҆҃ютъ 43 об.; посмѣ҆҃ва́ется 315 об., почи҆҃е́мъ 29 и рядом: смѡлъча҆҃нїемъ 156; но всегда без значка: разграбленїа 166, нощна҆҃ 279 об., ходата҆҃ 144, ле́стїю 202, водо́ю 275, види́мое 251, тре́тїее 201 об. Исключения в роде тре́тьее 163 — очень редки.

Но главный интерес употребления его заключается в том случае, когда он стоит над буквою *и:* над нею он стоит лишь тогда, когда на основании современного произношения можно предположить, что эта буква в произношении писца соответствовала слоговому гласному. Напр.: та҆҃инъ род. пад. мн. ч. 147, 323 об. (в современном произношении 2 слога), но: та҆҃ина 16; та҆҃ино҆҃ 48 bis; вта҆҃инѣ 10 об., 177, 177 об.; та҆҃ины 48, 292; та҆҃инодѣ҆҃ланїе 6; та҆҃инѡ҆҃де́нїе 160 об. (161); ѿта҆҃инѡ҆҃де́нїа 157 об., 159; таино҆҃дца 159 (в современном произношении во всех только что приведенных случаях букве *и* соответствует неслоговой звук i̯ или, может быть, даже j); (не)досто҆҃йнъ 13 об., 38, 42, 49 об., 104 об. bis (167), 175 об., 228 об., 264; досто҆҃йнъствѡ҆҃ 161 (171 об.); но: досто҆҃инѡ 14 об., 24, 73; досто҆҃ина 25 об., и҆҃недосто҆҃и|но҆҃ 35 об.; досто҆҃инѣ 276 об.; досто҆҃ини 44 об.; недостоиныи 17, 17 об., 128 (128 об.); ѿнедосто҆҃инаго 244; досто҆҃ина҆҃ 325; досто҆҃иныа 249 об.; недосто҆҃ины҆҃ 276 об. (см. еще лл.: 9 об., 136, 200, 232 об., 262 об., 328); бл҆҃говѣ҆҃йнъствѣ 131 об., -омъ 141, 205, -о 149 об., 235 об.; но: бл҆҃говѣ҆҃инѡ 225 об., -е҆҃инѡе 320, -е҆҃инѡмо҆҃ 226, -е҆҃ини 316, -е҆҃ины҆҃ 154 (см. еще лл.: 228, 318); далее приводятся примеры без столь наглядного противоположения, но не менее убедительные: во҆҃йнъ им. пад. ед. ч. 10, ка҆҃инъ 138, е҃мманоу҆҃илъ 105, і҆҃езеки҆҃ильь 300, и҆҃зра҆҃ильтано҆҃ 257 об., шоу҆҃ица 10, дво҆҃и|чны҆҃ 284 об., нѣ҆҃коимъ тв. пад. 152 об., поко҆҃йти 156 об., оу҆҃стро҆҃йти

327 об., достѳйтъ 22, 44, 89; оуѣстрѳйтъ 216, стрѳйтъ 276 об.; но: михаи́ло 221 об., оубіи́ца 74 об., любодѣ́ицамъ 122 об., дрѣгои́цы 190 об., писа́неице 325 об., разбѣ́иникъ 122, 312 об. неск. раз, келе́иныѣ 172 об., ла́инѡа́доуѭихъ 153 об., житеи́сками 169 об. (10), житеи́скими 304, житеи́скиѣ 324 об., ра́ска 75, сина́скїе 255 об., ѣврѣ́иски 257, кесарі́скїи 18, стѣдіскїи 156 об., 178, оубіиствы 287 об., наархіерѣ́иствѡ 165 об., прелюбодѣ́иствы 252 (287 об.), дѣ́иствено 305 об., дѣ́иствовати 161, свѣщенноде́иствѣа 247 об., свѳиствено 274 об., 288 об., 317 об., ходатаиствено 205, -а (316 об.), ходатаиствѣ́тъ 197.

Затрудняюсь высказаться категорически за отсутствием критерия в современном произношении о случае кѳи́ждѡ 193 им. п. ед. ч. || кѳиждѡ 215.

Подобно тому, как при других гласных, всегда слоговых,— значок ’ иногда опускается и при *и*, соответствующей слоговому гласному, напр.: достѳинъ 34 (см. еще лл. 33 об., 243 об., 296), нестрѳинъ 75, блгоговѣ́иньство 141, -ѣ́ 231, посла́ніихъ 160, ѡси́хъ пре|да́ніихъ 134 об., гранесословіихъ 32, покѳити 156, пѡкѳи|тиса 201; возможно, что в следующих случаях *и* равно неслоговому звуку: вѳ́ини 111 об., ка́инѡва 194, 194 об., і҃езекѣ́илю 245. Все эти случаи (с пропуском ’) легко объяснимы забывчивостью писца; гораздо важнее, что там, где *и* равно неслоговому звуку, писец ни разу не написал этого значка, за исключением одной категории, именно, когда это *и* при переносе начинает строчку, напр.: недостѳ|йне 11 об., недостѳ|йни 287 об., нестро|йна 270 об., рабѳ|йникъ 240 об., блгодѣ|йства 255 (в виду этого обстоятельства нами были игнорированы при перечислении примеров с ’ случаи в роде: оуѣстрѳ|йлъ 291 об., стрѳ́|йтиса 257). Этот прием письма мне напоминает другой из древнейших памятников, в которых писцы доканчивали строки не имеющими места в произношении буквами *ъ*, *ь*.

Однако этими данными наблюдение над употреблением значка, над буквою *и* не может быть закончено. Есть одно противоречие современному произношению в употреблении й, а именно в отличие, но не всегдашнее, от современного произношения й, т. е. слоговой гласной (предполагаем, что оно равно и здесь слоговому звуку, доказательство чему см. ниже) сохраняется перед слогом с ударением. Сюда относятся следующие случаи: натайныа 19-2 об., 237; наи̯пачѐ 326 об., наи̯|па́че 322 об., наи̯па̀ 326 об.; мои̯сѣ́и 106, 284 об., 297 об., 298; мои̯сѣ́а 294 об.,

320; мойсі̀и 310 (срвн. современное произношение: наипаче, моисе́й); но особенно характерны следующие случаи с чередующимся местом ударения: прїи́доу́щаѧ 112, прїи́доу́щїи 259 об., 260, прїи́дѣ 195 об., прїи́дѣхъ 100 об., 181, 196 об., 235; прїи́дѣхомъ 185 об. (238), прїи́дѣсте 69 об., прїи́дѣша 147 об., 193, 232, 235; но: прі́идеши 20, 100 об., 103 об. (без значка ударения); прі́идет 37 об., 48 об., 136, 137, 138 об., 139, 167 об., 170, 215 об., 249 об., 253, 255 об.; прі́и|детъ 31 об.; прі́идѣ̀ 44 об., 76, 298, 298 об. и в др. местах, прїи́дѣ̀ 40, 258, 265; прі́идѫ̀тъ 238 (274 об., 275 об., 281 об.); прі́иде 33 об., 69 об., 166 об., 196 об., 210 об., 212, 226 об., 228-2 об., 231 об., 233, 253, 258 об., 267 об., 274, 280 об., 287, 287 об. неск. раз; прейдѝ 318 об., прейтѝ 29 об., 32, прейдѣ́ша 130, 267 об., 289 об., 297а об., прейдѣ́ша 267 об., 278 об., 310; прейдоша 310, 310 об., прейдоша 310; но: пре́идешь 318, непре́идетъ 180, пре́идѣ̀ 310 об., пре́иде 271 об., 273 об., 276, 280, 287, 287-2, 292 об., 310, 311 bis, 320; прѡ́йдѝ 264 об., прѡйдѣ́хомъ 269 об., но: прѡ́идѣ̀ 19-2, прѡ́идемъ 162; прѡиде 280, пойди́ 264 об., 324 об.; пойдоу̀ 135, пойтѝ 137; но: по́идеши 137 об., пс̑и́дѣ̀ 76 об., по́идѣ̀ 26 об., по́идѫ̀тъ 121 об. bis, 124 об., 247, по́идѫ̀т 125 об., по́иде 229; дойтѝ 191, но: ѡ̀то́иде 228 об., не́иде 33,[1] оу̑и́де 272 об., за́идѫ̀тъ 124 об., на́идетъ 176 об., на́идемъ 178 об.; прїи́ма́ти 36 об., 262, 283; непрїи́ма́и 48, прииму́а|ли 273, прииму́а̀нїе 107, прїи́ма́хѫ̀ 49 об., но: прі́имеши 32 об., 37 об., 48, 135 об., 201, прі́имешь 327 об., прі́и|метъ 126 об. | 127, 133 об., 188; прі́имѣ̀ 75 об., 137 об., 244 об., 313; воспрі́иметь 141 об., прі́имемъ 140, прі́имѣ̀ 32, 180 об., 211, 243; прі́имете 144 об., прі́и|мѫ̀т 75 об. | 76; воспрі́имѫ̀тъ 328. [2]Как и выше, иногда писцом пропускается значок ’: таина́ѧ 116, прїидѣ́ша 309, поидоу̀ 97 об., прііма́ти 21, 118 об.; в следующих случаях, хотя мы и ожидали бы значок ’, его ни разу не отмечено: прїиди́ 264 об., прїиди́те 120, 120 об. неск. раз (123 об.), прїидѣ́те 17 об., 327; пріімѝ 17, 38 об. bis, 39 об., 40, 48; прїими́же 40; прїими́|те 118, 120 об.,

[1] Срвн. нейдѝ 251, -й 284 об., неими́те 313 об., неимоу́ще 123 об., 281 об.; кроме того: неименоу́|ѐши 46 об., произво́литъ 238 об.

[2] Мало говорят случаи: ѿи́дѝ 49, ѿи́дите 167, ѿи́тѝ 186, ѿѝдоу̀ 293 об., которые можно читать и ot’id’i с слогоделением после t, и otoid’i, раскрывая титло ѿ в ото- (срвн. ѿи́деши 49, неѿи́детъ ib., ѿи́де 182 об., 192 об., 223, 228 об., 231 об.).

121; прiити 34, -тѝ 262, 306 об., прїи|тѝ 276. Значок над ѝ при переносе слова с одной строки на другую не имеет значения (срвн. сказанное выше): пре́|ѝде 309 об., прї|ѝдѫ́тъ 45, при|ѝде 299 об., прí|ѝде 183 об., 280 об., при|ѝметъ 283 об.; поэтому нами не приняты во внимание, с одной стороны: та|ѝноую 19-2, пре|ѝди 33, прѡ|ѝдѣша 166 об., по|ѝми 191 об., мо|ѝсѣа 107 об., мо|ѝсѣѡви 277, а с другой: на|идѣ́ 304, пре́|иде 310, где возможно предполагать пропуск обычного в таком положении значка.

При срощении слов с предлогами значок ᾽ над *и* ставится не только тогда, когда на этих предлогах нет ударения, но и тогда, когда оно есть. Напр., не только: войнѣ́х 223, войспра|влéнiе 325 и т. п., но и: вóйма 115, 116 об., 127 об., 308, 313 об., ǒйме|ни 169 (в следующих случаях возможно предполагать простой пропуск ᾽: ꙁа́има 319 об., ǒимени 169).

Употребление значка ` над буквою *и*, стоящею в конце слова после другой гласной. В этом положении над буквою *и*, как и над другими гласными (см. выше), совсем не употребителен значок ᾽; случаи: пита́|ѝса 35, оу̑стро|ѝма 320 об., распны|ѝса 167 об. (строго говоря, здесь *и* — не в конце слова, если понимать под последним фонетический комплекс звуков, объединенных одним ударением; но мы для удобства упомянем о них здесь) обязаны значком над *и* переносу слова с одной строки на другую.

Над конечным *и* не стоит никакого значка в том случае, когда можно предположить, что оно не составляло слога. Перечислим все встречающиеся категории этого употребления, приведя по нескольку примеров на каждую из них.

1) Им.-вин. пад. ед. ч. им. сущ. м. рода: ра́и 6, вра́и в. п. 206 об., гнѡ́и 291 об., покоѝ 257, ѡ̑бы́чаи 138, ле́нтїи 170 об., ѡ̑та́иже 158; васи́леи 129 об., а̑ндре́и 234 об., досифе́и 320.

2) В род. пад. мн. ч.: писа́нїи 5, ѿпомышле́нїи 22 об., ѿизобилїи 37; люде́и 70 об., са|не́и 212-2, ѿзаповѣ́де́и 19, мы́слеи 282, свире́леи 119, ѵ̑бро́бнеи мѣ́стѡ 111 об.

3) В им.-вин. пад. м. р. им. прилаг., причастий и местоимений: ветхíи 116, жестоки́и 48 об., покоѝ плѡ̑ски́и 104, травны́и 285 об., страшны́и 113 об., тѣ́сны́и 126 об., верхо̑вныи 125 об.; ѡ̑смоѝ вѣ́къ 256, сѫ́хоѝ им. п. 221 об., третѣ́и 193; ѿреки́иса 30 об., йски́и 22 об., живы́и прич. 146 об., сы́и 36, о̑же|ни́выиса 18; кíиждѡ 31 об., котȏрыи 112, сицевы́и 153 об., котȏрои 70 об. bis, тоѝ 105, 112, моѝ 4 об., твоѝ 322.

4) В дат. и местн. пад. ед. ч. ж. рода имен прилаг. и причастий: дх҃о́внѣи 316 об., вост҃ѣи 236, на землѣ до́брѣи 174 об., о́гордéи то҃и и́страшнéи годинѣ 123, о́со|бо҃рнѡи 131 об., вовсá-кои вещѝ 42, ѡ҃ѣди́нои 130, ѡ҃нéи 232 об., о́нéиже 16, внéи 272 об.

5) В 2 л. повел. накл.: пéи 164 об., разбéи 191 об., пролéи ib., и́мѣи 35 об., прѡда́и 9, повѣда́и 246 об., ѡ҃жида́и 268 об., бо҃иса 197 об. (здесь же приведем примеры на множ. число, хотя их и следовало бы поместить среди случаев средины слова: пс҃и́те 68 об., подвиза́ит҃е 12, непричта́ите 183 об., бѣ҃гаите 8, ра́дꙋ҃итеса 100.

6) В частице *деи*: и́ст҃ии деи ѡ҃цы солга́ли 254.

Наоборот, в том случае, где следует предположить слоговой характер буквы *и*, над нею обычно стоит значок ̀. Перечислим все категории, где встречается такая буква *и*:

1) В им. пад. ед. ч. слова *молнiи*: мо́лънiѝ 112 об., 114, 115, мо́лнiѝ 307.

2) В род., дат. и местн. пад. ед. ч. имен сущ. ж. р.: блѝꙗ҃ъ кѣ҃лiѝ 18 об., ѡ҃бра́тiѝ 149; ко҃бра́тiѝ 17 об. (183 об.); вкиновíѝ 172, вкѣ҃лiѝ 18, вбра́тiѝ 42.

3) В местн. пад. ед. ч. имен сущ. м. и ср. родов (срвн. пп. 1 и 2 предыдущих категорий): пѡкво́ѝ 130; раѝ 6; приново́ѝ 253, 278; а҃нтво҃нiѝ 218 об., се́ргiѝ 219 об., а҃рсе́нiѝ 166 об.; покр҃-ще́нiѝ 6 об., о҃плѣ|не́нiѝ 313, въо҃ꙋстрое́нiѝ 28, бдѣ҃нiѝ 39, позва́-нiѝ 14 об., вѣ҃ли́чiѝ 7, о҃страннолю҃бiѝ 12 об., нараспоу́тiѝ 138 об.

4) В твор. пад. мн. ч. имен сущ. м. и ср. родов и нечленных имен прилагат. тех же родов (сделайте то же сравнение): ѡ҃бы|чаѝ 237, разбо҃ѝ 252, пѣ҃нiѝ 25, о҃|бѣща́нiѝ 27; соа҃|нг҃лы бо҃жiѝ 75 об.

5) В им. пад. мн. ч. имен сущ. муж. р.: і҃ꙋдѣ҃ѝ 43.

6) В им. пад. дв. ч. и им.-вин. пад. мн. ч. имен прилагат., причастий и местоимений муж. рода: оу҃мнiѝ о҃чи 75 об.; блꙋ҃дни́ѝ 199, страстни́ѝ 130, диви́ѝ 178 об., блази́ѝ 26, древни́ѝ 72, вѣ҃чни́й 23-2 об., ни́щiй 6 об., прко҃вни́й 6, бг҃а́тiѝ 24 об., оу҃бо҃-зiѝ 118, про҃чiѝ 109 об., до҃брiѝ 117, мно҃зiѝ 208, о҃бщiѝ тръ҃дыѝ 248 (срвн. на той же странице: о҃бщiи | бг҃ъ), оу҃кроу́|хи хлѣ҃б-ный 191; носа́щеѝ 71, пребыва́ю|щеѝ 9 об., толькоу́|щiй 127, нео҃скве́рньшiй 120, насо҃|мiѝ 243, о҃бременéнiѝ 17 об., возло́|бленiѝ 197, прѡкляти́ѝ 123; си́ѝ 104 об., сiѝ 248 об., нѣ҃цыи 104 об., ѡ҃|вiѝ 146. Если к этим формам присоединяется частица

же, а к причастиям *ся,* то обозначение слогового характера буквы *и* через значок ` сохраняется: и҃ни҃же 24, трѵ́жа́ющеи҃ся 17 об., оу҃кла|нающеи҃ся 19, совле́кшеи҃ся 31; редко в этих случаях эта особенность передается через значок ’, как внутри слов: непока́авшийся 117 об.[1]

Характерным противоречием нашему положению являются членные формы причастия наст. вр. действ. залога муж. рода, произносимые ныне при чтении церковных книг на славянском языке с неслоговым і̯ (j): прѡса́и҃ 12, приход а́и҃ 255 об., и҃ща́и҃ 12, ропща́и҃ 20; настѡа́и҃ 247; и҃стаза́аи҃ 142 об., прѡстира́аи҃ 291, слоу́шаа и҃ 19, рабѣта аи҃ 42 об., и҃мѣ́аи҃ 13, ми́лѵ́аи҃ ib., вѣ́рѵ́аи҃ 37 об.

Само собою разумеется, возможен пропуск ` над слоговым *и,* напр.: ѿкѣ́лїи 189 об., ккѣ́лїи 157, вкѣ́лїи 157 об., вкиновїи 169 об.; о҃причаще́нїи 24 об., о҃смире́нїи 72, вра|схище́нїи 137, въблг҃отворе́нїи 75, о҃ра́ли́чїи 327 об.; л҃ка́выми начина́нїи 76; си́лнїи 118, бе҃стоу́дїи 154 об., безоу́мнїи 208, с҃тїи 134, пе́кшеи҃ся 124, во|злюбле́ннїи 279, таковїи 130, и҃ни́и 44 об. (срвн. и҃ни́и҃ ib.); хота́и 262 об., да́и 13, потраса́аи 287; но этот пропуск отнюдь не доказывает, что здесь буква *и* равна неслоговому гласному точно так же, как случай мир҃стїи҃ 228 об. не говорит о наконечном ударении, а лишь о пропуске знака ударения над слогом сті.

Употребление значка ˘. Кроме значка ’, встречается похожий на него значок ˘; отличается он от первого тем, что представляет дугу в лежачем положении и тщательнее написанную, с нажимом пера в концах ее, и пишется не над одною гласною, а в промежутке между двух; кроме того, должно отметить, что

---

[1] Подобная орфография наблюдается в Евангелии 1616 г. (в Евю), но с тою разницею, что *и,* равное неслоговому звуку, обозначается через *й.* Напр.: в'прощёнїи҃ 30, ви҃сл҃чїи҃ 59, своеи҃ р. п. 26, дл҃ надѣ́и҃ 38, но: скорѣ́й и҃ бы҃стрѣ́й 75 об., по́кой 109, попра́вой рѵ҃цѣ́ моей 81, нано́вый 72, го́стей 27 об. Форм в роде проси́и҃ в этом памятнике нет. В малорусских рукописях Толст. I, № 145 и № 157, писанных одною рукою *и* слоговое отмечается через ї҃ в отличие от *и* неслогового *(й),* напр.: про́чїи҃ 11 об., часты́й II 351-2, о҃погѕбле́нїи҃ 147, насви́нїй м. п. 128, ѡпи́тїй 54, рѕчно́й р. п. 228, царе́й 46, воробе́й II 232, вѣ́ды́й 91 об., в' Дѕнай 99; бра́тъ ро́дный II 333, ѿзвѣ́рїй 41, на Лы́сой горѣ́ II 144 об., глѕбей 396 об. Что касается Псалтыри F. I, № 7, то в ней употребление значка подобно употреблению этого значка в Сборнике; однако детального рассмотрения употребления этого значка нами, к сожалению, не сделано.

в большинстве случаев он встречается в конце слов и тогда, когда слово оканчивается на *три* гласные буквы. Отметим категории, в которых он встречается:

1) В род., дат., твор. и местн. пад. ед. ч. и род.-местн. пад. дв. ч. женского рода местоимений: моѣѧ сѝлы 128, твѡѣѧ 4 об., ѿрꙋкѝ тво|ѣѧ 245 об., твоѣа 101, ѝскѣлїа свѡѣѧ 18, свѡѣѧ 20, 115 об., 138 об., ѿкѣлїи своѣѧ 189 об., ѣѧ 45, 106;[1] ѿмоеѝ хоꙋ́дости 320 об.; дш̄и моеѝ д. п. 4 об., кт̀вѡеѝ кѣлїѝ 20, помолбѣ̀ твѡеѝ 32 об., еѝ 27 об., нѣкоеѝ 143 об.; твѡѣю 34 об., свѡѣю вблею 192 об., свѡѣю бл̄годáтїю 19 об., свѡѣю злобою 282, винбю нѣкоѣю 50; натрапéзѣ̀ моеѝ 9 об., влюбвѝ моеѝ 13 об.; нóгꙋ | моѣю 295, надѣле роꙋ́кꙋ свѡѣю 47, свѡѣю роꙋ́кꙋ 75 об., и в других местах.[2]

2) В твор. пад. им. сущ. и прилагат. женск. рода, если они оканчиваются на *-ьею* или *-іею:* збрáтїею 34 об., збрá|тьею 20, рꙋкою̀ бж̄їею 102, бж̄їею 317 об. и др.

3) В им. пад. ед. ч. м. р. членных причастий наст. врем.: ѝспытáѧи 142 об., ѿвѣщáѧи 262 об., дѣлаѧи 185 об., слоꙋ́шаѧи 243 об., смꙋща́|ѧи 246 об., ѧпротивлаѧйсѧ 19, оꙋпива́ѧйсѧ 207 об., ѿметаѧйсѧ 243 об., ѝмѣѧи 108 об. (107 об.) и др.; в этой форме, как мы видели выше, обычен над *и* и значок ˋ; никогда не бывает значка ˘, когда форма оканчивается только на две гласные, т. е. в роде хотѧи.

4) В собственном имени ѝсáйѧ 260, ѝсáйю в. п. 280 об.

5) В суффиксе сравн. степени *-ьи-:* стáрѣ̆ишимъ 132 об., стá|рѣ̆ишимъ ib., радостнѣ̆иши 248, ѡкаѧннѣ̆иши 129. Часто без значка: сѣлнѣи|ши 273 об., ноꙋ́жнѣиши 320 об., богáтѣишѝ 35 об., покорѝвѣишꙋ 47 об., лѣнѝвеищѝ 216 об. Один раз ᾽: стáрейшиѝ 223 (само собою разумеется, нельзя принимать в расчет: ѡстрѣ́|йше 305 об., ѿхꙋдѣ́|йшѝ 286 и грѣ́шне|иши 206. В суффиксе *-аи-* значки ˘ и ᾽ не встречаются: мнѡжáишаѧ 22 об., мно|жáишею 8 об., далечáиши 293 об., высочáиши 134, крѣпчáиши 14 об. (не в счет: глꙋбочá|йшѝ 251).

6) И, наконец, однажды в слове: ходáтайствено 213, при чем значок ˘ стоит как будто между *и* и *с*.

---

[1] Другие написания встречаются редко: свѡѣ́же 227.

[2] В случае болшѝ сеѫ̀ любве 108 об. имеется правка значка ударения ´ на ˋ, или наоборот, а не ˘.

Приложение № 5.

О ВОЗМОЖНОМ ЗАНОСЕ УПОТРЕБЛЕНИЯ КАМОРЫ НАД НАПРЯЖЕННЫМ О С ЮГА СЛАВЯНСТВА.

Почерк Сборника, обнимающий листы с 50 по 69 и с 77 по 99 об., отличается от почерка, данные которого введены в исследование: 1) большою непоследовательностью в отношении к русскому языку в расстановке знаков ударения (нередко, напр., значок стоит на предыдущем слоге: невлóжить 50, присѣ́дать 50 об., ѿтéбе 50-2, налúце ib., ѿнéго 51, вúна р. п. 51, зазúраи 57, рéщи 62, цѣ́луи 65 об. и т. п.; обратно: наземлю́ 50-2, ѡблáсть 80 об.); 2) употребление значка ' на последней гласной после гласной также очень непоследовательно: воспрещаи́ 56 об., послѣ́днюю 56 об., мыслеи́ 66 об., помыслъ твои́ 84 об., мно|жаѥ 93 об.; 3) из южнославянских особенностей очень часто *-рꙋ-, -лꙋ-*, при чем обычно на них стоит знак ´: потрꙋ́гнеть 50, неоꙋ́тлѣстѣ́ 51, содрꙋ́жати 58 об., оꙋ́мрꙋщваѥ́ 63, трꙋ́паща 96 об. и мн. др.; срвн. еще ъ на конце слова: мéлеть 50, *ѣ* вм. ѣ: себо вóлѣ́ ѣ есть 86б об.; идавшомоу 85; оухыщрáше 98 об.; 4) *ѣ* и *е* очень часто употребляются один вместо другого: кнекоéмоу 55 об., ѡслабеи́ 84 об., сѣденїе 57, неленúмсѧ 52-2, сбвести 79 об. и др.; вѣ́щи 62 (часто в этом слове), úскрѣ|нніи 83, вноутрѣнеѣ 80, полѣ́но 81 об., забвѣнїю 98, рѣ́кѣ́ 94 об.[1] В связи с общей неискусностью письма находится и употребление каморы ^, в котором несмотря на небольшой объем материала замечено 12 исключений: в̑пóлзѣ 50, вóлю 90, бесóвъ 95 об., ликóве 66 об. bis, рекбша 51, оꙋготóвилъ 52 об., смиренослóвити 89, обратно: твóрѧ 50 об., ѡчи твои 52, тóнѝ 51, прїатнó 78 об.

Приведем все случаи правильного употребления каморы: вóлѧ 52 об. (см. еще 78 об., 86б об., 89 об., 90 bis, 98), покóи 57 bis, 90, покрóвъ 78, бесóве 96, винóю 50, зженóю 51, состáришинóю 51 (где сохранилась память о древнем ударении *стá-*), мнóги 78 об. (см. еще 50, 50-2 об., 51 об., 88, 93, 95, 96), мнóжаѥ́ 81, дóброе 50-2 (см. еще 88 об., 91), готóвъ 87 об., оꙋ́бóгъ 88, ѡсóбь 96 об., винóвни 80, неᵘстóйнъ 98, бесó|вскаа 64 об., бóлѣ 50-2, в̑первóе 50, злóе 50-2, вторóе 59, добрó

[1] Следующие описки отражают диалектические особенности писца: свѣтлúшїи 55 (92), стáришинóю 51, пéрвіе 78 об.; крычанıа 83 об.

или злѳ 50 об., добрѳ 90 об., 91, зѣлѳ 64, 67, 86 б об., 89 об., 90 об., ѿлꙋкавáгѳ 52 об., ѿнегѳ 90, стоббю 50 об., 51 об., мнѳю̀ 83, грѡ́[6] твѳи 50 об., ничтѳ̑же 50 об. (но: чтó 95, 98, а также: почтѳ 90, 93); мѳ̀жеши 50-2 об. (96), восхо̑щеши 54, прѳси́|ши 51 об., нѳ̀сить 62 (50 об., 51), помѳлитсѧ 50 об., ѿхѳдить 50-2, вхѳдѧть 50-2 об., оу̯мнѳ̀жатсѧ 57, неоу̯готѳ̀ви 94 об., оу̯готѳ̀ва 93; кроме того: люббвїю 66; срвн. отсутствие каморы в случаях: нбз̑ѣ 55, мбрю 78 об., кооу̯стóмъ 68, скóро 51 об., въскóрѣ 95, пóмощь 96, впóмыслѣ 79, пббз̑ѣ 91 об.

Кроме вышеприведенных случаев, камора употреблена над односложными словами: и̑мнѣ̂ 89 об., сѣ̂ 87 об., мнѣ̂ 95 об., срвн. еще злы̑ѧ 50-2 об.

Нам известен еще памятник половины XVI в. (F. I 147 а), в котором при сильном влиянии южнославянской графики (часто *рг*, на конце *ъ* вм. *г*) замечается рядом с непоследовательностью в обозначении ударения (прóси п. н. 25, покло̀нюсѧ 25 об., вы̀лы 26, твои̑мъ 26, дръжавно́ е̑сть 27) замечается непоследовательность в употреблении каморы, хотя трудно отрицать, что каморою обозначалось также и напряженное *о* (см., напр., на листе 25: во̑дъ, е̑гѳ̀же, мѳи̑, но: нóщь, гóроу). Мы прочли из него три листа (25—27) и заметили порядочно уклонений: вóлѧ им. п. ед. ч., помѳ̀|щь, по̑нѹ̂sѣ̑, слѳ̀веса, мѳи̑ма, приклѳ̀ни п. н., врáзи мѳи̑. Кроме односложных слов и над *о*, камора встречается и в других случаях: ѱа̂лóмъ, стлѣ̑потвбренїе, покры̑еши, кна̂si, глáвоу̑, роука̂, словеса̂.

В виду того, что можно проследить обозначение каморой напряженного *о* в памятниках, графика коих находится под сильным южнославянским влиянием, мы склонны думать, что этот прием письма занесен к нам с юга славянства; но, как нашедший почву в русском произношении, он стал применяться и в памятниках, письмо коих освободилось от многих южнославянских, излишних для русского языка, приемов (напр. хотя бы от ростановки после плавных глухих на месте русских гласный + плавный, и этот прием нашел применение для чисто русских слов (стѹ́рожъ и ворбтцѣ̂ Сборн.).

Очень жалеем, что нам не удалось, за недостатком времени, поискать постановки каморы над *о* среди южнославянских памятников, в которых по нашим догадкам (мы видели печатную серб-

скую книгу, в которой камора стояла над *о*) такая постановка должна встретиться.

Приложение № 6.

ОБРАЗЕЦ ГОВОРА СЕЛА НОВОСЁЛКИ РЯЗАНСКОГО УЕЗДА И ГУБЕРНИИ.

(Запись сделана Ф. М. Тоньшиным, особенности женского говора приведены в выносках.)

Мужы́к вздýмал ѐхать ры́бу ловѝть и стал сыбира̀ть са̀ни: привяза̀л г гря́дтки ужы́шьшю, пылажы́л тапо̀р, а жана̀ вы́нисла из ызбы́ ватýлу и во̀спишьшю, пылажы́ла ф са̀ни и апѐть ушла̀ в ы́збу, пытамý што[1] и́стапель была ф по̀лнам разга̀ри. Мужы́к шумну́л, што[1] бы ба̀ба зытвари́ла выра̀та̀, а сам хлы́снул ло̀шать и паѐхал. Кады́[2] приѐхал он к о̀зиру, была̀ ишта̀[3] ра̀нния у́тра; мужы́к снял ку́ртачкю́ и стал прырубà̀ть кану́рку. Он рабо̀тал так усѐрдна, што[1] фся руба̀шка яво̀[4] была ат по̀та мо̀край. Ныларѝл мужы́к ры́бы мно̀га, пылажѝл гиѐ[5] ф са̀ни на во̀сьпишьшю, накры́л ватýлай, увяза̀л и тро̀нулси дамо̀й: сам и́дить[6] напирѐт[7] и тя́нить[8] за по̀ват ло̀шать, а ана̀ ташьшы́тца зза̀ди яво̀.[4] Лисѝца учю́ила в вазý дабы́чю и падýмыла: «дай, я ля́жу ны дарго̀ги и притварю́сь мѐртвай,[9] а кады́[2] минѐ мужы́к пало̀жыть на̀ вас, я паѐм ры́бу и убягý». Мужы́к увѝдял лисѝцу ны дарго̀ги и сказа̀л: «во̀т дабро̀-та, како̀й харо̀шай выратны́к маѐй ба̀би к шу́би пристро̀ю». По̀днял он лисѝцу, страхну́л снѐх ш шѐрсти, пылажы́л гиѐ[5] в гылавя́шки, а сам апѐть пашо̀л напирѐт;[7] он дабрѐ ра̀дался сваѐй нахо̀тки и харо̀шаму ло̀ву, што[1] зыгра̀л пѐсни. Так он даѐхал до̀ даму. Ба̀ба яво̀[4] вы́шла встрѐнуть му́жа и атвари́ла выра̀та̀. — «Ну, ба̀ба, угашыня́й минѐ чайкѐм и во̀дачкей: я табѐ мно̀га дабра̀ вязу́; пысматри́-ка, како̀й выратны́к, во̀н ны вазý», сказа̀л мужы́к сваѐй жанѐ. Ба̀ба пысматрѐла и зыварчя́ла: «ах ты, насмѐшник, што[1] ты лапо̀чиш, никако̀ва[10] тут выратника нѐт, ды ты и ры́бы-та ни ныларѝл, а ишта̀[11] чайкю̀ про̀сиш, табѐ и гисть дава̀ть нѐ за шта».[12] —

---

[1] шьшѐ. [2] кали́. [3] ишьтя́. [4] ягò [5] иѐ. [6] и́дя. [7] напирѐт [8] тя́ня. [9] мѐртвай. [10] никако̀га. [11] ишьшя́. [12] но̀ за шьшя.

«Што[1] ты, дурычкя, вытрискала глаза-та, сматрй пыд ватулай в гылавяшках». Так ани гутарили, и мужык атпрягал лошать, а кадыі[2] он стал разбирать сани, то и сам удивился, што[1] ф санях не была ни лисицы, ни рыбы.

воспище — полотно, заменяющее брезент.

ватула — одеяло ручной работы, изготовляемое из остатков льна и тряпок.

истопель — время утренней стряпни.

канурка — маленькая прорубь.

головяшки — передняя часть саней.

---

[1] шьшо. [2] калй.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

		стр.
От редактора		I
Отзыв А. А. Шахматова о труде Л. Л. Васильева		III
Предисловие		1
Объяснение сокращений. Рукописи. Старопечатные московские книги		3
Введение		5
Глава I.	Употребление каморы ˆ	17
» II.	Напряженное *ô* на месте древнего *ъ*	19
» III.	Звук *о* в абсолютном начале слов	21
» IV.	Напряженное *ô* на месте древних *е*, *ь*	23
» V.	Открытое *о*	24
» VI.	Напряженное *ô* в серединном открытом слоге	58
» VII.	Напряженное *ô* в закрытом срединном слоге	88
» VIII.	Напряженное *ô* в закрытом конечном слоге	109
» IX.	Напряженное *ô* в конечном открытом слоге	125
» X.	Напряженное *ô* в окончании членных имен прилагательных, а также местоимений и в твор. падеже ед. ч. имен существительных женского рода и местоимений	133
» XI.	Звук *о* в глаголах на *-овать*	139
» XII.	Звук *о* в именах собственных и книжных заимствованиях	141
» XIII.	(дополнительная). Некоторые общие выводы из наблюдений над русским ударением	143
Приложения (№№ 1—6)		146